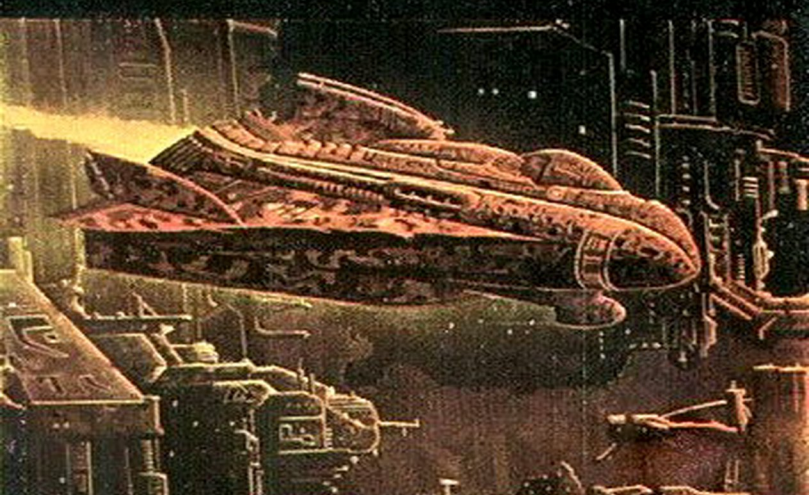
БЕСТСЕЛЛЕРЫ SF ФАНТАСТИКИ

КЛЕМЕНТ ХОЛ

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ

Продолжение романов
Экспедиция «Тяготение»
и
У критической точки

Звездный свет
Хол Клемент

Аннотация
Хол Клемент. Звездный свет
1. Остановка для бурения
2. Зрители
3. Нервный центр
4. Небольшая беседа
5. Из огня да в полымя
6. Политика
7. Обледеневший корабль
8. Пальцы в бульоне
9. Пересекшиеся цели
10. Взвешенные данные
11. Игра с радио
12. Направленные экстраполяции
13. Факты странны, вымысел убедителен
14. Спасательная команда
15. Суть
Эпилог: Уроки

Аннотация

На страницах этого романа вы увидите приключения Дондрагмера, Барленнана и других месклинитов, знакомых по первому роману цикла. Эти удивительные существа будут пытаться покорить незнакомую природу огромной планеты Дхраун, пользуясь помощью орбитальной станции людей, среди которых будет Элиза Хоффман, некогда тоже совершившая вынужденное путешествие на одну из больших планет…

Хол Клемент
Звездный свет

1. Остановка для бурения

Битчермарлф почувствовал, как прекратилась вибрация, когда корабль остановился, но все же инстинктивно взглянул наружу, прежде чем отпустить руль «Квембли». Конечно, это было бесполезно. Солнце, или, точнее, тело, о котором он старался думать, как о Солнце, зашло почти двадцать часов назад. Небо еще оставалось достаточно светлым, чтобы на нем не проступили звезды, но наступившие сумерки уже не позволяли различить детали на утопающем в снежной пыли пространстве вокруг корабля. След, оставленный «Квембли» на снегу, мог бы позволить как-то определиться, но он остался позади, а это было единственное направление, не доступное для взгляда с центра мостика, и отсюда, с поста у руля, скорость установить не представлялось возможным.

Капитан, расположившийся на своей платформе сверху и позади рулевого, правильно понял, из-за чего тот поднял голову, но если он и удивился, то не подал виду. За долгое время, равное двум человеческим жизням, что он провел в плавани-

ях по непредсказуемым океанам Месклина, он так и не научился любить неопределенность, не говоря уж о том, чтобы мирно уживаться с ней. Командование «кораблем», в устройстве которого он не очень-то разбирался, путешествие по суше вместо моря и мысль о том, что его родной мир находится более чем в трех парсеках отсюда, — все это нисколько не прибавляло уверенности в себе, и капитан ни в коей мере не осуждал за отсутствие таковой более молодых членов экипажа.

— Мы остановились, рулевой. Закрепись и начинай проверку-обслуживание, как и положено через каждые сто часов. Мы пробудем здесь десять часов.

— Да, капитан. — Битчермарлф закрепил руль фиксатором.

Взгляд, брошенный на часы, сказал ему, что до конца вахты оставалось еще около часа, и потому он начал проверять тросы, соединяющие рулевое устройство с передними тележками «Квембли».

Тросы были хорошо видны, так как все механизмы корабля располагались с наружной стороны корпуса. Строителей огромного лэнд-крейсера и его одиннадцати «близнецов-братьев» не слишком заботил внешний вид. И убедиться в том, что несколько дюймов троса над мостиком

не изношены, было нетрудно, это заняло лишь несколько секунд. Рулевой жестом сообщил капитану, что все в порядке, постучал по мостику, прося разрешения спуститься, подождал ответа, открыл трап по правому борту и поспешил вниз по лестнице, продолжать свою инспекцию.

Дондрагмер смотрел, как рулевой покинул пост, со спокойной душой, ведь тот был надежным матросом, так что в данный момент можно было выкинуть из головы проблемы управления кораблем. Капитана беспокоило другое. Он поднял переднюю часть своего восемнадцатидюймового тела, так что его голова оказалась на уровне переговорной трубы. Сиреноподобный вой, который без труда перекрыл бы любой ураган на Месклине, но здесь, в тиши снежного поля Дхрауна, совершенно неуместный, заставил вздрогнуть всю команду.

— Говорит капитан. Десятичасовая остановка для обслуживания и проверки. Вахтенным занять места. Исследовательскому персоналу следовать обычному распорядку, но прежде, чем выйти наружу, необходимо получить разрешение с мостика. Никаких полетов, пока вертолеты не будут как следует осмотрены. Энергоотсек — докладывайте!

— Проверяем. — Голос, прозвучавший на переговорной трубы, был ниже по тону, чем у Дондрагмера.

— Жизнеобеспечение — ваше слово!

— Жизнеобеспечение — проверка.

— Связь!

— Связь — проверка.

— Кервенсеру заступить на вахту на мостике! Я собираюсь выйти наружу. Исследовательский отсек, сообщите данные наружной атмосферы!

— Один момент, капитан. — Короткая пауза — и голос доложил: — Температура семьдесят семь, давление двадцать шесть и один, ветер около двадцати одного, постоянный, скорость двести кабельтовых в час, фракция кислорода стандартная при ноль ноль сто двадцать два.

— Спасибо. Похоже, не так уж и страшно.

— Нет. С вашего разрешения, я хотел бы выйти вместе с вами, чтобы взять образцы с поверхности. Можно ли установить бурильную установку? Думаю, за десять часов нам удастся добыть образцы с довольно большой глубины.

— Хорошо. Выход наружу вам разрешается. Я выхожу немедленно, а вы собирайте свое бурильное оборудование и, когда будете готовы, сообщите Кервенсеру номер вашей партии, он

отметит в вахтенном журнале.

— Спасибо, капитан. Мы не задержимся.

Дондрагмер позволил себе расслабиться. Конечно же, он не собирался покидать мостика до появления сменщика, хотя двигатели были уже остановлены. Кервенсер появится лишь через несколько минут, ему, в свою очередь, необходимо сначала передать обязанности своему сменщику. Тем не менее, ожидание не особенно тяготило капитана, ему было о чем подумать. Дондрагмер не принадлежал к числу существ, заранее обо всем беспокоящихся (нервная система месклинитов не реагирует на неопределенность подобным образом), но ему нравилось обдумывать ситуацию, прежде чем ее пережить. Тот факт, что, случись что-нибудь с «Квембли», а помощи в радиусе ближайших десяти или двенадцати тысяч миль взяться было неоткуда, его не обескураживал и не вырастал в какую-то особую проблему. Все это не слишком отличалось от ситуаций, с которыми ему приходилось сталкиваться большую часть жизни на безбрежных морях Месклина. Основное беспокойство вызывала машина, которой он командовал. Этот корабль никоим образом не походил на тот набор свободных плотиков, какой в его понимании был

кораблем. Его заверили, что при необходимости он может плавать. Он и действительно плавал во время испытаний, когда проходил проверку на далеком Месклине, где и был построен. Но ведь с тех пор многое произошло: его разобрали, погрузили на челночный корабль, переправивший его на орбиту вокруг мира, где он был создан, там, в космосе, его погрузили на межзвездный корабль, а затем, после прыжка в три парсека, перегрузили на другой, весьма отличающийся челнок, который доставил детище Месклина на поверхность Дхрауна, где его заново собрали. Дондрагмер лично наблюдал за разборкой и последней сборкой «Квембли» и других аналогичных кораблей, но промежуточные стадии не были доступны его непосредственному наблюдению. Именно в этом и заключалась истинная причина, гнавшая сейчас капитана наружу.

Как ни высоко ценил он Битчермарлфа и всех остальных членов подобранной им команды, все же он любил личные впечатления. Конечно, говорить об этом Кервенсеру, когда тот появился на мостике, не стоило, все и без того было ясно, тем более что, скорее всего, первый офицер и сам был таким же.

— Проверка и обслуживание ведутся полным

ходом. Исследователи собираются выйти и пробурить шахту. Я тоже решил выйти и посмотреть, как обстоят дела. — Вот и все, что сказал Дондрагмер, покидая мостик, да еще добавил: — Если потребуется, посигнальте мне внешними прожекторами. Все — на ваше усмотрение.

Кервенсер беззаботно щелкнул двумя клешнями.

— Все будет в порядке, Дон. Желаю получить удовольствие.

Капитан выбрался через оставшийся открытым люк, из которого только что появился его сменщик, заметив про себя, что Кервенсер вовсе не так уж беззаботен, как хотел показать.

Четырьмя палубами ниже, в шестидесяти футах от мостика, в кормовой части располагался главный воздушный шлюз. На пути туда Дондрагмер останавливался несколько раз — поговорить с членами команды, работавшими среди балок, тросов и трубопроводов внутри чрева «Квембли», и к моменту, когда он добрался до шлюза, четверо ученых уже были там со своим бурильным оборудованием и даже начали облачаться в гермокостюмы. Капитан критическим взглядом наблюдал, как они, извиваясь, вползали в прозрачные сооружения, удобно размещая там

свои длинные тела и многочисленные ноги, проверяли герметичность костюмов и запас аргона и водорода. Удовлетворенный, он жестом разрешил им выход и начал одеваться сам.

К тому времени, как Дондрагмер выбрался наружу, ученые уже вовсю разворачивали и устанавливали аппаратуру. Он бросил короткий взгляд в их сторону, остановившись на минутку на пандусе, ведущем из шлюза на поверхность. Капитан видел, что они делали, и вполне мог положиться на них, но, увы, он ни на минуту не мог быть спокоен, не зная, какой сюрприз преподнесет им погода, так как из-за низкого положения глаз над уровнем поверхности он мог видеть небо лишь постольку, поскольку позволял нависающий над ним корпус судна.

Темнота надвигалась медленно, очень, очень медленно, по мере того как двухмесячный период обращения Дхрауна все дальше отодвигал слабенькое солнце за горизонт. Как и дома, горизонт сам по себе казался расположенным выше его поля зрения, а создавала такой эффект спрессованная тяготением атмосфера, она же заставляла яростно перемигиваться звезды, как только они становились видимыми. Дондрагмер взглянул в сторону носа корабля, но двойные

звезды — Хранители южного полюса, Фомальгаут и Сол, — по-прежнему еще не появились. В небе, дрейфуя в западном направлении, тянулись перистые облака. Очевидно, ветер на высоте примерно тысячи или двух тысяч футов дул в другую сторону, чем на поверхности, как и обычно в дневное время. Но Дондрагмер знал, как все здесь ненадежно: всего лишь в нескольких тысячах миль к западу находилась территория, где заходящее солнце гораздо сильнее влияло на температуру, чем здесь, и там перемены в погоде могли наступить уже через несколько дюжин часов, но какие перемены — он даже не смел предположить, это уже выходило за пределы возможностей матроса с Месклина, хотя и вооруженного кое-какими знаниями в области чужой метеорологии и физики.

Тем не менее, на данный момент все, казалось, было в порядке. Дондрагмер спустился вниз по пандусу на снег и продвинулся примерно на сто ярдов к востоку, так как шлюз был расположен по правому борту корабля, — частично для того, чтобы осмотреть другую часть неба, частично — чтобы завершить общий обзор своего корабля, прежде чем перейти к детальной инспекции.

На западе небо тоже не вызывало тревоги, и

Дондрагмер ограничился коротким взглядом.

«Квембли» выглядел как обычно.

Для человека, возможно, корабль показался бы сигарой, скрученной на теста и долго пролежавшей на столе. Длина его достигала примерно сотни футов, а ширина — двадцати — двадцати пяти футов, наиболее высокая точка корабля находилась на высоте примерно двадцати футов над снегом. В действительности таких точек было две: верхняя точка изгиба корпуса (примерно на одной трети длины от кормы) и командный мостик. Последний представлял собой в плане двадцатифутовый прямоугольник, и его очертания странным образом нарушали гармонию плавной линии корпуса. Расположен он был почти у самого носа, в том месте, где передние гусеничные тележки почти соприкасались с поверхностью. Это позволяло рулевому, командиру и вахтенным наблюдать за местностью во время движения.

Плоское днище машины возвышалось примерно в ярде над снегом, поддерживаемое большим числом гусеничных тележек. Каждая из них была изготовлена индивидуально и соединена с соседними сложной системой мощных тросовтяг, позволяя «Квембли» совершать повороты с

очень малым радиусом и обеспечивая довольно хорошее сцепление с грунтом. Между тележками и корпусом располагалось то, что можно было бы назвать пневматическим демпфером, который распределял тягу и адаптировался к незначительным неровностям местности.

Гусеницеподобная фигура медленно передвигалась вдоль ближней стороны лэнд-крейсера: очевидно, Битчермарлф продолжал инспекцию тросов. Примерно в двадцати ярдах от капитана уже была установлена короткая башенка бура для взятия глубинных образцов. А сверху, держась за поручни, которые усеивали корпус, но были едва заметны с того места, где находился капитан, карабкались члены команды, инспектировавшие швы на герметичность — весьма нервная работа для месклинита. Агорафобия была нормальным и здоровым явлением для существа, выросшего в мире, где гравитация на полюсах превышала шестьсот земных «g», и даже далеко от полюса, в районе, откуда родом была команда «Квембли», составляла примерно треть этой величины. Сравнительно слабое притяжение Дхрауна, примерно тринадцать сотен футов в секунду за секунду, несколько ослабило проклятие боязни высоты, но инспекция корпуса по-прежнему была наименее

популярной обязанностью. Дондрагмер пополз назад, через плотно спрессованную смесь белых кристаллов и коричневой пыли, иногда покрытую случайными лишайниками, и, достигнув корпуса, стал взбираться по борту наверх, чтобы помочь в работе.

Огромные, изогнутые плиты корпуса, выполненные из пластика борона, армированного кислородо- и флюориносодержащими полимерами, были изготовлены в мире, которого никто из месклинитов никогда не видел, хотя большинство команды и имело дела с его обитателями. Инженеры-химики, земляне, позаботились, чтобы плиты, составляющие корпус, смогли противостоять любым коррозийным воздействиям, какие только могли предусмотреть. Они прекрасно понимали, что Дхраун был одним из мест во Вселенной, которое в этом отношении не лучше, а, скорее, даже хуже, чем их собственный кислородно-водяной мир. Кроме того, они прекрасно знали о его чудовищном тяготении и все это держали в уме, когда синтезировали части корпуса и адгезивы — как временные склеиватели, использованные при испытании на Месклине, так и постоянные, примененные при окончательной сборке машин на Дхрауне.

Дондрагмер полностью полагался на мастерство этих людей, но не мог забыть, что им не приходилось и не придется никогда сталкиваться лицом к лицу с условиях, с которыми боролись созданные их руками механизмы.

Хотя капитан и уважал теорию, зато очень хорошо знал пропасть между теорией и практикой, а потому уделял максимум внимания проверке соединений между частями огромного корпуса.

Ко времени, когда он удостоверился, что все детали, по-прежнему, в хорошем состоянии, небо стало заметно темнее. Кервенсер в ответ на стук по внешней оболочке мостика, сопровождаемый несколькими жестами, включил часть внешних прожекторов, при свете которых те, кто еще оставался на корпусе, закончили свою работу и благополучно спустились назад на снег.

Битчермарлф, вынырнув откуда-то из-под огромного корпуса, доложил, что линии тяги в отличном состоянии. Буровики тем временем извлекли с глубины нескольких футов очередные пробы и теперь тащили их в лабораторию, тащили сразу же, едва лишь извлекался сегмент, так как никто не знал, как реагируют образцы на низкую температуру. Хотя на поверхности местный снег, похоже, был единственной водой,

то есть точка таяния его лежала в безопасных пределах, никто не мог быть уверен, что так же обстоит дело и на глубине.

Искусственный свет мешал осматривать небо. Первым признаком изменения погоды стал неожиданно налетевший порывистый ветер. «Квембли» слегка покачнулся на своих тележках, а тросы зазвенели в плотном воздухе, струящемся мимо них. Однако месклиниты не волновались: при гравитации Дхрауна, чтобы их сдуть, потребовалась бы работа внушительного смерча, они здесь весили столько же, сколько весили бы их статуи тех же размеров из золота на Земле. Дондрагмера, инстинктивно вонзившего клешни в пыльный снег, взволновал не ветер, гораздо больше он был раздражен тем, что не заметил облаков, которые ему сопутствовали. Легкие перистые облака, усеивающие небо примерно на высоте тысячи футов, сменились рваными кучевыми, бегущими низко над поверхностью. Осадков пока еще не было, но никто из матросов не сомневался, что они вот-вот появятся, хотя неизвестно, в какую форму выльются и с какой яростью обрушатся.

На Дхрауне месклиниты провели уже полтора года, по человеческим меркам, или четверть

оборота планеты, но это не так уж много, чтобы изучить особенности мира, гораздо большего по размерам, чем их собственный. Даже если бы Дхраун полностью завершил один из своих оборотов, то и этого времени не хватило бы, и команда Дондрагмера прекрасно знала это.

Голос капитана перекрыл завывания ветра:

— Все внутрь! Бердженди, Реффел и Стакенди — ко мне, помогите собрать бурильное оборудование! Первый, кто окажется внутри, — передать Кервенсеру, чтобы включил двигатели и был готовым развернуть корабль носом по ветру, как только последний из нас окажется на борту

Дондрагмер в момент, когда отдавал команду, понял, что ее, может быть, нельзя выполнить. Вполне вероятно, что проверка находится сейчас на такой стадии, когда запуск двигателей невозможен. Тем не менее, отдав приказ, он о нем больше не думал: команда сделает все, чтобы приказ выполнить, а внимание капитана требовалось в другом месте. Бурильное оборудование представляло собой главную ценность, эти механизмы послужили основной причиной присутствия месклинитов на Дхрауне. Даже Дондрагмер, наиболее свободный от предвзятости в отношении человеческих мотивов, которой были

заражены многие из месклинитов, подозревал, что обычный человек, в том числе и ученый, мог счесть бурильное оборудование более ценным, чем жизнь одного или даже двух месклинитов.

Исследователи, вытащив бур, уже направлялись внутрь корабля, когда капитан приблизился к ним. В шлюзовой отсек отправились треножник и передаточный механизм устройства, приводимого в движение мускульной силой. Снаружи остались только поддерживающий остов и башенки контроля — наименее значимые части, так как их можно заменить без помощи людей. Однако, несмотря на это, поскольку ветер не становился сильнее, капитан и его помощники задержались, чтобы забрать их тоже. Ко времени, когда все было готово, остальные уже исчезли внутри, и Кервенсер, стоя на мостике наверху, явственно выказывал признаки нетерпения.

С чувством удовлетворения Дондрагмер проводил свою группу вверх по пандусу и запер за собой дверь шлюза. Теперь они стояли на плите шириной в ярд и длиной в отсек, лицом к бассейну с жидким аммиаком, занимающему половину внутреннего отсека. Наиболее тяжело нагруженные члены группы осторожно спустились в жидкость, удерживаясь за поручни, подобные

тем, что были на корпусе снаружи. Прочие, подобно капитану, просто нырнули. Внутренняя стена отсека уходила в глубину на четыре фута ниже поверхности, а затем следовал трехфутовый проем между нижним краем стены и дном бассейна. Проплыв сквозь щель и выбравшись на другой стороне, месклиниты оказались на выступе, подобном только что покинутому. Другая дверь открыла им доступ во внутреннее помещение «Квембли».

Чувствовался слабый запах кислорода. Несколько пузырьков наружного воздуха всегда проникали внутрь, сопровождая все, что проходило через шлюз, но тяжелые аммиачные пары и катализаторы, размещенные во многих местах внутри корпуса, давно уже доказали способность справляться с этой неприятностью и держать ее под контролем. Большинство месклинитов научились не обращать внимания на запах, так как все знали, что по-настоящему малое количество газов не заключало в себе опасности.

Исследователи, скинув защитные костюмы, удалились со своей аппаратурой и контейнерами, предохраняющими образцы от жидкого аммиака. Дондрагмер отослал оставшихся по местам и отправился на командный мостик.

Кервенсер, увидев капитана, появившегося из люка, вознамерился было покинуть пост управления, но Дондрагмер жестом приказал ему остаться на месте, а сам направился к правому борту супермашины. Часть пола на мостике была прозрачной. Земные инженеры поначалу собирались сделать прозрачным весь пол, позабыв о психологии месклинитов. Взбираться на корпус и само по себе было для них делом нелегким, но находиться на прозрачном полу, когда под тобой пятнадцать или даже больше футов воздуха, — это уж вообще выходило за пределы всякого благоразумия. Капитан остановился на краю одной из таких прозрачных панелей пола и трепетно посмотрел вниз.

Серая поверхность вокруг огромной машины оставалась неизменной, несмотря на ветер, сотрясавший корпус. Ветер был нипочем для снега, спрессованного двенадцатикратным, по сравнению с земным, тяготением в течение столь долгого времени, что не поддавалось оценке. Даже завихрения вокруг «Квембли» ничем себя не обнаруживали, хотя Дондрагмер ожидал, что они пробуравят дыры у основания тележек. Еще дальше, вплоть до границ света прожекторов, не было видно ничего, кроме дыр, откуда брали

образцы, и случайных, дрожащих на ветру веток кустарника. Он пронаблюдал несколько минут, ожидая, что ветер произведет какое-нибудь разрушительное действие, но, не дождавшись, обратил свое внимание на небо.

Несколько ярких звезд уже просвечивали сквозь разрывы в облаках, но Хранители полюса все еще не появились. Они стояли всего лишь в нескольких градусах над южным горизонтом, и, благодаря рефракции, облака, в беспорядке клубившиеся повсюду, блокировали обзор. По-прежнему не было ни дождя, ни снега, а чего ожидать — неизвестно. Температура снаружи по-прежнему держалась чуть ниже точки плавления чистого аммиака, что намного ниже точки плавления водяного льда, но трудно сказать, какой эффект она могла произвести на снег под кораблем, состоящий из смеси аммиака с водой. Дондрагмер знал о взаимной смешиваемости воды и аммиака, но никогда не пытался запомнить фазовые диаграммы или таблицы точек замерзания различных смесей. И если снег растает, «Квембли» придется продемонстрировать плавательные способности, но капитан не горел желанием проводить испытания.

Кервенсер прервал его мысли.

— Капитан, корабль будет готов к отправлению через четыре-пять минут. Включать двигатели?

— Нет пока. Я боялся, что ветер выметет снег из-под нас и перевернет машину, как волна выброшенную на берег лодку, и потому хотел, чтобы мы стояли носом к ветру, чтобы такое не случилось. Но, похоже, нет никакой опасности. Пусть продолжаются проверочные работы везде, где можно, лишь бы они не помешали за пять минут включить двигатели.

— Да, капитан. Я отдам распоряжения.

— Хорошо. Тогда будем держать включенными внешние прожекторы и наблюдать за почвой вокруг нас, пока не будем готовы возобновить движение или пока не стихнет ветер.

— Ужасно раздражает, что никак не понять, когда это произойдет.

— Да уж. Дома шторм редко продолжается более часа и никогда — более одного дня. Этот мир вращается так медленно, что штормовые поля могут быть величиной с континент, и кто знает, сколько сотен часов они будут гулять над нами? Придется просто дожидаться, когда это кончится.

— Вы имеете в виду, что мы не сможем продолжить путешествие, пока ветер не стихнет?

— Ну, не знаю. Воздушная разведка рискован-

на, а без нее мы не можем двигаться достаточно быстро, если не хотим попасть в переделку. Так, во всяком случае, думают люди, там, наверху.

— Мне не нравится быстрое движение. Просто невозможно осмотреть местность, если не останавливаться иногда. И все равно, наверное, мы много упустили такого, что даже эти людишки сочли бы интересным.

— Похоже, они знают, чего хотят: им важно определить, является ли Дхраун планетой или звездой. И они платят по счетам. Я допускаю, что парням становится скучно, если нечем занять себя, кроме самых обыденных вещей, — сказал капитан.

Кервенсер в ответ промолчал, хотя и не оставил замечание без внимания. Он знал, что командир не пытался намеренно оскорбить людей, даже после пренебрежительного замечания по поводу человеческих существ со стороны своего помощника. Это был один из пунктов, по которым Дондрагмер довольно резко расходился с большинством своих спутников, считающих само собой разумеющимся, что чужаки пытаются заполучить все, что можно, как и всякие хорошие торговцы. Но командир провел больше времени, близко общаясь с людьми, панешками и учены-

ми-дроммианами, чем кто-либо из месклинитов, благодаря чему проникся терпимостью и расположением к чужакам, не говоря уж о большом к ним уважении, что большинство месклинитов, однако, считало мягкотелостью.

Споры по этому вопросу разгорались не часто, и прибытие Битчермарлфа предотвратило словесные баталии и на этот раз. Битчермарлф доложил о завершении инспекции. Дондрагмер жестом отослал его, приказав прислать на мостик другого рулевого, и молчал, пока не появился сменщик. Такуурч, напротив, не принадлежал к числу тех, кто любил помалкивать, и, добравшись до мостика, незамедлительно приступил к тому, что считал беседой. Кервенсера, как обычно, забавляло воображение и нахальство сменщика, и он поддержал его болтовню, Дондрагмер же разговор игнорировал, лишь иногда обращая внимание на какие-то реплики. Все мысли капитана были прикованы к тому, что происходило снаружи, хотя на первый взгляд могло показаться, что там не происходило ничего.

Он выключил огни на мостике и все внешние прожекторы, кроме расположенных у самой поверхности планеты, чтобы свет не мешал осматривать небо. Облаков, как будто бы, по-

убавилось, да и размеры их стали меньше, но они неслись с той же скоростью, что и прежде. Завывание ветра, доносившееся снаружи, не ослабевало. Постепенно появлялись звезды. На мгновение в разрыве облаков мелькнул один из Хранителей, как быстро окрестили их месклиниты, у самого горизонта, на юге. Дондрагмер не мог сказать, какая именно это звезда: и Сол, и Фомальгаут с поверхности Дхрауна казались одинаково яркими и, из-за их яростного перемигивания сквозь плотную атмосферу планеты, совершенно неразличимыми по цвету, а кроме того, облака тут же сомкнулись, закрыв Хранителя.

— …Вся группа плотиков с правого борта расползлась, и, кроме меня, на основном плоту не осталось никого…

По-прежнему не было ни намека на снег или дождь, и, к облегчению капитана, очищающееся небо делало осадки все менее вероятными. По одной из переговорных труб капитан вызвал лабораторию и выслушал, что температура падает, что сейчас она равна примерно семидесяти пяти градусам — на три градуса ниже точки плавления аммиака: все еще довольно опасная, но изменяющаяся в нужную сторону.

— …Островов к юго-западу от Дингбара. Нас вы-

бросило на берег штормовой волной, и довольно высоко, на сухое место. Половина плотиков была переломана. Я…

Облака в небе теперь почти исчезли, и звездам ничто не мешало перемигиваться. Конечно же, созвездия были знакомыми. Ведь смещение точки отсчета на три парсека не сильно изменило картину неба, да и времени, чтобы привыкнуть к незначительным изменениям, было у Дондрагмера в достатке. Он снова попытался найти Хранителей, и снова неудачно. Наверное, ближе к югу еще оставались облака. Было слишком темно, чтобы в этом убедиться зрительно. Даже выключение прожекторов на мгновение не помогло, зато привлекло внимание двух присутствующих, остановив неиссякаемый поток анекдотов.

— Что-нибудь меняется, капитан? — веселое настроение Кервенсера мгновенно исчезло, как только забрезжила вероятность каких-то действий.

— Возможно. Звезды постепенно появляются, но в южном направлении их пока не видно. Да, если честно, их нет по всему горизонту. Подойдите, взгляните сами.

Первый офицер повиновался и, подойдя, коснулся одного из переключателей. Копье элек-

трического света пронзило темноту. Дондрагмер поманипулировал парой управляющих кабелей, и луч, метнувшись к западной части горизонта, заплясал, пока не лег параллельно поверхности. Из горла Кервенсера вырвался вой — примерный эквивалент возгласа удивления у человека.

— Туман! — воскликнул рулевой. — Непустой, но все же он закрывает горизонт.

Дондрагмер махнул клешней в знак согласия, одновременно наклоняясь к переговорной трубе.

— Исследовательский отсек! — заорал он. — Возможно выпадение осадков. Проверьте, что это за туман и как он может воздействовать на лед под нами.

— Но чтобы взять пробу, понадобится некоторое время, сэр, — пришел ответ. — Конечно, мы постараемся побыстрее. Нам разрешается выход наружу? Или работать через корпус?

Капитан задумался на мгновение, прислушиваясь к завыванию ветра.

— Выход наружу разрешаю. Но постарайтесь не задерживаться.

— Мы отправляемся немедленно, капитан.

По жесту Дондрагмера первый офицер покинул свой пост, и все трое направились к правому борту, в самый конец мостика, чтобы понаблюдать

за выходом партии наружу.

Месклиниты передвигались быстро, но туман сгущался все сильнее. Ко времени, когда открылся люк, в этом не оставалось сомнений. Две гусеницеподобные фигуры, тащившие груз, имеющий очертания цилиндра, достигли точки, которая просматривалась сверху, с мостика, и установили навстречу ветру свое оборудование — воронку, переходящую в фильтр. Несколько минут ушло на то, чтобы убедиться, что захваченного вещества вполне достаточно, затем они демонтировали оборудование, заключили фильтр в контейнер, предохраняющий пробу от воздействия жидкого аммиака в шлюзе, и направились назад к кораблю.

— Теперь у них целый день уйдет на то, чтобы разобраться, что это такое, — буркнул Кервенсер.

— Не думаю, — успокоил помощника капитан. — Они уже столько возились с экспресс-анализами водоаммиачных смесей, что накопили порядочный опыт. Помнится, Бордендер что-то говорил о высокой степени достоверности при наличии определенного количества образцов.

— Если так, то почему они медлят?

— Да они еще только-только выбрались из своих гермокостюмов, — терпеливо объяснил

капитан.

— А почему нельзя сначала доставить образцы в лабораторию, а потом снимать костюмы? Почему нельзя…

Сиреноподобный вой, раздавшийся из переговорной трубы, прервал его. Дондрагмер подал сигнал, что слушает.

— Почти чистый аммиак, капитан. Я думаю, это переохлажденные капли жидкого аммиака. Они смерзлись в комок в фильтре и, растаяв здесь, превратились в хорошую порцию внешней атмосферы. Если вы почувствуете запах кислорода в течение ближайших нескольких минут, это оно и есть. Пожалуй, такая смесь может покрыть ледяной коркой весь корпус, а если обледенение достигнет мостика, то, как мы поняли на примере фильтра, это будет мешать обзору. Вот пока и все, что я могу сказать о возможных неприятностях.

Дондрагмер мог бы сказать больше, но он ни с кем не стал делиться своими предположениями и прервал связь с лабораторией.

— Такого с нами, с тех пор как мы здесь, еще не происходило, — заметил капитан своему помощнику. — Не столкнулись ли мы с каким-то сезонным изменением? Хотелось бы мне, чтобы люди подольше наблюдали за этим миром, преж-

де чем продать нам идею об исследовании его для них. Как замечательно было бы знать заранее, что последует дальше! Кервенсер, запустите двигатели. Когда будете готовы, разверните корабль носом по ветру и продвигайтесь вперед — очень медленно, — если сможете что-нибудь разглядеть снаружи. Если же не сможете, то двигайтесь по кругу как можно ближе к точке последней остановки, чтобы оставаться на почве, которая нам уже знакома. Не спускайте глаз с кабелей — конечно, там, где они выходят наружу, — и дайте мне знать, если к ним начнет что-то прилипать. Поставьте наблюдателя к кормовому портику, пусть наблюдает за следом корабля, это может что-нибудь дать. Понятно?

— Приказы — да, капитан. Чего вы ожидаете — нет.

— Может быть, я ошибаюсь, но даже если я и прав, то все равно нам ничего другого не остается. Мне не нравится идея выходить наружу и вручную очищать кабели. Остается только надеяться на лучшее.

— Да, капитан. — Кервенсер отправился выполнять полученные приказы.

Когда термоядерные двигатели тележек «Квембли» пробудились к жизни, капитан приблизился

к пластиковому блоку, имеющему высоту четыре дюйма, длину один фут и ширину четыре дюйма и расположенному перед командным пультом. Он сунул одну из своих клешней внутрь небольшого отверстия в блоке, поманипулировал кнопками управления и начал говорить.

2. Зрители

Хотя звук распространялся с немалой скоростью, голос доходил до адресата достаточно долго. Радиоволны сперва пролетали сквозь плотную, хотя и быстро редеющую атмосферу, а затем сквозь космическое пространство. Секунда за секундой летели они, постепенно ослабевая, но спустя полминуты после начала своего путешествия еще обладали сконцентрированной энергией, позволяющей воздействовать на десятифутовую сетчатую антенну.

Антенна, с которой они столкнулись, была закреплена на цилиндре диаметром сотни в три футов и длиной, вполовину меньшей, образуя сооружение, напоминающее штангу, которая медленно вращалась вокруг своей оси, перпендикулярной к оси цилиндра.

Ток, инициированный волнами в антенне, перетекал в кристаллик величиной с булавочную головку, служащий детектором, и там зарождался поток электронов, усиливающийся расположенным рядом крошечным генератором, а оттуда попадал в старомодный громкоговоритель, уста-

новленный почти в самом центре цилиндра — в отсеке площадью в тридцать квадратных футов.

Лишь через тридцать две секунды после того, как Дондрагмер произнес свои слова, они достигли ушей троих из пятнадцати человеческих существ, дежуривших сейчас в отсеке.

Дондрагмер не знал, кто там находится в это время, и потому говорил на языке людей, который он выучил, а не на своем, так что все трое поняли его.

— Внимание, говорит «Квембли». Внеочередной сеанс связи. Два с половиной часа назад мы остановились для обычной проверки оборудования и исследований. Ветер был примерно двести кабельтовых в час, западный, облачность незначительная. Вскоре после нашей остановки ветер набрал скорость более чем в три тысячи кабельтовых…

Лицо одного из присутствующих приобрело удивленное выражение, спустя мгновение лицо второго тоже вытянулось.

— Месклинитский кабельтов — это примерно двести шесть футов, Бойд, — пояснил последний.

— Ветер поднялся с пяти миль в час до шестидесяти.

— Спасибо, Изи.

Их внимание вновь обратилось к громкоговорителю.

— Туман полностью обволок нас и становится все гуще. Я не решаюсь пока продолжить движение, как планировал, и сейчас иду по кругу, чтобы не дать гусеницам обледенеть. Туман, как считают мои ученые, представляет собой переохлажденный аммиак. Почва покрыта замерзшей водой — снегом. Похоже, моим ученым не пришло в голову, что при росте температуры где-то до семидесяти градусов туман может растопить немного замерзшей воды, частично сам перейдя в жидкое состояние.

Я понимаю, что при создании нашей машины предполагалось, что она может быть использована и как плавательное средство. Вряд ли почва настолько подтает, но все же хотелось бы знать, подумал ли кто-нибудь о том, что произойдет, если жидкость замерзнет вокруг наших гусениц.

Признаюсь, мне никогда не приходилось высвобождать корабль изо льда вручную, и сама эта мысль не очень-то меня привлекает, тем более что у нас на борту нет никакого специального оборудования для действий в подобной ситуации. Ведь я собирал и комплектовал эту машину сам.

Я вызвал вас, чтобы доложить: мы можем

застрять здесь на гораздо более долгий срок, чем планировалось. Я буду постоянно информировать вас, и если мы потеряем способность двигаться, хорошо бы на этот случай располагать хоть какими-нибудь идеями, чтобы занять наших ученых. Они уже проанализировали и проверили на практике большую часть из того, что вы предлагали для условий обычной остановки.

— Спасибо, Дон, — ответила Изи. — Мы постоянно будем на связи. Я попрошу наших наблюдателей и аэрологов высказать предположения о том, как долго может продержаться туман, в который вы попали. Может быть, у них уже есть что-нибудь полезное. Ведь вы находитесь на ночной стороне около дня, а значит, возможно, уже готовы последние данные фотосъемок. Сама я не знаю возможностей их приборов, но, так или иначе, я проверю и сообщу тебе.

Женщина отключила микрофон и повернулась к своим товарищам, в то время как ее слова все еще летели к Дхрауну.

— Хотела бы я понимать по голосу Дона, сильно обеспокоен он или нет, — заметила она.

— Каждый раз, когда месклиниты наталкиваются на что-то новое на этой ужасной планете, я поражаюсь, как мы вообще имели наглость

послать их туда. Или как у них хватило храбрости согласиться.

— Ну, с определенностью могу сказать, что их никто не заставлял и никто хитростью туда не заманивал, Изи, — произнес одни из присутствующих.

— Месклинит проводит большую часть жизни как матрос, прочесывая свою планету от экватора до южного полюса, и его не назовешь наивным ни в чем, что касается любых исследований или первопроходчества. Да мы бы и не смогли их перехитрить, даже если бы и захотели.

— Разумом я все это понимаю, Бойд, но вот мой живот не всегда соглашается. Когда «Квембли» засел в песке всего в пятистах милях от базы, я чуть не съела свои собственные губы, пока месклиниты выбирались. Когда «Смоф» Дэнсичереджа попал в расщелину, куда его затащил грязевой поток, я осталась в одиночестве, поддержав решение Барленнана послать туда один из больших лэнд-крейсеров на подмогу. А когда исчез «Эскет», вместе со всей командой, в которой было много моих очень близких друзей, я сражалась с Аланом и Барленнаном из-за их решения *не* посылать туда спасательную группу. Я и сейчас думаю, что они были неправы.

Я знаю, что Дхраун — работа, которую надо выполнить, и что месклиниты согласились на нее, отчетливо понимая, на какой риск идут. Но когда одна из их команд попадает в переделку, я просто не могу не представить себя там, внизу, с ними, и поэтому склонна принимать их сторону, когда возникает спор по поводу спасательной операции. По-моему, в конце концов меня снимут с работы из-за этого, но так уж я устроена.

Бойд Мерсерэ рассмеялся.

— Не волнуйтесь, Изи. Вам потому и поручена эта работа, что вы реагируете подобным образом. Пожалуйста, помните, что, если даже мы и не соглашаемся в чем-нибудь с Барленнаном или с кем-то из его группы, мы находимся в сорока миллионах миль от них и Барленнан все равно волен поступить так, как захочет. Но это не значит, что вы должны изменить свое отношение. Ничуть.

— Гм. — Если Элиза Хоффман и была довольна или испытала облегчение, она не подала виду. — То же самое всегда говорит мне Иб, но я считаю его мнение предвзятым.

— Согласен, но не стоит подозревать его в предубежденности. Он говорит и правильные вещи, и иногда вы должны ему верить.

— Спасибо, Изи.

Ответ Дондрагмера прервал их разговор.

На этот раз месклинит воспользовался своим языком, который никто из присутствующих мужчин не понимал хорошо.

— Я буду рад каждому сообщению ваших наблюдателей. Барленнану ничего не сообщайте, если только сами не сочтете нужным. В общем, для нас пока опасности нет, а ему есть о чем подумать и без нас, пусть не беспокоится понапрасну. Свои предложения по проведению исследований можете пересылать прямо сюда, в лабораторию, на второй передатчик. А сейчас я отключаюсь, но у всех четырех передатчиков будут дежурные.

Динамик замолчал, и Аукойн, третий из находящихся в отсеке, встал со своего места и вопросительно посмотрел на Изи.

Она перевела.

— Что ж, значит, нам прибавится работы, — вздохнул Аукойн. — У нас уже есть несколько разработанных программ, запланированных на более поздний срок путешествия «Квембли», но если Дондрагмер надолго застрянет там, где он сейчас, то мне лучше пойти взглянуть, какие из них сгодятся. Я уже уяснил себе из первого сообщения — он не думает, что скоро сможет двигаться дальше. Схожу-ка я сначала к расчетчи-

кам. Пусть они поточнее высчитают координаты местоположения «Квембли» с помощью теневых спутников. Затем зайду к атмосферникам, узнаю их мнение, а потом, если понадоблюсь, буду в отсеке планирования.

— Может быть, мы с вами встретимся у атмосферников, — ответила Изи. — Я собираюсь немедленно начать собирать информацию, которую хочет иметь Дондрагмер, если вы останетесь на вахте, Бонд.

— Хорошо, я задержусь немного. У меня, правда, есть кое-какие другие дела, но я прослежу, чтобы все экраны «Квембли» были под наблюдением. Да, вот еще что. Вам лучше сказать Дону, кто здесь остался на вахте, чтобы он не послал какое-нибудь важное сообщение на стеннийском, или как там называется его родной язык? Думаю, эти шестьдесят четыре секунды задержки радиоволн не так уж много значат, если учесть, что мы можем отсюда сделать для него.

Женщина пожала плечами, произнесла несколько слов на языке крошечного матроса в микрофон, помахала Мерсерэ и ушла прежде, чем Дондрагмер услышал ее последнюю фразу.

Алан Аукойн ушел еще раньше.

Метеорологическая лаборатория располага-

лась на самом «высоком» уровне цилиндра, близко к оси вращения станции, чтобы человек чувствовал себя хоть на одну десятую легче, чем в коммуникационном отсеке.

Поскольку люди на станции нуждались в тренажерах для поддержания физической формы, а места не хватало, то при проектировании было решено, что их роль будут выполнять обычные лестницы, а автоэскалаторы, как и интеркомы, были предусмотрены только в качестве аварийного оборудования, поэтому у Изи Хоффман был выбор: либо спиральная лестница у самой оси симметрии цилиндра, либо любая из нескольких обычных. Так как у нее не было никакого груза, она воспользовалась обычной лестницей и через минуту уже достигла цели, находящейся точно «наверху».

Наиболее значительными предметами в этом отсеке были две, по двадцать футов в диаметре каждая, атмосферные карты Дхрауна, и каждая представляла собой картинку — экран, несущий информацию об изменениях температуры, давления на разных высотах, скорости ветра на поверхности планеты, а также другие данные, получаемые либо с теневых спутников, находящихся на низкой орбите, либо от исследо-

вательских групп месклинитов.

Пятнышко зеленого цвета отмечало положение Базового лагеря, расположенного слегка к северу от экватора, а девять желтых искорок, разбросанных неподалеку, указывали местонахождение исследовательских лэнд-крейсеров. На фоне гигантской планеты эта группа объектов поражала своей скученностью, хотя на самом деле они были разбросаны по довольно большой территории — примерно на восемь тысяч миль к востоку и западу от лагеря и на двадцать — двадцать пять тысяч миль к югу и северу. И все это на западной стороне того, что метеорологи называли Нижней Альфой.

Желтые светлячки, за исключением двух, вырвавшихся далеко в холодные области на западе, располагались примерно по контуру Нижней Альфы. Конечно, хорошо бы со временем расположить следящие станции по всему контуру, но пока они охватывали немногим более четверти восьмидесятитысячемильного периметра.

Цена была высокой — и не просто в денежном исчислении, которое Изи привыкла считать мерой измерения затраченных усилий, но и в жизнях.

Она поискала глазами на карте обведенный

красным кружком желтый огонек на самом краю Нижней, отмечавший позицию «Эскета». Семь месяцев — три с половиной дня Дхрауна — прошло с тех пор, как люди в последний раз видели членов его команды, хотя передатчики по-прежнему слали виды внутренних отсеков лэнд-крейсера.

Снова и снова Изи с грустью думала о своих друзьях — Кабремме и Дестигмете. И часто, сама не сознавая того, она беспокоила совесть Дондрагмера, упоминая о них в разговорах с командиром «Квембли».

— Привет, Изи!

— Хай, мам! — ворвались в ее невеселые мысли голоса вошедших.

— Привет, парни погоды, — ответила она. — У меня есть друг, которому срочно требуется прогноз. Можете помочь?

— Если для нашей станции, то конечно, — ответил Бендж.

— Не будь циничным, сын. Ты уже достаточно взрослый, чтобы понимать такие вещи. Это — для Дондрагмера, с «Квембли».

Она показала на желтый светлячок на карте и, вкратце обрисовав ситуацию, добавила:

— У Алана имеются более точные координаты

«Квембли», если это имеет какое-то значение.

— Да нет, разница небольшая, — сказал Сайлас Макдевитт. — Но, поскольку вам не по нраву циничные замечания, придется выбирать слова осторожнее и быть более точным: огонек, там, на экране, должен находиться несколько правее, на несколько сотен миль, однако сомневаюсь, что расчетный прогноз из-за этого заметно изменится.

— Я вообще не уверена, достаточно ли у вас данных для любого прогноза, — парировала Изи. — Погодные изменения даже на этой планете идут с западного направления, а местность к западу уже многие дни находится на теневой стороне. Так не могли бы вы просмотреть аналогичные ситуации, наблюдаемые раньше? Может быть, это что-нибудь прояснит?

— О, конечно.

Сарказм Бенджа сменился энтузиазмом, заставившим его, забыв о перепалке, с головой погрузиться в атмосферную физику.

— Большинство наших данных получено с помощью отраженного солнечного света, вернее, с помощью того, что излучается с поверхности планеты. Но дело в том, что планета гораздо больше излучает в пространство, чем получает от солнца.

Из-за этого и разгорелся весь сыр-бор — считать ли Дхраун звездой или все-таки отнести его к планетам. Мы в любой момент можем узнать температуру почвы, мы узнали кучу всяких вещей о поверхности, уровнях облачности. С южными ветрами… — Он внезапно умолк, заметив, что Макдевитт внимательно смотрит на него, но не сумел прочесть выражение лица метеоролога.

Макдевитт, вовремя заметив замешательство молодого человека, ободряюще кивнул, прежде чем с того слетела вел юношеская самоуверенность.

— При такой мощной гравитации плотность воздуха падает примерно вдвое с каждым ярдом высоты. И это вызывает изменения температуры поистине поразительные. — Бендж снова замолчал, на этот раз глядя на свою мать. — Ты понимаешь или надо пояснить?

— Мне не хотелось бы сейчас вникать глубоко в описанную тобой проблему, — ответила Изи, — но общее понимание картины у меня есть. По-моему, ты немного сомневаешься, что твой прогноз верен, что надо сообщать Дону с точностью до минуты, когда туман у них там собирается разойтись. Может быть, тебе будет полезен его доклад о поверхностном давлении

и направлении ветра? На «Квембли» ведь есть приборы, ты знаешь.

— Может быть, — подтвердил Макдевитт, в то время как Бендж молча кивнул.

— Могу я поговорить с «Квембли»? И поможет ли мне кто-нибудь из них? Стеннийским я практически пока не владею.

— Я помогу, если мне удастся четко перевести твои технические термины, — ответила Изи. — Если вы планируете с пользой провести здесь отпущенное вам время, то было бы неплохо попытаться изучить язык наших маленьких друзей. Многие из них знают наш, но они, определенно, одобрили бы эту идею.

— Знаю. И собираюсь это сделать. И буду рад, если вы мне поможете.

— Когда смогу. Но, конечно, вы гораздо чаще будете видеть Бенджа.

— Бендж? Ну и что? Он приехал сюда вместе со мной, три недели назад, и вряд ли успел выучить язык лучше, чем я. Мы оба занимались проверкой местных обсерваторий и компьютерных систем — насколько они соответствуют проектным разработкам.

Изи улыбнулась своему сыну.

— Может быть, и так. Но Бендж такой же язы-

ковый жук, как и его мать. И, думаю, он будет вам полезен, хотя, должна признать, свой стеннийский он получил скорее от меня, чем от месклинитов. С детства он настаивал, чтобы я учила его языкам — ему хотелось иногда иметь секреты от своих сестер. Спишите это, если вам больше нравится, на родительскую гордость. Но дайте ему попробовать. Правда, чуть позже. Сначала надо передать информацию Дондрагмеру, и как можно скорее. Он сообщил, что ветер западный, скорость шестьдесят миль в час, если это вам как-то пригодится.

Метеоролог на мгновение задумался. Затем он и Бендж повернулись к приборам и в течение нескольких минут колдовали над ними. Их действия мало что значили для Изи, хотя, конечно же, она знала, что они вводят цифровые данные в вычислительное устройство. Но ей было приятно видеть Бенджа, самостоятельно управляющегося со своей работой, без подсказок и контроля.

Они с мужем прекрасно понимали, что математические познания парня могли оказаться недостаточными для области исследований, в которой лежали его интересы. И хотя то, чем он сейчас занимался, являлось обычным делом и было по плечу каждому, кто имел хоть какое-то

образование, Изи предпочла гордиться сыном.

— Конечно же, — заметил Макдевитт, пока машина переваривала введенные данные, — все равно останется место сомнениям. Здешнее солнце не слишком-то влияет на температуру поверхности Дхрауна, но и пренебрегать этим эффектом полностью тоже нельзя. С тех пор, как люди сюда прибыли три года назад, планета постепенно все приближается и приближается к солнцу. Практически мы не имели данных об условиях на поверхности, за исключением, разве что, тех, что получали с помощью полудюжины роботов, пока, спустя полтора года, не был создан Базовый лагерь месклинитов. Однако даже их деятельность охватывает лишь крошечный участок планеты. Наша работа по прогнозам почти полностью эмпирична, но, как бы мы ни доверяли законам физики, для вывода эмпирических правил у нас пока просто недостаточно материала.

Изи кивнула.

— Я понимаю, да и Дондрагмер тоже, — сказала она. — И все же вы располагаете большей информацией, чем он, и, мне кажется, он был бы рад любым сведениям в данной ситуации. Если бы я сама находилась там, внизу, в тысячах миль

от любой помощи, внутри машины, которая в действительности проходит стадию испытаний, и даже не могла разглядеть того, что творится вокруг меня, то, доложу вам на основании собственного опыта, я ухватилась бы за малейшую возможность знать, что происходит снаружи. И не просто ограничилась бы беседой, хотя и она помогает, но захотела бы, чтобы меня лицезрели и видели все, что написано на моей физиономии.

— Мы и так чертовски много времени поддерживаем с ними видеосвязь, — вставил Бендж. — Но даже когда там внизу нет облачности, шесть миллионов миль — многовато для телескопа.

— Ты прав, конечно, но, по-моему, ты отлично знаешь, что я имела в виду, — тихо произнесла его мать.

Бендж пожал плечами и ничего не сказал; в помещении почти на полминуты воцарилась весьма напряженная тишина.

Тишину неожиданно нарушил компьютер, извергнувший бумажную ленту с замысловатыми символами прямо перед Макдевиттом. Мать и сын склонились над его плечами — узнать, что там напечатано, хотя Изи ничего не понимала. Бендж, секунд пять поглядев на строчки информации, издал странный звук — нечто среднее

между смешком и удовлетворенным хмыканьем. Метеоролог посмотрел на него:

— Давай, давай, Бендж. Можешь быть саркастичным, сколько влезет, но я бы воздержался от передачи этих результатов Дондрагмеру без проверки.

— Почему же? Что там такого? — спросила женщина.

— Большая часть информации поступила с теневых спутников. Кроме того, я подключил к введенному массиву данных и ваши сведения о ветре, но уменьшил степень вероятности, потому что не знаю, что за инструменты там, внизу, у этих гусениц, и насколько точны переданные вам цифры — вы ведь сами сказали о скорости ветра: примерно шестьдесят. Я ничего не ввел про туман, поскольку не имею о нем никаких сведений, кроме самого факта существования. При такой программе первая строчка данных, выданных компьютером, гласит, что видимость в норме, то есть в норме для человеческих глаз, прошу заметить, но и для глаз месклинитов примерно то же самое, насколько я понял: двадцать две мили.

Изи вопросительно подняла брови.

— Как же это понимать? О какой норме может идти речь? А я-то думала, что все эти старые шу-

точки насчет метеорологов давно устарели!

— Ну, они просто стали пресными, старомодными. Все дело в том, что мы не располагаем полноценными данными, которые требуются для ввода в машину, и взять их негде. Самое главное — отсутствует детальная топографическая карта планеты. Особенно плохо разведана пара миллионов квадратных километров к западу от «Квембли». Ветер, дующий вверх или вниз по довольно крутому склону, при любой значительной скорости мог бы быстро изменить температуру воздушных масс из-за одного лишь изменения давления, как несколько минут назад указал Бендж. В действительности даже лучшие топографические карты, имеющиеся в нашем распоряжении, разрабатывались исходя только из этого эффекта, но и они довольно отрывочны. Мне необходимо получить более детальные измерения от парней Дондрагмера и сделать еще один прогон. Вы, кажется, говорили, что Аукойн собирается более точно определить местоположение «Квембли»?

Изи не успела открыть рот для ответа, как в комнате появился Алан Аукойн собственной персоной. Он не стал тратить время на приветствия и принял как само собой разумеющееся, что ме-

теорологи уже сообщили Изи дополнительную информацию.

— Восемь точка четыре пять пять градуса к югу от экватора, семь точка девять два три — к востоку от меридиана Лагеря. Это настолько точно, насколько они могут поклясться. Тысяча ярдов неопределенности — много это или мало для того, что вам нужно?

— Сегодня просто все упражняются в остроумии, — пробормотал Макдевитт. — Спасибо, этого вполне достаточно. Изи, не могли бы мы спуститься в отсек связи и переговорить с Дондрагмером?

— Хорошо. Вы не будете возражать, если с нами пойдет и Бендж, или есть какая-нибудь работа, которую ему надо выполнить здесь? Я хотела бы, чтобы он тоже познакомился с Дондрагмером.

— И, как бы случайно, показал свои лингвистические способности? Ладно, пусть идет. А вы. Алан?

— Нет. У меня масса работы. Я хотел бы проанализировать расчеты любого прогноза, который оказался достаточно верным, и мне надо знать все, что сообщит Дондрагмер. Хочу посмотреть, как это повлияет на результаты. Я буду в отсеке планирования.

Метеоролог кивнул, соглашаясь. Аукойн направился в одном направлении, а трое остальных спустились по лестнице в отсек связи. Мерсерэ исчез, как и предупреждал, но один из наблюдателей разместился с таким расчетом, чтобы присматривать за экранами «Квембли». Он помахал им рукой и вернулся на свое место, как только вошла Изи. Остальные обратили на процессию мало внимания. Здесь привыкли к постоянным приходам и уходам, так как существовало жесткое правило: в отсеке связи никогда не должно быть менее десяти наблюдателей, а график дежурств был гибким, иначе, как обнаружили, возникал эффект дорожного гипноза.

Четыре передатчика, связывающие станцию с «Квембли», располагались в центре, перед группой из шести кресел. Над ними, чуть выше, были установлены соответствующие видеоэкраны, которые хорошо просматривались и из общих рядов кресел позади. Каждое из шести «вахтенных» кресел было оборудовано микрофоном и переключателем, что позволяло входить в контакт с любым из радиопередатчиков «Квембли».

Изи с комфортом устроилась в центральном кресле и, переключив свой микрофон на прибор, установленный на капитанском мостике Дон-

драгмера, сосредоточилась на экране. Камера передатчика смотрела в сторону иллюминаторов мостика, и сообщения месклинитов о тумане оказались совершенно верными. Пост рулевого и находящийся там матрос смутно различались в нижнем левом углу экрана; остальное пространство заливала серая пустота. Свет на мостике был притушен, но, как рассудила Изи, туман за окнами подсвечивался наружными прожекторами «Квембли».

— Дон! — позвала она. — Здесь Изи. Ты на мостике?

Она запустила таймер и осмотрелась по сторонам.

— Бордендер! Любой дежурный! — продолжила она на стеннийском. — Мы никак не можем получить надежный прогноз погоды с той информацией, которой располагаем. Мы просим сообщить, и как можно точнее, температуру снаружи на данный момент, скорость ветра, наружное давление, а также любые данные, касающиеся состава тумана, и…

— И ту же информацию за последние несколько часов, как можно более точно указав время замеров, — на том же языке продолжил Бендж.

— Мы будем готовы к приему информации, как

только закончим разговор с мостиком, — сказала женщина.

— Нам бы пригодилось все, что у вас есть, по составу атмосферы, тумана и снега, — добавил ее сын.

— Если же вы располагаете еще каким-то материалом, который, по вашему мнению, мог бы помочь, мы будем рады получить его, — закончила Изи. — Вы находитесь на месте событий, в отличие от нас, и, должно быть, имеете какие-то собственные соображения насчет погоды на Дхрауне.

Первые слова отвечавшего месклинита чуть перекрыли завершающую фразу Изи. Таймер был установлен на временную задержку, в течение которой радиоволны совершали полет до Дхрауна и обратно, на станцию. И вот ответ с мостика пришел:

— Здесь Кервенсер, миссис Хоффман. Капитан внизу, в отсеке систем жизнеобеспечения. Я могу вызвать его сюда, наверх, если хотите, или сами свяжитесь с ним по прибору, установленному там. Однако, если вы можете дать нам какой-нибудь совет, мы бы хотели получить его как можно быстрее. Отсюда, с мостика, ничего не разглядеть даже на длину тела, и мы не осмеливаемся дви-

гаться вперед иначе, чем по кругу. Полеты, еще до того как мы остановились, дали нам кое-какое представление об окружающей местности, и это место кажется достаточно надежным, но мы не решаемся продвигаться вперед. Мы перемещаемся исключительно медленно, по кругу диаметром примерно в двадцать пять кабельтовых. И, за исключением тех моментов, когда мы оказываемся кормой или носом к ветру, ощущение такое, будто корабль собирается опрокинуться через каждые несколько секунд. Туман при соприкосновении с окнами замерзает, поэтому снаружи ничего не разглядеть. Гусеницы, похоже, все еще чистые, как мне кажется, потому что при движении намерзший на них лед раскалывается прежде, чем успевает причинить вред. Однако, по-моему, тяги управления тележками могут обледенеть в любой момент, и очищать их от льда — незавидная работенка. Возможно, нам придется поработать снаружи, но сам бы я не решился на такое, пока не стихнет ветер. К тому же, слова «обледенение скафандра» звучат неприятно. Будут какие-нибудь предложения?

Изи терпеливо ждала, когда Кервенсер закончит. Задержка в шестьдесят четыре секунды производила одинаковое впечатление на всех,

но особенно сильное на тех, кто много разговаривал с планетой. Эти люди старались сделать свои фразы как можно более информативными, пытаясь предугадать, что бы хотела услышать другая сторона.

Как только Изи поняла, что Кервенсер закончил и ждет ответа, она вкратце пересказала сообщение, переданное ученым, не упоминая, конечно, о результате расчетов на компьютере, из которых следовало, что погода должна стоять ясная.

Месклиниты знали, что земная наука отнюдь не является непогрешимой, большинство из них имели куда более реалистичное представление о ее возможностях, чем многие люди, но они не видели никакого смысла выставлять себя в глупом свете, если этого можно избежать. Конечно, Изи не метеоролог, но она человек, и Кервенсер, возможно, равнял ее с другими.

Вся группа почти в полном молчании ожидала ответа первого офицера, когда Изи закончила сообщение. Бендж, по просьбе Макдевитта, пробормотал перевод, что заняло у него чуть больше времени, чем само послание. Когда же наконец пришел ответ, то он состоял всего лишь из вежливого обещания, что люди вскоре получат нужную им информацию: ученые «Квембли» немедленно

передадут запрошенные сведения.

Изи и ее сын приготовились к приему данных. Она включила запись, чтобы иметь возможность проверить любой технический термин еще до попытки его перевода, но послание пришло на языке людей. Очевидно, его передавал Борден-дер. Макдевитт, довольно быстро оправившись от удивления, начал делать записи, в то время как Бендж неотрывно следил за карандашом и, навострив уши, слушал месклинита.

В общем-то, не так уж и плохо, что Изи не пришлось переводить. При всем ее хорошем знании стеннийского в обоих языках оставалась масса незнакомых ей слов, которые было не перевести адекватно. Она понимала, что это вполне естественно и не стоит из-за этого расстраиваться, но никак не могла избавиться от неприятного ощущения. Она не могла думать о месклинитах как о представителях культуры, схожей с той, которая породила Робин Гуда или Гарун-аль-Рашида, хотя прекрасно знала, что уже несколько сотен месклинитов за последние полвека получили под руководством землян довольно значительное научно-техническое образование. Об этом факте широко не распространялись, поскольку существовало широкое мнение, что плохо пе-

редавать сложные знания «отсталым» расам. Считалось, что это может вызвать у них комплекс неполноценности и предотвратить дальнейший прогресс.

Но метеорологов это не волновало. Когда прозвучало последнее «Конец связи», Макдевитт и его ассистент быстро пробормотали в ближайший микрофон «Спасибо» и заторопились в свою лабораторию. Изи, заметив, что микрофон установлен на связь с капитанским мостиком, переключила его и ответила более аккуратным подтверждением полученных данных, вежливо поблагодарила и отключилась. Затем, решив, что больше никому не понадобится в лаборатории метеорологии, она откинулась на спинку кресла, с которого хорошо просматривались все четыре экрана «Квембли», и стала ждать, когда что-нибудь случится.

Мерсерэ вернулся спустя несколько минут после ухода Макдевитта и Бенджа, и его пришлось ввести в курс последних событий, больше не происходило ничего существенного. Иногда на одном из экранов мелькало длинное, похожее на гусеницу тело, но месклиниты занимались своими делами, практически не обращая никакого внимания на наблюдателей.

Беседа между Изи и Мерсерэ тихо увяла. Мало что можно сказать друг другу, что уже не было бы сказано: год, проведенный вне Земли, исчерпал темы для бесед, за исключением профессиональных вопросов и проблем чисто личного характера. Личного интереса у Изи к Мерсерэ практически не было, хотя он ей, в общем-то, и нравился как человек, а профессиональные интересы соприкасались лишь во время сеансов связи с месклинитами.

Изи подумывала уже, не начать ли еще одну беседу с Кервенсером. Она хорошо знала этого офицера, и он ей определенно нравился, почти так же, как и сам капитан. Тем не менее, мысль о временной задержке между вопросом и ответом обескураживала ее, как часто бывает при отсутствии важной темы, которая требовала бы обсуждения.

В отсеке связи стояла почти полная тишина. Лишь каждые несколько минут с одного из исследовательских лэнд-крейсеров поступал рапорт, который немедленно передавался в Базовый лагерь, но большинство людей, несущих вахту, имели ничуть не больше тем для беседы, чем Изи и Бойд Мерсерэ.

Изи поймала себя на том, что пытается пред-

положить, когда же метеорологи вернутся со своим прогнозом и насколько надежным этот новый прогноз окажется. Пусть, скажем, две минуты пути до лаборатории, даже одна, если они торопились; еще одна — на ввод новой информации в компьютер; две — на прогон; пять минут, поскольку она хорошо знала своего сына, — на споры по поводу того, действительно ли этот прогноз лучше предыдущего; повторный прогон с модифицированным разбросом переменных; затем две минуты на спуск вниз — обратно в отсек связи, тут-то они, наверняка, торопиться не станут, все еще продолжая спорить. Но все равно скоро они должны появиться здесь.

Но прежде чем они появились, кое-что изменилось. Совершенно неожиданно экран капитанского мостика приковал к себе общее внимание. До сих пор на нем все было спокойно, виднелись лишь неясные очертания иллюминатора, покрытого замерзшим аммиаком, да на его фоне смутно проглядывало изображение рулевого, казавшегося почти полностью неподвижным, поскольку рычаг управления находился в другой плоскости, ибо «Квембли» двигался по кружному пути, о котором говорил Кервенсер.

И вдруг иллюминаторы буквально на глазах

очистились, хотя за ними по-прежнему мало что можно было разглядеть: угла раствора камеры передатчика не хватало, чтобы захватить участок поверхности планеты в зоне, освещенной прожекторами. Появились еще двое месклинитов и, приблизившись к иллюминаторам, посматривали наружу и возбужденно жестикулировали. Мерсерэ указал на другой экран: там, в лаборатории, также царило возбуждение. Но пока никто из исследователей не счел нужным сообщить, что же происходит. Изи решила, что они слишком заняты возникшими проблемами, но, впрочем, они и всегда-то держали громкость на довольно низком уровне, иногда даже полностью выключали звук, если только не хотели о чем-то определенном поговорить с людьми.

И как раз в этот момент вернулись метеорологи. Уголком глаза Изи заметила своего сына и спросила, не оборачиваясь:

— Ну, на этот раз есть что-нибудь ценное?

Ответил Макдевитт:

— Да. Должен ли Бендж перевести это им?

— Нет. Похоже, у них там что-то случилось. Свяжитесь с ними сами. Дондрагмер, скорее всего, уже на мостике или вот-вот появится там, так что адресуйтесь к нему. Когда ваши слова достигнут

планеты, он их услышит. Вот, пожалуйста, воспользуйтесь этим микрофоном и креслом.

Метеоролог повиновался без возражений и заговорил, едва усевшись в предложенное кресло.

— Дондрагмер, примерно двенадцать часов видимость будет ухудшаться. Туман, грозящий обледенением, продержится еще около часа, а затем температура станет понижаться, туман сменится кристаллами аммиака, которые не будут прилипать к вашим иллюминаторам. Если вам удастся избавиться от уже намерзшего на них льда, вы сможете разглядеть поверхность планеты даже сквозь идущий снег. Ветер постепенно будет слабеть в течение ближайших пяти часов. К тому времени температура окажется достаточно низкой, так что не беспокойтесь, вам не грозит таяние. Сильная облачность ожидается еще примерно в течение сорока пяти часов… — Он продолжал говорить, но Изи перестала слушать.

Почти в самом начале речи Макдевитта, еще до того, как его послание начало поступать на Дхраун, к передатчику на капитанском мостике подполз месклинит, причем настолько близко, что его гротескная голова заполнила собой весь экран. Одна из его рук-клешней протянулась в сторону, и Изи поняла, что он включает звук.

Она не удивилась, услышав, что капитан говорит гораздо более спокойным тоном, чем можно было ожидать в подобных обстоятельствах.

— Изи или любой, кто находится на вахте, пожалуйста, передайте специальный рапорт Барленнану. Температура снаружи повысилась на шесть градусов за последние несколько минут и достигла ста трех градусов, лед стаял с иллюминаторов, и мы оказались на плаву.

3. Нервный центр

Возможно, со стороны Дондрагмера было невежливо передавать сообщение на языке землян. Время, которое занял бы перевод, могло немного смягчить шок Макдевитта. Но хуже всего, как признался потом сам метеоролог, было понимание того, что его собственное предсказание уже летело к Дхрауну, и никакой силой его не остановить. У него мелькнула дикая мысль взять корабль и пуститься вдогонку за радиоволнами, летевшими к планете, чтобы каким-то чудом заслонить им путь к приемникам «Квембли». Мысль длилась лишь мгновение — что еще можно успеть за тридцать две секунды? Кроме того, ни один из тендеров, имевшихся на станции, не был предназначен для сверхсветовых полетов, большинство на них использовалось для обслуживания теневых спутников.

Изи, сидевшая в соседнем кресле, казалось, даже не заметила разницы между прогнозом и докладом Дондрагмера. По крайней мере она не посмотрела на него с выражением, которое не могли бы скрыть девятеро из десятерых его

друзей. Ну, она ничего такого и не подумала, решил Макдевитт, именно поэтому она здесь и работает.

Женщина уже манипулировала своим переключателем, а ее внимание было сосредоточено на экране несколько меньших размеров, находившемся над четырьмя, которые показывали «Квембли». Сперва индикатор рядом с ним горел красным, но, по мере того как она делала переключения, его цвет изменился на зеленый, и сразу на экране возникло изображение комнаты, похожей на кабинет, в которой собрались дюжины месклинитов. Изи начала доклад немедленно.

Ее речь была краткой: она всего лишь повторила несколько фраз Дондрагмера и закончила задолго до того, как поняла, что ее слова услышаны.

Ага, вот и подтверждение: все до единого гусеницеподобные тела, находящиеся в пределах видимости, метнулись к приемнику. Хотя Изи так и не научилась читать выражения «лиц» месклинитов, нельзя было никак иначе истолковать размахивание конечностями и щелканье клешнями. Одно из созданий помчалось к полукруглому выходу в дальнем конце комнаты

и скрылось там. Несмотря на черную с красным окраску существ, Изи вдруг вспомнила, как несколько лет назад одной из ее дочерей попала в дыхательное горло длиннющая макаронина, и подумала, что месклинит похож на ту макаронину, так как при сорокакратном земном тяготении для человеческого глаза он казался безногим.

Звук еще не дошел с Дхрауна, но в коммуникационном отсеке уже вспыхнули разговоры. Исследовательским лэнд-крейсерам не впервой было попадать в переделки. В общем-то, сами месклиниты воспринимали подобные трудности гораздо хладнокровнее, чем человеческие существа, находящиеся в роли беспомощных наблюдателей. Хотя интерком на станции не включали, люди, каким-то образом узнав новость, начали появляться в комнате и устраиваться в креслах. Экран за экраном на панелях мониторинга настраивались на полевой штаб в Базовом лагере.

Тем временем Изи и Мерсерэ полностью сосредоточили внимание на четырех экранах, передающих с «Квембли», и лишь изредка бросали взгляды на другой.

Судя по изображениям на экранах, нельзя было категорически утверждать, что корабль находится на плаву, потому что передатчики двигались

точно так же, как и сам корабль, оборудование неподвижно стояло на своих местах, ничто не двигалось толчками и не перекатывалось. С другой стороны, основу команды составляли хорошо обученные матросы, и привычка, выработанная всей их жизнью, не позволяла им оставить вещи незакрепленными. Изи внимательно следила за экраном, связанным с мостиком, надеясь заметить что-нибудь снаружи корабля — что-нибудь, дающее хоть какое-то представление о происходящем, однако ничего нельзя было разобрать сквозь окна. Затем и окна исчезли из поля зрения, так как передний план снова занял Дондрагмер, желая дополнить свой доклад.

— Похоже, нет никакой опасности в данный момент. Если судить по показаниям лага, ветер тащит нас довольно быстро. Наш магнитный курс — шестьдесят шесть. Корабль погружен в жидкость примерно до уровня второй палубы. Наши ученые пытаются вычислить плотность этой жидкости, однако никто не догадался составить таблицы водоизмещения корпуса судна, насколько мне известно. Если у вас, людей, имеются эти данные, мы были бы рады получить их. Надеюсь, мы не наткнемся на что-нибудь твердое, не могу даже предположить, насколько это вероятно,

но пока этого не случилось, мы в безопасности. Все наши приборы и установки функционируют нормально, не считая того, что гусеницам не за что уцепиться: они просто вращаются, если подавать энергию на тележки. Пока все. Если ваши теневые спутники могут контролировать наше местонахождение, мы также будем рады иметь и эту информацию, и как можно чаще. Передайте Барленнану, что пока все в порядке.

Изи, поиграв переключателем на пульте, повторила все сказанное капитаном практически дословно. Когда ее слова достигли Лагеря, она увидела, как дежурный месклинит принялся записывать сообщение. Изи надеялась, что у пишущего возникнут какие-то вопросы, и хотя вряд ли она могла бы ответить на них, это придало бы ей уверенности, в которой она нуждалась, а так на нее снова нахлынуло ощущение собственной беспомощности и какой-то безнадежности. Тем временем месклинит, молча приняв информацию, захватил записи и направился к двери, а Изи принялась гадать, сколько времени понадобится ему, чтобы доставить сообщение командиру. Ни у одного из людей не было ни малейшей идеи по поводу того, где в точности расположен Базовый лагерь, который в последнее время все чаще ста-

ли называть Поселком.

На самом деле путешествие было недолгим. Большая часть пути пролегла снаружи корабля, по открытому месту — из-за вполне понятного отношения колонистов к массивным объектам над головой, отношения, которое трудно было изменить даже в мире, где тяготение составляло лишь доли процента того, что было на Месклине. Почти всюду потолки над Поселком были выполнены из плотной прозрачной ткани, доставленной с их родной планеты. Единственное отступление от обычного, общего для Месклина принципа строительства городов заключалось в том, что строения здесь, за редким исключением, располагались вровень с поверхностью, как диктовала сама местность. Мысль о фундаменте или втором этаже никогда бы не пришла в голову месклиниту. Многопалубный «Квембли» и остальные лэнд-крейсеры в основном были разработаны землянами и панешками.

Курьер пропетлял примерно двести ярдов по переплетениям коридоров, прежде чем добрался до строения, занимаемого командиром. Здание располагалось в северной части скопления строений высотою в фут, составляющих большую часть Поселка. Остальная часть построек закопа-

лась в почву вдоль края шестифутового уступа, протянувшегося примерно на две мили с запада на восток и перерезанного в нескольких местах искусственными проходами. Под уступом, возвышаясь палубами над прозрачным покрытием Поселка, лежали два огромных лэнд-крейсера. Стена дома Барленнана также была прозрачной и открывала вид на один из кораблей, находящийся довольно близко. Другой корабль тоже было видно, но он располагался примерно в тысяче футов восточнее. Снаружи работали несколько месклинитов в гермокостюмах. По сравнению с кораблем, вокруг которого они суетились, они казались карликами.

Барленнан как раз критически наблюдал за этой группой механиков, когда появился курьер и, не прибегая ни к каким формальностям, тут же принялся зачитывать сообщение, переданное Изи. И к тому времени, как командир повернулся, чтобы взять письменную копию рапорта, он знал содержание.

Конечно, сведения не слишком утешительные. У Барленнана возникло немало вопросов уже после первого сообщения, но это послание не отвечало ни на один из них. Однако командир сдержал свое нетерпение.

— Полагаю, от метеорологов-землян ничего полезного так до сих пор и не поступило.

— Для нас, командир, совершенно ничего. Конечно, они могли говорить с «Квембли», не поставив нас в известность.

— Правда. Ну, а до наших метеорологов что-нибудь дошло?

— Насколько мне известно — нет, командир. Ничего ценного. Но Гузмиин, возможно, мог отправить туда послание.

— Хорошо. Я хочу с ними побеседовать сам и буду в их комплексе примерно через полчаса или чуть позже. Сообщите Гузу.

Курьер сделал подтверждающий жест клешней и исчез за дверью, через которую появился. Барленнан направился к другой. Неторопливо продвигаясь в западном направлении, минуя здание за зданием, он следовал по лабиринту туннелей с прозрачными потолками. Эти туннели, соединяя все постройки, делали Поселок одним целым.

Большая часть туннелей на пути Барленнана имела уклон вверх, так что, повернув на юг от края уступа, он оказался уже на более высоком уровне — на пять футов выше, чем его дом, хотя все еще и не на уровне командных мостиков крей-

серов позади него. Материал потолка над ним натянулся несколько сильнее, так как давление почти чистого водорода, составляющего атмосферу в Поселке, с высотой падало не так быстро, как давление гораздо более плотной смеси газов атмосферы Дхрауна. Полное давление наружной атмосферы здесь было примерно таким, как на уровне моря на Месклине. И только когда лэнд-крейсеры спускались к более низким широтам, они брали с собой на борт дополнительный запас аргона, чтобы поддерживать баланс давлений внутренней и наружной атмосфер.

А так как в атмосфере Дхрауна содержалось почти два процента кислорода, то месклиниты были очень осторожны во всем, что касалось утечек. Барленнан еще хорошо помнил неуклюжие опыты, приведшие к кислородно-водородному взрыву вскоре после его первого знакомства с человеческими существами.

Исследовательский комплекс размещался в самой западной и наиболее высокой части колонии, достаточно далеко от большинства остальных зданий, и отличался от них тем, что имел особенно прочную, хотя и прозрачную, крышу. Здание комплекса, как ни одно из строений Поселка, приближалось к тому, чтобы

считаться двухэтажным, так как на крыше было установлено значительное число инструментов, и добирались до них как по лестницам, так и через гидрошлюзы. И, надо сказать, далеко не все эти инструменты были изготовлены инопланетянами. Месклиниты вовсю пользовались своим собственным воображением и изобретательностью в течение уже пятидесяти лет, почувствовав себя полностью свободными с тех пор, как оказались на Дхрауне.

Как и исследовательские корабли, лабораторный комплекс представлял собой странную мешанину примитивности и сложности. Энергию поставляли термоядерные микрореакторы, созданные на Земле, химическое стекло изготовляли на родной планете — Месклине. Связь с орбитальной станцией осуществлялась с помощью электромагнитного лучевого передатчика, но внутри комплекса сообщения передавались вручную — курьерами. Правда, месклиниты предприняли кое-какие шаги, чтобы изменить это положение, но людям ничего не сообщали. Месклиниты понимали, что такое телеграф, и были уже недалеки от создания телефона, который мог бы воспроизводить диапазон частот их голосов. Тем не менее, ни телефонов, ни телеграфа в

Поселке не было, так как большая часть усилий Барленнана сосредоточилась на проекте, который завоевал симпатии Изи к команде «Эскета», а чтобы проложить телеграфные провода по этой местности, потребовалось бы много времени.

Барленнан ничего не говорил о своих планах землянам и другим. Ему нравились человеческие существа, хотя он и не заходил в этом так далеко, как Дондрагмер. Он всегда помнил об удивительно короткой продолжительности их жизни, это мешало ему: не успевал он по-настоящему хорошо понять людей, с которыми работал, как их уже сменяли другие. Еще больше его беспокоило, что люди, дроммиане или панешки могли обнаружить, насколько эфемерны они по сравнению с месклинитами, он боялся, что это подействует на них угнетающе и приведет к непредсказуемым последствиям. Поэтому одной из основ политики месклинитов стало правило избегать обсуждения вопроса о продолжительности жизни с чужаками. Другое правило заключалось в том, чтобы, насколько возможно, всегда сводить к минимуму зависимость от других рас. Никогда нельзя знать точно, останется ли отношение нового руководства таким же, что и прежде. На чужаков нельзя положиться полностью — так, во

всяком случае, считало большинство месклинитов, и уверенность Дондрагмера в обратном была ярким исключением.

Все это отлично знали ученые-месклиниты, и никто не удивился приходу командира. Однако первой заботой всегда оставалась текущая ситуация.

— Кто-то попал в переделку? Или вы просто решили нанести визит? — посыпались вопросы.

— Боюсь, что положение очень серьезно, — ответил Барленнан и вкратце рассказал, что случилось у Дондрагмера.

— Соберите всех, кто, по вашему мнению, может быть полезен, и направляйтесь к карте.

Барленнан первым добрался до отсека площадью в сорок квадратных футов, пол которого представлял собой карту Нижней Альфы, и стал ждать. До сих пор карта охватывала лишь небольшую часть территории, и командир в который раз подумал, как много работы им еще предстоит. И все же его радовала мысль, что эта карта гораздо полнее, чем ее двойник, созданный людьми для себя где-то во многих миллионах миль отсюда. На обеих была изображена дуга, покрытая точками лэнд-крейсеров, да кое-какие ориентиры на местности. Месклиниты выполнили рисунок

с помощью тонких черных линий, делающих карту похожей на набросок нервной системы человека, даже с местоположением клеток.

Собственные данные месклинитов, добытые без участия и без помощи людей, в основном были сосредоточены вокруг того места, где сейчас находился «Эскет». Они были нанесены красными линиями и занимали практически всю территорию Поселка. Здесь никогда не будет видеопередатчика, пока командует Барленнан.

Сейчас, сосредоточив внимание на территории, расположенной на несколько футов южнее «Эскета», Барленнан видел, как удручающе мало там линий — как черного цвета, так и красного. Линия, указывающая путь «Квембли», сиротливо пересекала пустое пространство. Барленнан приподнялся над картой, насколько позволили возможности тела, так что его глаза оказались на высоте шести-семи дюймов от пола, и уныло разглядывал ее, когда стали прибывать ученые. Их руководитель Бендивенс выглядел возбужденным, но Барленнан никак не мог понять, настроен ли тот чрезмерно оптимистично или, наоборот, совершенно пессимистично. Командиру все-таки хотелось бы знать, какой тон он задал своей группе почти из двадцати месклинитов,

созывая их на конференцию. Ученые собрались в нескольких футах от Барленнана, подняли верхние части своих тел и вежливо ожидали сообщений или вопросов. Он начал без всякого вступления.

— Согласно последнему докладу, «Квембли» находился здесь, — Барленнан ткнул в точку на карте. — Он пересекал снежное поле, почва состояла из замерзшей воды, почти без примесей других веществ, но поверхность ее все же была достаточно загрязненной, как сообщили ученые Дона.

— Бордендер? — спросил кто-то.

Барленнан сделал клешней утвердительный жест и продолжал.

— Снежное поле началось здесь. — Он показал место примерно в четырех футах северо-восточнее отметки, показывающей местонахождение корабля. — Оно расположено между двумя горными хребтами, которые мы отметили лишь приблизительно. Воздушные шары Дестигмета пока еще не забрались так далеко на юг, по крайней мере, вести об этом нас еще не достигли, и летчики Дона тоже не много увидели. Вскоре после того как «Квембли» остановился для обычной проверки и осмотра, неожиданно поднялся

сильный ветер, а затем опустился плотный туман из чистого или почти чистого аммиака. Затем, совершенно неожиданно, температура поднялась на несколько градусов, и они оказались на плаву, гонимые ветром примерно в восточном направлении. Не можете ли вы дать какое-то объяснение случившемуся? И мы очень нуждаемся в конструктивных советах. Почему поднялась температура и почему растаял снег? Есть ли какая-то связь между этими двумя факторами? Помнится, они упоминали, что наивысшая температура у них была сто три градуса, это на двадцать шесть или двадцать семь градусов ниже точки таяния льда. И откуда ветер? Как долго он продержится? Он несет «Квембли» в направлении горячих районов внутри Нижней Альфы, к югу от стоянки «Эскета».

Барленнан указал на секцию пола, почти сплошь раскрашенную красным цветом, и сказал:

— Как далеко их может отнести? Я не хотел, чтобы Дондрагмер отправлялся в это путешествие, и, конечно же, не хочу его потерять, даже если мы не согласны с ним полностью. Мы попросим у людей помощи, какую они могут оказать, но вам придется подключить и собственные мозги.

Я знаю, некоторые из вас пытались разобраться в климатологии Дхрауна. Есть ли какие-нибудь стоящие идеи на этот счет?

Последовало несколько минут тишины. Даже те, кто привык произносить длинные речи ни о чем, слишком хорошо знали Барленнана, чтобы рискнуть пуститься в болтовню теперь. Какое-то время с идеями было плохо, затем один из ученых шмыгнул к двери и исчез раньше, чем отзвучали его слова:

— Минутку, мне надо проверить таблицы.

Вернулся он через тридцать секунд.

— Я могу объяснить температуру и таяние, — твердо заявил он. — Поверхность представляла собой талый лед, над ним — аммиачный туман. Теплота, выделившаяся при образовании раствора, вызвала подъем температуры. Водо-аммиачные растворы образуют соединения, способные таять даже при семидесяти одном градусе.

Это объяснение приветствовалось громким дружным уханьем и одобрительными жестами рук-клешней. Барленнан присоединился к остальным, хотя некоторые слова были ему не совсем понятны. Но вопросы у него не иссякли.

— Поможет ли это рассчитать, насколько дале-

ко унесет «Квембли»?

— Помочь-то поможет, но, кроме того, нужна еще информация о протяженности снежного поля, — был ответ. — Поскольку в данном районе наших наблюдателей не было, чуть ли не единственная надежда остается на фотоснимки, сделанные людьми, а это, боюсь, даст нам не много: в половине случаев на снимках невозможно отличить льды от облаков. Кроме того, все они сделаны еще до того, как мы высадились здесь.

— Все равно давайте попробуем, — приказал Барленнан. — Если повезет, можно, по крайней мере, определить, преграждают ли путь «Квембли» горные хребты на востоке. Если да, то трудно представить, чтобы судно унесло больше чем на несколько сот тысяч кабельтовых.

— Хорошо, — ответил один из исследователей. — Мы проверим. Бен, Дис — пошли со мной. Вы больше, чем я, привыкли работать с фотографиями.

Все трое исчезли за дверью. Остальные разбились на небольшие группы и загалдели, возбужденно размахивая клешнями, то разглядывая карту под ногами, то предлагая воспользоваться оборудованием из лабораторий по соседству. Барленнан стойко выдерживал это в течение

нескольких минут, а затем решил принять участие в обсуждении.

— Если плато, которое пересекал Дон, состояло из чистого водяного льда, — сказал он, — там не могло быть никакой аммиачной примеси достаточно долгое время. Так почему же все изменилось так неожиданно?

— Почти наверняка это сезонный эффект, — ответил ученый. — Может быть, он связан с какими-то циклическими изменениями направления ветра. Атмосферные потоки, перемещающиеся над различными участками планеты, насыщены либо водяными, либо аммиачными парами — в зависимости от природы поверхности, над которой они проходят, а больше всего — от температуры. Орбита планеты представляет собой эллипс, оси которого отличаются по величине ровно в два раза, и ось планеты более наклонена, чем у Месклина. Поэтому легко представить, что в одно время года интересующее нас плато в основном насыщено водой, а в другое — аммиаком. В действительности давление паров воды настолько низко, что трудно представить себе ситуацию, способную образовать атмосферу из одних водяных паров, без добавки паров аммиака, но я уверен, что такое возможно. Мы будет

работать над этим, но вот вам еще один пример, когда нам требуется систематическая круглогодичная глобальная информация. Похоже, людям не терпится, они ужасно спешат, а ведь могли бы подождать еще несколько мет, прежде чем высаживать нас здесь.

Барленнан сделал жест, человеческим эквивалентом которого могло бы быть неопределенное хмыканье.

— Конечно, неплохо иметь свежие данные. Но лучше думайте, что вы находитесь здесь для того, чтобы их добыть, а не для того, чтобы получить их от кого-то.

— Согласен. А вы собираетесь послать «Каллифф» или «Хуурш» на помощь Дондрагмеру? Ведь эта ситуация во многом отличается от ситуации с «Эскетом»?

— С нашей точки зрения — да. Люди же сочтут нас непоследовательными, если я буду настаивать на посылке спасательного крейсера, когда раньше в аналогичной, казалось бы, ситуации я настаивал на обратном. Но я еще подумаю. Крейсер — не единственная возможность двигаться по ветру. Вы пока займитесь теоретической работой, о которой только что говорили, но подумайте также и о том, что надо прихватить с собой в

путешествие к «Квембли».

— Хорошо, командир.

Ученый хотел было удалиться, но Барленнан добавил еще несколько слов:

— Да, Джемблаки. Без сомнения, ты тут же ринешься в отсек связи, чтобы поговорить с коллегами-людьми. Пожалуйста, не рассказывай им о нашей гипотезе. Пусть они первыми выскажут свои соображения, если захотят. И вырази должное удивление, если они придут к тем же результатам, что и мы. Понял?

— Отлично.

Ученый обменялся бы понимающей усмешкой с командиром, если бы их лица были способны на такую мимику. Джемблаки удалился, и, после минутного раздумья, Барленнан последовал его примеру. Возможно, ему стоило бы задержаться, чтобы умерить пыл оставшихся исследователей и техников, но были другие дела, требующие его внимания. Что ж, если они не могут обойтись без няньки, пусть наставят себе шишек, пока не научатся самостоятельности.

Надо как можно скорее поговорить с космической станцией, но если возникнет спор, а, вероятнее всего, так и будет, необходимо продумать свой собственный курс. Некоторые из

двуногих гигантов, Аукойн например, который, похоже, мог бы многое порассказать об их политике, казались не склонными рисковать даже резервным оборудованием, какой бы важной, с точки зрения месклинитов, ситуацией это ни диктовалось. Естественно, чужаки ведь заплатили за него, так что все вполне понятно, даже похвально. Но Барленнан по-прежнему не видел ничего неэтичного в том, чтобы попытаться уговорить их занять более удобную для месклинитов позицию, если получится. И лучше всего добиваться этого с помощью особенно симпатизирующей им особы, зовущейся Хоффман. Просто безобразие, что человеческие существа несут вахту столь нерегулярно. Если бы они отводили определенные часы для своих вахт в отсеке связи, Барленнан давно бы изучил их сменность и постарался выбрать нужных людей. Он подумал, и уже не впервые, не специально ли они сделали расписание нерегулярным, чтобы исключить подобные попытки со стороны месклинитов, но, похоже, не было никакой возможности проверить это. Вряд ли стоило задавать им прямой вопрос.

Центр связи Поселка находился довольно далеко от лабораторий, так что на обратном пути

ему хватило времени на обдумывание, но по дороге, благо даже крюк не пришлось делать, он заглянул домой и набросал несколько записей, чтобы быть во всеоружии, вступая в открытую словесную дуэль с людьми.

Центральной темой должен был стать вопрос о спасательной операции — на тот случай, если крейсер Дондрагмера в конце концов окажется поврежден. Если уже несколько месяцев назад, когда дело касалось «Эскета», проскочили лишь намеки на ненужные расходы, то теперь-то наверняка скряги наверху в большинстве своем будут против посылки «Каллиффа». Конечно же, стоит только Барленнану поступить здесь, внизу, по своему разумению, вряд ли люди смогут помешать ему, однако командир предпочитал удержаться в рамках вежливого соглашения. И более всего он хотел бы вообще обойтись без конфликта. Именно по этой причине он надеялся, что переговоры придутся на дежурство Изи Хоффман. Непонятно почему, но она, казалось, склонна занимать позицию месклинитов, когда возникают разногласия. И, определенно, только благодаря ей удалось избежать открытой ссоры в ситуации с «Эскетом», хотя куда важнее было то, что сам Барленнан тогда не имел намерения

посылать спасательный крейсер, оказавшись, таким образом, на стороне Аукойна.

Что ж, по крайней мере, можно заглянуть в отсек связи и узнать, кто именно сейчас на вахте, там, наверху. Плавным переливающимся движением, которое соответствовало пожатию плечами у человека, он поднял распластанные восемнадцать футов своего тела с пола и направился в коридор. И именно в этот момент ветер достиг Поселка.

Тумана еще не было. Барленнан, мгновенно изменив планы, едва лишь поверхность купола покрылась рябью, поспешно направился в лабораторный отсек. Но прежде чем он смог выслушать хоть какие-нибудь прогнозы своих ученых, звезды стали меркнуть. Через несколько минут виден был только нависший над ними потолок, сразу вдруг ставший твердым и серым. Здесь, в лаборатории, покрытие потолка было куда более жестким, чем в коридоре, но звуки, несущиеся снаружи, были такими грозными, что не один месклинит начал прикидывать, насколько прочны построенные ими здания. Они не выразили эту мысль вслух в присутствии командира, но взгляды, бросаемые ими вверх, когда завывание тяжелого воздуха снаружи усилилось,

были достаточно красноречивыми.

Неожиданно Барленнан сообразил, что сейчас ему здесь не место: он командир, а не ученый, так что, наверное, это единственная группа в Поселке, которой не требовалось отдавать целенаправленные приказы. Он задал всего лишь один вопрос и услышал в ответ, что скорость ветра примерно в два раза ниже той, о которой сообщил Дондрагмер, находящийся в десяти тысячах миль отсюда. Барленнан направился в отсек связи.

На мгновение он задумался, не заглянуть ли к себе по пути, но решил, что каждый, кому он понадобится, легко найдет его на посту Гузмиина. И тут в голове у него вспыхнул вопрос, ответ на который быстрее всего можно было получить через ретранслятор станции землян, и этот вопрос с каждым мгновением казался ему все более и более важным. Позабыв о том, что хотел удостовериться, на вахте ли Изи Хоффман, он пулей ворвался в отсек связи и, вежливо, но решительно оттеснив дежурного месклинита от передатчика, начал говорить еще до того, как занял свое место. Он даже не вздохнул с облегчением, увидев лицо Хоффман, когда засветился экран, а просто воспринял этот факт как приятный сюрприз.

— Ветер и туман — здесь, — резко начал Барленнан. — Кое-кто из моих парней сейчас снаружи, и я ничего не могу сделать, чтобы помочь им, но некоторые из них работали около крейсеров, стоящих неподалеку. Не могли бы вы проверять через передатчики, все ли в порядке у них там? Пока я не беспокоюсь чрезмерно, так как скорость ветра намного ниже той, о которой сообщил Дон. Кроме того, воздух гораздо более разрежен здесь, на нашей высоте, но ничего не разглядеть сквозь этот проклятый туман, и было бы спокойнее, если б знать о тех, кто остался у крейсеров.

Изи беззвучно начала что-то говорить — еще раньше, чем просьба командира была высказана наполовину, еще не успев услышать его слов, судя по времени. Очевидно, у человеческих существ было что сообщить месклинитам и без их вопросов. Барленнан сконцентрировался на своем собственном послании, пока не закончил его, зная, что Гузмиин или еще кто-нибудь из команды записывает все поступающее в приемник.

Пересекающиеся послания не были редкостью в практике общения, и с ними управлялись по давно установленной процедуре.

Едва отправив свое послание в путешествие, Барленнан повернулся и уже собирался спросить,

чего хотели земляне, как вдруг его неожиданно перебили. В отсек пулей ворвался один из офицеров и, увидев Барленнана, затараторил:

— Все группы, кроме двух, вышедших через северные ворота, отозваны. Одна на этих двух работает на «Хуурше», другая же выравнивала площадку для нового комплекса примерно к двадцати кабельтовых к северу, с другой стороны парковочного поля. В первой группе восемь человек, во второй — двадцать.

Барленнан жестом дал понять, что слышал, одновременно щелкнув четырьмя клешнями.

— Насчет группы на «Хуурше» мы вскоре получим сообщение с космической станции, — ответил он. — Сколько из тех, кто был застигнут снаружи налетевшим ураганом, успели забраться внутрь? Что они докладывают о наружных условиях и о возможностях передвижения? Был ли кто-нибудь ранен?

— Никто не ранен. Ветер — лишь незначительная помеха, они вернулись из-за тумана — при такой видимости невозможно вести работы. Кое-кто с трудом нашел путь. По-моему, группа, работающая на площадке, все еще пытается найти путь назад, если только они не решили переждать там, где находились. Те же, кто на

«Хуурше», внутри, вряд ли даже заметили что-нибудь. Если первая группа не выйдет на связь слишком долго, я отправлю посыльного.

— А что вы собираетесь сделать, чтобы *он* не потерялся?

— Во-первых, компас. Во-вторых, надо выбрать такого, кто много работал снаружи и хорошо знает местность.

— Я не… — Барленнана перебил голос из репродуктора.

— Барленнан, — послышался голос Изи, — передатчики на «Хуурше» и «Каллиффе» по-прежнему работают все. Насколько отсюда видно, на «Каллиффе» никого нет, крейсер стоит неподвижно, ничто не двигается. А в отсеке жизнеобеспечения «Хуурша» просматриваются трое или пятеро. Наши люди, следящие за экранами, видели не менее троих месклинитов за последние несколько минут, но при такой видимости их не узнать. С виду крейсер кажется неповрежденным. Все на борту занимаются своими делами и не обращают на нас никакого внимания. Совершенно очевидно, что они не пытались передать сюда, наверх, какое-либо срочное послание. Сейчас Джек Бреверманн пытается привлечь их внимание с соседнего пульта, но не думаю, что за них надо волноваться.

Ваш Поселок тоже вне всякой опасности, так как ветер не самый сильный, а воздух разреженный. Остается только «Квембли».

— Да я и не волнуюсь — во всяком случае, не чрезмерно. Минутку, если вы подождете, я ознакомлюсь с содержанием вашего предпоследнего послания и попытаюсь ответить на него, — сказал Барленнан. Он повернулся к офицеру, чей пост только что занял: — Полагаю, вы записали все, что она сказала?

— Да. Это не слишком срочно, но очень интересно. Пришел еще один внутренний рапорт от Дондрагмера. «Квембли» по-прежнему на плаву, все так же дрейфует, хотя, как считает капитан, два-три раза они уже чиркнули днищем по поверхности. Ветер не ослабевает, но, поскольку корабль движется, ученые не могут прийти к определенному мнению относительно скорости ветра.

Командир жестом показал, что все понял, затем повернулся к передатчику и заговорил:

— Спасибо, миссис Хоффман. Очень приятно, что вы оперативно послали даже рапорт «Без перемен». Я еще буду здесь некоторое время, так что, если что-нибудь произойдет, я узнаю почти сразу. А ваши ученые-атмосферники получили

какой-нибудь прогноз, на который могли бы положиться? Или хотя бы нашли объяснение тому, что произошло?

Все месклиниты, находившиеся в отсеке, отчетливо понимали, что их командир, произнося эти слова, старается как можно лучше сохранить непроницаемый вид: голос, задавший вопрос, звучал ровно, конечности расслаблены; жвалы ни слишком плотно сжаты, ни раскрыты; голова не напряжена, глаза прикованы к экрану. Наблюдающие за ним месклиниты не знали в точности, что у него на уме, но могли сказать, что он придавал этому вопросу гораздо большее значение, чем казалось со стороны. Некоторые недоумевали, зачем он так старается сохранить контроль над собой, ведь маловероятно, что кто-нибудь из людей сумеет правильно истолковать его позу, но те, кто знал его лучше, понимали, что он никогда не рискнул бы в таком деле. Помимо всего, некоторые из людей были настроены сочувственно. А Элиза Рич Хоффман, казалось, понимала месклинитов настолько хорошо, как если бы сама была одним из них, и ее стеннийский был безупречен, насколько позволяли органы речи человека.

Все наблюдали за экраном с интересом, гадая, обнаружит ли человеческое существо признаки

того, что заметила состояние командира. Практически весь персонал был хорошо знаком с выражением человеческих лиц, большинство умели различать человеческие существа как в лицо, так даже и по одному лишь голосу. Ведь командир уже давно высказал пожелание, чтобы подобные знания всячески культивировались. Барленнан, на мгновение отведя взгляд от экрана, обозрел круг внимательных слушателей и был удивлен их выражением, а также раздосадован своей «прозрачностью». Интересно, как они отреагируют на ответ Изи? Но Барленнан так никогда этого и не узнал.

Женщина, получив его вопрос, собралась уже отвечать, как вдруг внимание ее было отвлечено. В течение нескольких секунд, совершенно очевидно, она слушала кого-то или что-то, потому что повернула голову и ее глаза исчезли из поля зрения наблюдателей Поселка. Затем она снова повернулась лицом к экрану.

— Барленнан, снова поступило сообщение от Дондрагмера. «Квембли» остановился, или, точнее, почти остановился, на поверхности, их тащит самую малость, хотя скорость потока жидкости не снизилась. Дело в том, что, пока они были на плаву, тележки отнесло в сторо-

ны от днища и теперь они не соприкасаются с поверхностью корабля. Если их не потащит за собой река и не освободит, они там и застрянут. И Дондрагмер считает, что уровень жидкости понижается.

4. Небольшая беседа

Битчермарлф, рулевой, испытывал странное чувство безнадежности. Руль «Квембли» был соединен с тележками с помощью простой системы тросов и рычагов. Силы месклинитов не хватало, чтобы развернуть тележки, когда корабль находился в неподвижности, даже во время движения управлять рулем было не так-то просто. Теперь же, когда корабль находился на плаву, его движители-тележки не касались днища, и руль поворачивался совершенно свободно, сам собой, в ответ на случайный толчок или даже незначительный наклон корпуса. Теоретически крейсер был маневренным в море, но для этого требовалось установить гребные лопасти на гусеницах, что не составило бы труда, находись они на земле.

Дондрагмер, когда понял, что они на плаву, подумал, не послать ли матросов в гермокостюмах, чтобы поставить лопасти на гусеницах, но решил не рисковать: риск был велик, даже если прочно привязаться к корпусу страховочными фалами. Все считали, что их путешествие скоро

закончится, что они, наверное, вот-вот достигнут берега реки или озера, по которому они плыли, и случится это раньше, чем работа может быть завершена, так что не стоит ее и начинать. Если кто-то окажется снаружи во время толчка о берег, страховочные фалы не спасут.

Подобные мысли мелькнули и у рулевого, находящегося на своем посту, однако он не высказал их вслух. Битчермарлф, конечно, был молод, но уж не настолько, чтобы предположить, будто никто, кроме него, не мог догадаться об очевидном. Он целиком полагался на профессиональную подготовку своего капитана.

Тем не менее, по мере того как шло время, он начал беспокоиться, не получая от Дондрагмера никаких указаний по этому поводу. Что-то надо предпринимать, не могут же они без конца вот так дрейфовать в восточном направлении. Он взглянул на компас — да, определенно, в восточном направлении. Согласно последней разведке с воздуха, в этом направлении где-то впереди располагаются холмы, те самые холмы, которые окружали снежное поле слева по борту на протяжении последних трех или четырех тысяч миль и были иногда слегка заметны, возвышаясь над далеким горизонтом.

Судя по цвету, холмы были из камня, а не изо льда, и если поверхность, над которой дрейфовал «Квембли», была просто растаявшей снежной равниной, рано или поздно, но они почти наверняка должны на что-нибудь наткнуться. Битчермарлф не более других представлял себе, с какой скоростью их несет, но его уверенность в прочности корпуса не уступала подобной же уверенности капитана, хотя он и не испытывал желания наткнуться на риф на Дхрауне, впрочем, как не испытывал такового и на Месклине.

Так или иначе, ветер не должен был бы гнать их так быстро, учитывая плотность атмосферы. Хотя верхняя часть корпуса, гладкая, хорошо обтекаемая, за исключением командного мостика, представляла собой небольшое сопротивление, зато тележки внизу, под днищем, сильно мешали движению. Насколько могли судить воздушные разведчики, равнина была ровной, как стол, так что непонятно, почему такое сильное течение. Рулевой пошевелился при этой мысли, поглядел на капитана, помешкал и все-таки решился:

— Капитан, как насчет того, чтобы проверить пост по наблюдению за давлением на корпус? Если нас несет сильное течение, следовательно, мы движемся под уклон, и это указывает…

Дондрагмер перебил его:

— Но поверхность ровная… нет, ты прав. Надо проверить. — Он поднялся к переплетению переговорных труб и вызвал лабораторию: — Ворн, как давление? Вы, надеюсь, следите за ним?

— Безусловно, капитан. Как носовой, так и кормовой пузыри безопасности все время расширяются с тех пор, как мы начали дрейфовать. Мы опустились примерно на шесть длин тела за довольно непродолжительное время. Я готов добавить немного аргона.

Дондрагмер одобрил принятое решение и оглянулся назад на своего рулевого.

— Правильно посоветовал. Мне бы следовало подумать об этом. Похоже, нас несет не только ветром, но и течением. Так что все пари о скорости, расстоянии, о времени остановки ничего не стоят. Течению неоткуда взяться, если только воздушная разведка не прозевала наклона поверхности, ну, а так как наклон все же есть, то, следовательно, плато где-то осушается.

— Мы готовы продолжить путь по твердому грунту. Не вижу, что еще можно сделать.

— Есть еще одна вещь, — угрюмо сказал Дондрагмер.

Он снова поднялся к переговорным трубам и

издал сиреноподобный рев общего сбора. Держа голову на одинаковом удалении от труб, капитан заговорил, стараясь, чтобы его услышали все:

— Всему экипажу — немедленно надеть гермокостюмы! И побыстрее! Пусть все покинут свои посты для выполнения этой процедуры, но возвращайтесь как можно скорее.

Он опустился на свое командное место и приказал Битчермарлфу:

— Достань свой гермокостюм, и мой, и принеси их сюда. Быстро!

Рулевой вернулся с обоими комплектами одежды уже через девяносто секунд. Он хотел помочь капитану одеваться, но, остановленный весьма выразительным жестом, занялся собой. Через пару минут оба, облачившись в защитную одежду, но с откинутыми головными шлемами, вернулись на свои посты.

Спешка, к счастью, оказалась ненужной. Время текло, ничего не происходило. Битчермарлф играл с бесполезным рулем, а Дондрагмер погрузился в размышления.

Капитан «Квембли» ждал, когда же придет хоть какая-то информация от ученых-землян, и сомневался, будет ли от нее польза. Он надеялся, что спутники помогут хотя бы примерно

определить скорость «Квембли». Приятно знать, несколько цинично думал он, насколько серьезна вероятность врезаться во что-нибудь, что окончательно остановит их. Необходимые данные, как он отлично знал, трудно получить вовремя, по расписанию. Они поступали более чем с тридцати «теневых спутников», находящихся на орбите на высоте не более трех тысяч миль над поверхностью планеты. Не было предпринято ни одной попытки изменить их орбиты, чтобы расширить охватываемую ими зону наблюдения, но ведь, с другой стороны, обмен информацией не был их основным предназначением. Само расположение главной базы землян, находящейся на синхронной орбите в шести миллионах миль над меридианом Поселка, предполагало, что подобная задача не является необходимой. Кроме того, фантастическая скорость спутников на низких орбитах — более девяноста миль в секунду, — хотя наблюдатели-люди утверждали, будто это весьма удобно для наблюдения за положением базовой линии, казалась Дондрагмеру непреодолимой причиной трудностей. И он не особенно надеялся узнать свою скорость из этого источника.

Спустя примерно полчаса после того, как они

надели гермокостюмы, короткая дрожь пробежала по корпусу «Квембли», к капитан немедленно сообщил на станцию, что они, наверное, коснулись дна. Все остальные члены команды пришли к такому же выводу, и обстановка на борту становилась все напряженнее.

Из переговорной трубы, связывающей мостик с лабораторией, раздался рев, а за ним последовал рапорт о том, что давление стало расти быстрее и что надо немедленно добавить аргон в корабельную атмосферу, иначе пузыри безопасности могут лопнуть. Хотя никакого увеличения скорости ни в малейшей степени не ощущалось, из рапорта совершенно четко следовало, что теперь они спускались гораздо быстрее. Но вот насколько быстрее? Капитан и рулевой переглянулись, не задавая вопрос вслух, но он легко читался в их взглядах.

Проходили минуты, напряжение росло, клешни все крепче сжимали ремни безопасности и захваты.

Раздался грохочущий удар — корпус судна резко дернулся в сторону, за ним последовал другой — и корпус вздыбился со стороны правого борта. В течении нескольких секунд корабль яростно швыряло, и те, кто находился на корме и на носу,

чувствовали себя, как на гигантских качелях, то вздымаясь вверх, то ныряя вниз, а разглядеть что-нибудь снаружи по-прежнему мешал туман. Затем еще один, гораздо более мощный, удар сотряс «Квембли», судно, развернувшись, накренилось на шестьдесят градусов, но на этот раз выравнивания не произошло. Скребущие, скрежещущие звуки наполнили корабль, пытавшийся изменить положение, но тщетно. Наконец наступила тишина, и тут впервые стал слышен шум проносящейся снаружи мимо корпуса жидкости.

Дондрагмер и Битчермарлф не ушиблись. Для существ, считающих две сотни земных «g» нормальным явлением, а шестьсот — лишь незначительной помехой, подобные передряги были нипочем. Они даже не ослабили захватов и остались каждый на своем посту. Капитан не беспокоился о каких-то непосредственных травмах экипажа. И первые же его слова показали, что он просчитывал ситуацию на много ходов вперед.

— Всем постам — приказываю! — проревел он в переговорные трубы. — Проверить герметичность корпуса и немедленно доложить о любых трещинах, разломах, пробоинах и прочих свидетельствах возможных протечек. Персоналу

лабораторий занять посты по аварийному расписанию, проверить внутреннюю атмосферу на содержание кислорода. Жизнеобеспечение, прекратить циркуляцию атмосферы до завершения проверки на кислород. Выполняйте!

Совершенно очевидно, что переговорные трубы были в сохранности. Доклады стали поступать практически немедленно, и по мере их поступления Битчермарлф стал расслабляться. В общем-то, он не ожидал, что корпус, защищавший их от губительной атмосферы Дхрауна, выдержит подобный натиск стихии, и его уважение к инженерной мысли чужаков сильно возросло. Он считал, что любые искусственные сооружения уступают в прочности и надежности живым телам, и, конечно же, месклинит имел право на такой подход. Так или иначе, когда поступили все доклады, выяснилось, что не произошло никаких значительных отказов внутри крейсера, не было даже видимых повреждений. А что касается обычных протечек, неизбежных в любой конструкции, имеющей люки для персонала и оборудования, не говоря уж о специальных отверстиях для инструментов и контрольных канатов, то выяснить, ухудшилось ли положение с ними, удастся не сразу. Наблюдение за давлением и

проверка на кислород будут, конечно, вестись непрерывно, по установленному расписанию.

Энергия поступала по-прежнему, что, в общем-то, никого не удивляло. Двадцать пять независимых друг от друга водородных конвертеров — практически идентичных друг другу модулей, которые можно было перемещать, по мере надобности, из одного места в любое другое, являлись машинами, лишенными каких-либо подвижных частей и работающими на газообразном топливе. Их вполне можно было сунуть под молот без всякого вреда для них.

Большая часть внешних прожекторов исчезла или, может быть, просто вышла из строя. Правда, есть запасные. Однако несколько прожекторов работали, и с погруженного в жидкость края мостика можно было наблюдать внешний пейзаж. Что же касается другого края мостика, то он возвышался над поверхностью жидкости, но туман по-прежнему блокировал обзор. Дондрагмер легко пробрался в нижний конец и скользнул взглядом по нагромождению скругленных камней на дне — больших и маленьких, размерами от половины длины его тела до таких, которые раз в двадцать превышали его рост. В эти камни и умудрилось вклиниться судно. Затем капитан

осторожно вернулся назад на свой пост, включил звуковую систему своего радио и передал доклад, который Барленнан должен был услышать примерно через минуту. Не дожидаясь ответа, он повернулся к рулевому.

— Битч, останься здесь, на посту, на случай, если у землян будет что передать. Я собираюсь произвести полный осмотр самолично, особенно воздушных шлюзов. Хочу посмотреть, как проявил себя вариант инженерного решения, на котором мы остановились. Возможно, в нашем распоряжении остались только малые аварийные шлюзы, так как основной на данный момент, похоже, находится под нами и может быть заблокирован снаружи, даже если удастся открыть внутреннюю переборку. Поболтай с землянами, если захочешь. Чем больше месклинитов научится пользоваться их языком и чем больше людей овладеет нашим, тем лучше. Командный пост — твой.

Дондрагмер совершил уже ставший привычным, но теперь бесполезный ритуал: издал предупредительный стук по люку отсека, прося разрешения пройти, после чего открыл его и исчез, оставив Битчермарлфа в одиночестве.

У рулевого на данный момент не было никако-

го желания затевать пустой разговор со станцией где-то высоко над ними. Капитан оставил ему слишком много забот, требующих размышления.

Битчермарлфа не радовало, что он остался ответственным за командный пост корабля при данных обстоятельствах. Зато его не волновала мысль о возможной блокировке основного воздушного шлюза, потому что малые вполне надежны, хотя через них и нельзя протащить аппаратуру жизнеобеспечения, неожиданно вспомнил он. Что ж, на данный момент вряд ли есть смысл выходить наружу, но если «Квембли» поврежден окончательно и бесповоротно, с этой необходимостью придется столкнуться лицом к лицу.

Ну, а самый главный вопрос — что сулит выход наружу? Двадцать тысяч миль, то есть около сорока миллионов кабельтовых, отделяющих их от Поселка, представлялись Битчермарлфу долгим, очень долгим путем, особенно с грузом аппаратуры жизнеобеспечения, а без этой аппаратуры нечего даже и думать ни о каком путешествии. Месклиниты были поразительно живучими организмами и могли выдержать такие перепады температур, что земляне-биологи не могли поверить, но кислород — это уже совсем другое

дело. Его парциальное давление в атмосфере снаружи составляло примерно пятьдесят фунтов на квадратный дюйм — вполне достаточно, чтобы убить любого из членов экипажа «Квембли» в считанные секунды.

Желательнее всего было бы поставить огромную машины снова на гусеницы. Удастся ли это — во многом будет зависеть от потока жидкости, несшейся мимо застрявшего корпуса. Наружные работы в потоке, может быть, в принципе, и возможны, но, определенно, это будет весьма трудно и опасно. Месклинитам, одетым в гермокостюмы, придется брать с собой много балласта, чтобы их не относило от места работы, и страховочные фалы еще более усложнят дело.

Да и поток, конечно же, не останется постоянным. Он вообще только что зародился в связи с переменой погоды и так же неожиданно может прекратиться. Тем не менее, как хорошо усвоил Битчермарлф, существовала существенная разница между погодой и климатом. Но даже если река была лишь сезонным явлением, это все равно могло оказаться слишком долгим для месклинитов: год на Дхрауне соответствовал восьми земным годам, что составляло около полутора лет на Месклине.

В этой области информация землян могла оказаться полезной. Чужаки наблюдают за Дхрауном аккуратно уже в течение долгого времени и, наверное, имеют какое-то представление о местных сезонах. Кроме того, капитан сказал, что он может поболтать с земляками по радиопередатчику, при этом ни слова не упомянув о том, что можно обсуждать, а что — нельзя.

Мысль о том, что под запретом может находиться что-то помимо инцидента с «Эскетом», не была доведена до ушей Битчермарлфа. И молодой рулевой уже решился было включить радио, чтобы послать вызов, когда из передатчика возле него раздался голос. Более того, речь звучала на его собственном языке, хотя и с сильным акцентом.

— Дондрагмер. Я знаю, что ты очень занят, но если не можешь говорить со мной сейчас, буду рад, если поговорит кто-то другой. Я — Бенджамин Хоффман, ассистент лаборатории аэрологии здесь, на станции, и мне нужна помощь двух видов, если у кого-нибудь из вас найдется время. Кроме того, я хотел бы попрактиковаться в языке, мне это понадобится в дальнейшем. Должен признать, что наша лаборатория оказалась не на высоте: уже дважды за последнее время полученные нами метеосводки-прогнозы, касающиеся

вашей части планеты, совершенно не соответствовали действительности. В оправдание хочу сказать, что нам недостает детальной информации для правильного расчета. Наблюдения, которые мы ведем отсюда, многого не решают, а внизу, на поверхности планеты, число следящих станций даже близко не лежит к тому, что требуется. Ваша команда оставила на своем пути огромное число автоматики, но и она, увы, охватывает лишь небольшую часть планеты, как вы знаете. И поскольку правильные прогнозы будут полезны как вам, так и нам, я подумал, что мог бы по-настоящему обсудить некоторые детали с кем-то из ваших ученых и даже, может быть, разработать планы изменения метеоусловий для тех мест, о которых вы собрали достаточно данных.

Рулевой ответил охотно:

— Капитана нет на мостике, Бенджамин Хоффман. Я — Битчермарлф, один из рулевых, сейчас на вахте. Я тоже был бы очень рад поупражняться в языке, когда позволяют обязанности, как сейчас. Боюсь, ученым сейчас хватает работы, да и сам я, наверное, буду занят большую часть времени: у нас тут некоторые неприятности, хотя ты и не знаешь подробностей. У капитана не было времени рассказывать всю историю целиком, когда

он докладывал наверх несколько минут назад. Я постараюсь обрисовать тебе как можно более полную картину событий и хочу поделиться кое-какими мыслями, пришедшими мне в голову уже после того, как капитан покинул командный пост. Можешь записать эту информацию для ваших людей и прокомментировать мои идеи, если захочешь. Если ты сочтешь, что о них не стоит говорить капитану, то я и не буду, он и без моих идей занят предостаточно. А теперь я подожду подтверждения от тебя, готов ли ты к записи. Или ты не будешь записывать?

Битчермарлф сделал паузу, и не только по причине, которую только что указал. Он неожиданно подумал, а стоит ли беспокоить эти чуждые существа своими мыслями, которые вдруг показались ему плохо продуманными и никому не нужными.

И все же, убеждал себя месклинит, любые фактические данные должны быть полезны. Ведь сколько мельчайших деталей в той ситуации, в которой сейчас очутился «Квембли», могут оказаться важными, а люди пока ничего не знают! И к тому времени, как подтверждение от Бенджа поступило, рулевой вернул себе изрядную долю уверенности в себе.

— Все в порядке, Битчермарлф, все готово для записи! Да я и без твоей просьбы собирался записывать — для языковой практики. Я передам все, что пожелаешь. И даже если ваши метеорологи заняты, может быть, мы вдвоем попытаемся разобраться с метеоинформацией? Держи с ними связь и сообщай мне их данные. Кроме того, ты в самой гуще событий и можешь все наблюдать, тем более что ты, как и любой на матросов, набранных Барленнаном на Месклине, наверняка разбираешься в погоде. Насколько я понимаю, ты провел на Месклине по крайней мере несколько моих жизней, изучая методы проведения исследований и инженерное дело. Давай начинай, я готов.

Эта речь способствовала полному восстановлению духа Битчермарлфа. Прошло лишь десять месклинитских лет с тех пор, как чужаки начали обучать нескольких избранных аборигенов своим наукам. Конечно, взрослых особей человеческой расы в глазах месклинитов окружало что-то вроде ореола сверхспособностей, но уж пятилетнего несмышленыша, находящегося сейчас на связи, никак нельзя было считать превосходящим существом.

Расслабившись, как только позволял накло-

ненный под шестьдесят градусов пол, матрос приступил к описанию ситуации, в которой сейчас находился «Квембли». Он описал в деталях путешествие вниз по реке, как теперь точно установили, и о том, чем завершилось это путешествие; подробно рассказал обо всем, что видел с командного поста; объяснил, каким образом корабль сорвался с тележек, и обрисовал проблему, вставшую перед командой. Он даже подробно объяснил устройство воздушных шлюзов и высказал предположение, почему главный шлюз, скорее всего, не удастся использовать, да и другие, наверное, тоже.

— Капитану, чтобы принять правильное решение, — заключил Битчермарлф, — очень помог бы надежный прогноз ситуации с рекой: что с ней может произойти в ближайшее время и когда она иссякнет, если это вообще случится. Если в этом сезоне растает все снежное поле и вода будет стекать с плато лишь по одному стоку — нашей реке, — то, думаю, придется нам застрять здесь на добрую часть года, тогда надо планировать соответственно. Если же есть какая-то надежда на то, что почва под нами через недолгое время станет сухой, — это совсем другое дело, и хорошо бы знать об этом заранее. Как ты считаешь?

Бендж задержался с ответом дольше, чем на обычные шестьдесят четыре секунды: слишком много пищи для размышлений.

— Я все записал на пленку и отослал в секцию планирования, — наконец пришли его слова. — Они размножат и раздадут копии по лабораториям. Даже мне понятно, что ваша река доставит хлопот по горло, и, в конце концов, все равно может оказаться, что сведений не хватает. Вполне допускаю, что ваше снежное поле начало сезонное таяние, но если бы все воды Северной Америки стали стекать через одну такую реку, я бы ждал большого наводнения. Не знаю, как велико пространство, охватываемое вашей воздушной разведкой, и не знаю, насколько точны фотографии, сделанные отсюда, сверху, но готов поклясться, что, если нанести все это на карты, белых пятен там останется предостаточно. Даже если все и придут к какому-то общему мнению, мы все равно многого еще не знаем об этой планете.

— Но у вас уже такой опыт работы на других планетах! — воскликнул Битчермарлф. — Разве это не может как-нибудь помочь?

И снова ответ пришел позже, чем диктовалось обычной задержкой во времени.

— Люди и их друзья имеют опыт работы со многими планетами, верно, я прочел довольно много об этом. Все дело в том, что практически ничего из этого опыта здесь не годится. Известны три типа планет. К первому мы относим планеты земного типа, они похожи на мой родной мир: он невелик, плотен и практически лишен водорода. Второй тип — юпитерианский, эти планеты обычно гораздо больше по размерам и гораздо менее плотные, потому что сохранили большую часть водорода еще со времени своего формирования, как мы считаем. Эти два типа были известны задолго до того, как мы стали выходить за пределы нашей звездной системы, потому что других типов в нашей планетной системе не было.

Третий тип — очень большие, очень плотные и, по большей части, неисследованные планеты. Теории, согласно которым планеты первого типа потеряли свой водород вследствие изначально малой массы, а планеты второго типа сохранили его вследствие большой, были хороши до тех пор, пока мы ничего не знали о планетах третьего типа, то есть наши идеи были вполне убедительны, пока мы знали не так уж много. Извини, если я сейчас говорю, как мой школьный учитель.

Вы сейчас как раз находитесь на третьем типе.

Ничего подобного нет вокруг солнц с планетами первого типа. Конечно, должна быть какая-то причина, но в чем она заключается — не знаю. О подобных планетах вообще не было известно среди рас Содружества, пока мы не просто научились путешествовать меж звезд, но пока не начали заниматься этим с таким размахом, что интерес для летящих кораблей представляли не только обитаемые планеты. Но даже и тогда мы не могли изучить их сразу же, как и планеты юпитерианского типа. Мы могли послать вниз, на их поверхность, несколько специализированных, очень дорогих и обычно весьма ненадежных роботов — вот и все. Ваша раса — первая из встретившихся нам, которая способна переносить силу тяжести планет третьего типа или атмосферное давление второго типа.

— Но разве Месклин не относится к третьему типу, по твоему описанию? К настоящему времени вы должны уже многое знать о нем, ведь контакт с нашим народом длится что-то около десяти наших лет — с тех пор, как ваш корабль сел на Краю Месклина, то есть на экваторе.

— Больше пятидесяти наших лет. Все дело в том, что Месклин не относится к третьему типу. Это просто странный второй. Он бы мог сохра-

нить весь свой водород, подобно Юпитеру, если бы не его исключительно быстрое вращение, чудовищное вращение, придающее вашему миру очертания сваренного яйца и отпускающее на ваш день всего восемнадцать минут. Ничего подобного мы не встречали до сих пор, я, по крайней мере, не слышал. Именно поэтому расы Содружества согласились пойти на столь крупные издержки и затраты, не жалея времени и усилий, чтобы установить контакт с вашим миром и подготовить экспедицию на Дхраун. За прошедшие тридцать лет мы довольно многое узнали об этой планете, о ее недрах с помощью нейтринных счетчиков на теневых спутниках, но сейсмическое оборудование, которое ваши люди устанавливают на поверхности, добавит кучу новых знаний, подтвердит или опровергнет уже известные. То же касается работы ваших химиков. Через пять или шесть ваших лет, наверное, сведений об этом каменном шаре наберется достаточно, чтобы ответить на вопрос: как он должен называться — звездой или планетой?

— Ты хочешь сказать, что вы вступили в контакт с месклинитами лишь потому, что собрались как можно больше разузнать о Дхрауне?

— Нет, совсем не так. Мыслящие существа,

люди они или нет, интересны сами по себе — по крайней мере, оба моих родителя так считают, хотя я встречал и людей, которые думают обратное. Вряд ли идея Дхраунского проекта зародилась много раньше, чем был создан ваш Колледж. Моя мама или доктор Аукойн могут сказать тебе, когда точно. Это все было задолго до того, как я родился. Конечно же, когда кому-то пришло в голову, что ваши ребята могли бы непосредственно исследовать места, подобные Дхрауну, все просто накинулись на эту мысль.

Битчермарлф наконец решился задать вопрос, который, вообще-то, считал строго внутренним делом землян, совершенно его не касавшимся, вроде того, насколько взрослым можно считать человека-пятилетку. Вернее, вопрос вырвался у него прежде, чем месклинит спохватился: почему столь крупные силы и средства тратились на проекты, подобные Дхраунскому, от которых нет очевидной материальной пользы.

Впоследствии они с Бенджем часто спорили об этом, и Бендж не слишком умело защищал свои позиции, ссылаясь на силу любопытства, что до какой-то степени Битчермарлф мог понять, так как увлекался историей и хорошо знал, насколько близко люди и некоторые другие расы

подошли к гибели из-за энергетического голода, прежде чем разработали термоядерные конвертеры. Но Битчермарлф был слишком молод и не умел противостоять давлению, у него не хватало опыта, чтобы убедительно доказать, даже самому себе, полную зависимость любой культуры от понимания законов Вселенной. Их спор так и не стал горячим, чему немало способствовали временные интервалы между репликами абонентов, зато Бендж достиг блестящих результатов в овладении стеннийским языком.

Первым перевел разговор на другую тему Битчермарлф, потому что заметил некоторые перемены в окружающей обстановке. В течение почти целого часа он так был увлечен беседой с Бенджем, что не обращал внимания ни на командный пост, ни на клокочущую жидкость снаружи, как вдруг увидел в верхнем иллюминаторе огоньки, перемигивающиеся высоко над ним. Это был Орион. Туман исчез.

Спохватившись, Битчермарлф огляделся вокруг и заметил, что уровень воды, в которую была погружена нижняя часть командного поста, несколько понизился. Минут десять пристального наблюдения убедили его, что ошибки нет: уровень воды в реке *падал*.

На протяжении этих десяти минут Бендж несколько раз задавал вопросы о том, что случилось, и наконец месклинит сообщил причину своего молчания. Бендж доложил обстановку Макдевитту, так что ко времени, когда Битчермарлф окончательно убедился в падении уровня воды, наверху, у передатчика, уже собрались несколько заинтересованных слушателей. Рулевой, кратко сообщив им о своих наблюдениях, послал по переговорным трубам вызов Дондрагмеру.

Капитан находился в кормовой части судна, за лабораторной секцией, рядом с отсеком, в котором находился танк регулировки давления, когда пришел вызов. Битчермарлф ожидал, что после его доклада капитан немедленно, буквально через несколько секунд, примчится на пост, но Дондрагмер не поддался искушению. Иллюминаторы почти во всех частях корпуса, включая и отсек, где он сейчас находился, были слишком малы, чтобы позволить четко определить уровень воды, так что ему пришлось принять на веру утверждение рулевого. Более того, этот факт поразил его гораздо меньше, чем самого матроса, к удивлению последнего.

— Следи как можно точнее за уровнем потока

до тех пор, пока тебя не сменят, — был его приказ. — Немедленно сообщи и мне, и землянам, когда уровень стабилизируется, а также докладывай о любых изменениях, какие заметишь.

Битчермарлф подтвердил, что приказ принят, и, пробравшись к иллюминатору, отметил уровень жидкости царапиной на стекле. Доложив о сделанном капитану и слушателям-землянам, он вернулся на свой пост, не отводя взгляда от отметины. Волнующаяся жидкость то поднималась на несколько дюймов выше царапины, то слегка опускалась, так что прошло некоторое время, прежде чем он окончательно убедился в снижении уровня. За это время люди сверху задали два-три нетерпеливых вопроса, на которые он вежливо ответил на языке землян, а потом Бендж сообщил, что он снова остался один, если не считать нескольких человек, занятых наблюдением за другими крейсерами.

Большую часть оставшегося времени, пока на мостик не прибыл Такуурч, его сменщик, они посвятили беседе друг с другом, описывая родные миры, исправляя и развивая различные концепции, делясь впечатлениями о Земле и Месклине, то есть занимались языковой практикой и, хотя оба не вполне сознавали это, развивали теплую

личную дружбу.

Битчермарлф вновь заступил на вахту шестью часами позже, сменив Такуурча (по времени месклинитов прошло двадцать четыре дня — стандартная длительность вахты), и обнаружил, что уровень воды опустился уже почти на фут от его отметки. Такуурч сообщил, что землянин Бендж тоже только что вернулся на пост после периода отдыха. Младший рулевой с интересом подумал про себя, как скоро после прихода Така землянин решил отправиться отдохнуть. Естественно, об этом ведь не спросишь, но, едва заняв свое место, он немедленно включил передатчик.

— Я снова вернулся, Бендж. Не знаю, когда Так в последний раз докладывал тебе, но уровень воды понизился больше чем на половину длины тела и поток движется много медленнее. Ветер почти стих. А у ваших есть что-нибудь новенькое?

Дожидаясь ответа, он понял, что последний вопрос был бесцельным, так как в действительности его интересовало одно: сколько времени просуществует река, но сейчас уже ничего не поделаешь. Да и вдруг у них есть что-то ценное?

— Твой друг Такуурч сообщил и об уровне воды, и о ветре, и о многих других вещах, — объявил голос Бенджа. — Хорошо, что ты вернулся, Битч.

Пока у меня еще нет сведений из лаборатории, но с учетом того, что ты говорил, и того, что мне удалось выжать из модели крейсера, которой я располагаю, можно сделать вывод: через шестьдесят или семьдесят часов вы окажетесь на суше. Если, конечно, вода продолжит убывать с той же скоростью. А для этого нужен хороший гладкий канал, но разве можно на него рассчитывать? Не хотелось бы прослыть пессимистом, но мой прогноз таков: течение окончательно замедлится, прежде чем иссякнет вся жидкость, то есть вы останетесь в стоячей воде.

— Возможно, ты и прав, — согласился Битчермарлф. — С другой стороны, если поток замедлится, мы, наверное, без опасения сможем начать наружные работы, не дожидаясь, пока вода спадет полностью.

Это было пророческое замечание. Оно еще не достигло станции землян, когда из переговорной трубы послышалось уханье, призывающее к вниманию.

— Битчермарлф! Сообщи землянам, что тебя сменяет Кервенсер, и немедленно отправляйся к правому борту, но прежде облачись в гермокостюм. Надо проверить тележки и рулевые канаты. С тобой для безопасности пойдут еще

двое. Помни — я более заинтересован в точности, чем в скорости. Если есть повреждения, которые легче исправить, пока корабль находится в накрененном положении, доложи мне об этом. Когда закончишь проверку, осмотрись, как там вообще. Я хотел бы иметь примерное представление, насколько плотно мы засели и как много работы потребует освобождение нас из этого плена. Я тоже займусь наружной проверкой, но надо иметь и другое мнение.

— Да, капитан, — ответил рулевой.

Он даже чуть не забыл сообщить об этом Бенджу, настолько неожиданным был приказ — не сам факт, что ему придется выйти наружу, а то, что капитан выбрал именно его для проверки своих собственных рассуждений.

Внутри корабля все давно находились без гермокостюмов — их сняли, когда Дондрагмер убедился, что корпус не поврежден. Битчермарлф, быстро облачившись в свой, через несколько минут был возле указанного шлюза. Капитан и еще четыре матроса, все тоже в костюмах, уже ждали. Матросы держали катушки канатов.

— Порядок, Битч, — приветствовал капитан. — Стакенди выйдет первым и привяжет свой канат — он послужит удобным захватом при подъеме.

Затем пойдешь ты, потом Праффен. Каждый из вас привяжет свой канат к разным скобам. И сразу займитесь своими заданиями. Подождите, привяжите балласты к ремням ваших костюмов, иначе будете всплывать. — Он передал рулевому четыре грузика, снабженных самоосвобождающимися защелками.

Выход наружу через крошечный шлюз происходил в тишине. Фактически шлюз представлял собой ванну с жидкостью, достаточно глубокую, так что наклон «Квембли» почти не влиял на работоспособность шлюза. Тот факт, что наружный выход находился под водой, мог иметь какое-то значение. Битчермарлф, попав из шлюза прямо в поток, был рад удерживающему захвату Стака, пока искал скобу для своего собственного страховочного фала. Минутой позже к ним присоединился третий член их группы, и вместе они преодолели короткое расстояние до дна реки. Дно было образовано округлыми камнями, которые просматривались с мостика, они располагались странными волнообразными линиями по течению реки. С первого взгляда у Битчермарлфа создалось впечатление, что крейсер застрял в расщелине между двумя такими волнами. Света от нескольких все еще работающих наружных

прожекторов хватало, чтобы, хотя и с трудом, разглядеть открывшийся им подводный мир.

Все трое направились вокруг кормы, чтобы взглянуть на нижнюю часть корпуса судна. Хотя эта часть была освещена слабее, сразу же стало совершенно ясно, что докладывать Дондрагмеру придется о многом.

Корпус «Квембли» был установлен на шестидесяти тележках. Каждая из них имела ширину в три фута, а длину вдвое больше, и расположены они были продольными рядами по двенадцать штук в каждом. Все они вращались на роликах, соединяясь между собой лабиринтом рулевых тяг, разбираться в которых было основной обязанностью Битчермарлфа. На каждой из тележек было место для энергоблока, и каждая имела свой собственный мотор, где энергия термоядерного двигателя трансформировалась в движение гусениц. Если энергоблок был выключен, гусеницы вращались свободно. Ко времени аварии десять из двадцати пяти конвертеров «Квембли» были установлены на тележках.

Восемнадцать тележек на корме крейсера, включая все пять с энергоблоками, отсутствовали.

5. Из огня да в полымя

Строго говоря, не все тележки пропали. Некоторые валялись на камнях, сорванные, очевидно, во время последнего удара. Другие же могли быть сорваны раньше и остались где-то вверх по течению, где именно — Битчермарлфу страшно было даже подумать. Это еще успеется, прежде всего — проверить то, что осталось. И рулевой принялся за дело.

Правый борт, похоже, подвергся наименьшим испытаниям, практически там все уцелело, почти все тележки были на месте и лабиринт управляющих тяг не поврежден. Ближе к середине корпуса многие из тяг лопнули, несмотря на огромную прочность месклинитского волокна, из которого они были сделаны. Часть тележек оказались выбитыми из своих рядов, а некоторые просто свободно болтались. Разрушения в районе кормы имели очень схожий характер, и это несколько ободряло. Считая со стороны левого борта, первый ряд лишился пяти последних тележек, второй и третий ряды потеряли по четыре, и тоже последние, четвертый ряд — последние три,

пятый ряд, со стороны правого борта, — последние две. Это доказывало, что все они пострадали от одного и того же удара, который пришелся на корпус по диагонали, и так как некоторые из сорванных тележек валялись поблизости, то и другие могли сказаться неподалеку.

Месклинитов немало удивило, что сорванные тележки произвели не такие уж страшные разрушения. Битчермарлф и его спутники не имели никакого отношения к разработке «Квембли» и других лэнд-крейсеров. За этим стояло чуждое мышление другой расы, и месклинитам даже в голову не могло прийти, с какими проблемами пришлось столкнуться создателям машин, приводимых в действие самыми сложными из существующих источников энергии, но управляемых существами, принадлежащими к культуре, находящейся на стадии использования мускульной силы и энергии ветра, существами, которые, оказавшись на Дхрауне, не могли рассчитывать ни на чью помощь, если понадобится что-то отремонтировать или заменить какие-то детали. Именно по этой причине управление осуществлялось с помощью рулевых тяг, а не специальных сельсинов или других механизмов; именно поэтому воздушные шлюзы были столь просты по

конструкции, хотя и не слишком совершенны; поэтому система жизнеобеспечения не только управлялась вручную (за исключением ламп, поддерживающих жизнедеятельность растений), но и была разработана и построена месклинитскими учеными и техниками.

Несколько сотен месклинитов получили довольно внушительное «инопланетное» образование, хотя не было предпринято никаких попыток распространить новые знания внутри месклинитской культуры. Почти все выпускники Колледжа сейчас находились на Дхрауне, но вместе с ними прибыли и добровольцы из числа матросов Барленнана — вроде Битчермарлфа, в большинстве своем молодые и достаточно развитые. Этим последним и предстояло осуществлять любые ремонтные работы и обычное обслуживание лэнд-крейсеров, именно на них должны были ориентироваться создатели судов. Необходимость в машинах, способных под управлением месклинитов преодолевать тысячи миль в условиях Дхрауна в течение внушительного времени, оставаясь при этом надежными и разумно безопасными, привела к созданию оборудования с такими поразительными свойствами, что Битчермарлф, знай он об этом, не удивлялся

бы незначительности разрушений и быстроте, с какой можно было отремонтировать крейсер.

И конечно же, интеллект месклинитов тоже был принят во внимание. Он позволил конструкторам отказаться от роботов, которые не оправдали себя еще на заре космических исследований. Интеллект месклинитов был вполне сопоставим с интеллектом людей или, скажем, дроммиан и панешек — факт, поразительный сам по себе, так как на всех четырех планетах, как оказалось, жизнь эволюционировала совершенно разными путями и в разных геологических условиях. К тому же месклиниты имели гораздо большую продолжительность жизни, чем люди, хотя, по непонятным причинам, избегали обсуждения этого вопроса.

Таким образом, как ни посмотреть, проект был рискованным, и большая часть риска досталась месклинитам. Гигантская космическая баржа, дрейфующая на орбите недалеко от станции людей, которая, как предполагалось, в состоянии эвакуировать сразу весь Поселок в случае необходимости, была, скорее, лишь символом заботы о существах, работающих в полевых условиях, на лэнд-крейсерах.

Но, естественно, ничего из этого не могло

прийти на ум трем матросам, инспектирующим повреждения «Квембли». Они просто удивились и обрадовались, что не все тележки потерялись, что большинство из них просто выскочили из пазов, куда их можно было, пусть и с некоторыми трудностями, вернуть. Когда Битчермарлф, к своему удовольствию, понял это, он решил заняться поиском пропавших тележек. Обследовав дно реки, насколько позволяли страховочные фалы, они обнаружили двенадцать тележек и изучили повреждения: разорванные гусеницы, утерянные секции, сломанные несущие колеса, несколько погнутых осей. Матросы собрали все, до чего могли добраться, и доставили свой груз назад, к корме «Квембли». Рулевой подумал было удлинить вдвое страховочные фалы и, таким образом, расширить радиус поиска, но сначала решил доложить Дондрагмеру и получить его разрешение на это. Вообще-то говоря, Битчермарлф немного удивлялся, почему капитана до сих пор не видно, ведь он собирался все проверить сам.

Все разрешилось очень просто: когда рулевой и его спутники обогнули кормовую часть корпуса, чтобы подойти к шлюзу, Дондрагмер с двумя офицерами, которым полагалось сопровождать капитана при обычных вылазках, и еще шесть

членов команды, специально, очевидно, вызванных недавно на помощь, находились у середины корпуса «Квембли», пытаясь освободить от камней главный шлюз.

Гермокостюмы не имели специальных средств связи, разговаривать друг с другом через разделяющую их жидкость было непросто, но звук голоса месклинитов, рожденный плавательным сифоном, а не парой легких (водорододышащие крошки не имели легких), относился как раз к одной из особенностей, ошеломляющих землян-биологов.

Рулевой привлек внимание своего капитана низким ревом и жестом пригласил его следовать за собой вокруг кормы крейсера. Дондрагмер, решив, что дело не терпит отлагательств, направился за ним, но прежде отдал необходимые распоряжения оставшимся у шлюза.

Несколько фраз Битчермарлфа да короткий взгляд — и капитан получил полное представление о ситуации. После нескольких секунд раздумья он отверг идею немедленного поиска сорванных тележек. Течение было еще сильным, так что безопаснее отложить поиск на потом, когда поток иссякнет, если это случится достаточно скоро. А тем временем можно приступить

к ремонту уже найденных. Битчермарлф дал знак, что приказание понял, и, не медля, начал сортировать поврежденное оборудование.

Работа требовала осторожности — некоторые детали были легкими и могли быть унесены течением, если не принять мер. Кое-каких уже не хватало — вполне очевидно, что они исчезли именно таким образом. Рулевой принес переносный фонарь и приказал одному из матросов встать несколькими ярдами ниже по течению: если что-то уплывет, это можно будет поймать. Он подумал, насколько полезней сейчас оказалась бы сеть, но на борту «Квембли» не было ничего подобного. Хотя, если рассудить, сеть можно сделать из корда, которого на борту судна хватало, но вряд ли идея стоила затрат времени.

За восемь часов работы, прерываемой отдыхом и болтовней с Бенджем, они отремонтировали три тележки. Некоторые недостающие части Битчермарлф и его помощники соорудили сами, используя месклинитские тросы и ткань наравне с инопланетными полимерами и сплавами, бывшими у них под рукой. Инструменты, которыми они пользовались, были их собственными — месклиниты давно достигли мастерства в таких вещах, как производство ножниц, молотков

и прочих инструментов с режущей кромкой. Изготовленные из кости, рога и раковин, они отличались исключительной твердостью и прочностью — такова уж природа всех месклинитских материалов.

Установка на место отремонтированных тележек, в предназначенные для них пазы, потребовала серьезных мышечных усилий даже по меркам месклинитов, тем более что металл кое-где был погнут во время аварии.

Первые три готовые тележки разместили в четвертом ряду, так как пятый был все еще прижат к камням на дне реки, а три остальных располагались слишком высоко, и до них не так-то просто можно было добраться. Битчермарлф, уступая необходимости, присоединил тележки там, где мог, и приступил к ремонту остальных.

Уровень жидкости в реке продолжал понижаться, как и скорость потока. Дондрагмер приказал рулевому и двум его помощникам перейти работать на другое место, выбраться из-под корпуса корабля, предвидя, что может произойти при дальнейшем обмелении реки. Его предусмотрительность была вознаграждена, когда, скрежеща по камням, корабль изменил свое положение, так что угол наклона палубы уменьшился при-

мерно до тридцати градусов, сделав досягаемыми еще два ряда тележек и заставив двоих рабочих пригнуться между камнями, чтобы не быть раздавленными.

Теперь стало ясно, что даже если вода спадет еще, то крейсер все равно останется в нынешнем положении. Днище корабля, в точке с левой стороны борта, примерно в трети расстояния от носа, между первым и вторым рядами тележек, упиралось в одинокую скалу футов восемнадцати в основании, торчащую посредине дна реки, пробовать срыть ее — дело безнадежное. Битчермарлф, продолжая выполнять порученную ему работу, гадал: как же капитан предполагает снять корабль с этой скалы? Любопытно, что произойдет, если капитан преуспеет? Вряд ли создателям корабля приходило в голову, что может встретиться такое препятствие, как скала или русло реки, ведь планеты с мощным тяготением должны иметь довольно ровную поверхность, судя по Месклину (единственному доступному примеру). Даже если проектировщики и предполагали, что на пути движения могут встретиться участки, где сцепление с почвой будет неподходящим, они, наверное, считали, что надо просто избегать подобных участков. Вот и еще один довод в пользу

наземной разведки с участием живых существ, а не автоматов.

Битчермарлф, находясь в философском настроении, заключил, что предвидение, совершенно определенно, во многом зависит от уровня доступных знаний.

Дондрагмер, раздумывающий над той же проблемой — как освободить судно, — был не ближе к решению, чем рулевой, даже после пятидесяти часов работы на почве. И первый офицер, и ученые были в одинаковой степени сбиты с толку. Правда, они не так сильно беспокоились, как капитан, хотя и его чувства, строго говоря, нельзя было обозначить человеческим понятием «беспокойство». Он рассказал Битчермарлфу, когда тот в очередной раз дежурил на командном мостике, содержание разговора, состоящегося между ним и наблюдателями-землянами несколько часов назад.

Разговор начался как обычный доклад, в совершенно оптимистичных тонах. Дондрагмер, пожалуй, был готов признать, что еще не составил рабочий план, но это вовсе не значило, будто он над ним не думал. К сожалению, он произнес фразу: «У нас достаточно времени, чтобы разработать его».

Изи, на другом конце, возразила:

— Времени может оказаться не так много, как вы предполагаете. У нас тут кое-кто раздумывал над этими камнями. Они круглые, обкатанные, согласно вашему докладу, да мы и сами их разглядели с помощью передатчика на мостике. Это значит, судя по нашему опыту, что их постоянно ворочает жидкость — либо в русле реки, либо на побережье. А чтобы ворочать такие большие камни, требуется мощный поток. Мы боимся, что поток, занесший вас сюда, — всего лишь предварительный ручеек, первое таяние сезона, и если только вы вовремя не уберетесь оттуда, вам придется встретиться с гораздо большим количеством воды.

Дондрагмер поразмыслил над сказанным.

— Хорошо, но мы и так делаем все, что в наших силах. Уберемся мы отсюда вовремя или нет, но мы не можем сделать более того, что можем. Если ваши ученые сообщат что-нибудь конкретное об ожидаемом суперпотоке, мы постараемся это учесть, в противном случае остается лишь продолжать начатое. Конечно же, я оставлю дежурного здесь, у радио, если только работа не потребует всех. Тогда попытайтесь связаться с лабораторией. И все же спасибо за информацию.

И капитан вернулся к своей работе и к своим мыслям. Он не был паникером, чрезвычайность ситуации лишь прибавляла ему хладнокровия. В приведенной беседе эта его черта блестяще подтвердилась: он был готов сделать все возможное за отпущенное ему время, полностью сознавая, что однажды времени может не хватить. И сейчас он взвешивал свои возможности.

Большой камень был основной проблемой. Он не позволял тележкам войти в контакт с почвой, а пока они не лягут надежно на дно, нет никакой возможности передвинуть «Квембли» за счет его собственной энергии. Судно, возможно, удалось бы чуть-чуть сдвинуть с помощью мускульной силы на экваторе Месклина или на Земле, но только не на Дхрауне: при таком тяготении трудно передвинуть даже двухфунтовый камешек.

Внутри корабля имелась система канатов, которую можно было бы использовать как подъемный блок, но канаты не могли выдержать даже статический вес корабля.

Несколько тележек — четыре, если быть точным, — находились в контакте с самим камнем. Еще несколько, в пятом ряду, касались дна реки. Но ни одна из них не имела энергоблока. Хотя, если подумать, конвертеры можно переместить

и на них. Если бы те четыре, касающиеся камня, и те, что находились впереди, а также некоторые из тележек пятого ряда были бы движущими, то нельзя ли было бы просто отвести крейсер назад?

Да, можно. Без всякого сомнения. Занимая горизонтальное положение, при неплохом сцеплении с почвой любые четыре хорошо разнесенные движущие тележки могут переместить корабль. Но если вес распределяется только на несколько тележек, сцепление будет даже лучше, чем обычно. Кроме того, движение назад шло бы в основном под уклон.

Не отсутствие уверенности заставило Дондрагмера обрисовать этот план людям, находившимся на связи, он просто объявил о своих намерениях, не спрашивая совета. Человек, принявший эту информацию, не был инженером и, не задумываясь, одобрил план, но, как положено, сообщил о докладе в секцию планирования. Наконец, через час или около того, когда Дондрагмер вовсю готовился к выполнению своего плана, эта информация достигла инженера.

У инженера идея вызвала удивление, брови его взметнулись, он склонился над масштабной моделью «Квембли» и, подумав немного, пару

минут занимался расчетами.

Инженер был плохим лингвистом, но это не единственная причина, по которой он отправился искать Изи Хоффман. Он не слишком хорошо знал Дондрагмера и не представлял, как месклинит реагирует на критику. Зато он имел опыт работы с дроммианами, принимавшими участие в Дхраунском проекте, и потому считал, что гораздо безопаснее, если его точку зрения будет высказывать официальный представитель. Изи, когда он ее нашел, заверила, что не знает случая, когда бы Дондрагмер отказался от резонного совета, но согласилась, что ее познания в стеннийском помогут, если понадобится, смягчить острые углы, хотя, вообще-то, капитан достаточно хорошо владеет языком землян. Они вместе направились в отсек связи.

Бендж уже был там, что стало обычным явлением в свободное от вахты время. Он подружился еще с несколькими месклинитами, хотя больше всех ему по-прежнему нравился Битчермарлф. Большая занятость последнего из-за аварии не помешала им продолжать свои беседы, и стеннийский Бенджа весьма улучшился, его мать была им довольна.

Когда прибыли Изи с инженером, Бендж разго-

варивал с Такуурчем и не слишком расстроился из-за необходимости прервать беседу. Передав, что есть важное послание для капитана, он уступил свое место матери.

Для того чтобы добраться до мостика, Дондрагмеру понадобилось всего несколько минут. Как и вся его команды, он работал почти без передышки, но, по счастливой случайности, в тот момент, когда пришел вызов, он находился внутри корабля.

— Я здесь, Изи, — наконец послышался его голос. — Так сообщил, что у тебя срочное дело. Выкладывай.

— Это касается твоего плана съехать с камня, Дон, — начала она. — Конечно, мы не можем иметь целостную картину, но наших инженеров беспокоят две вещи. Во-первых, когда съедет передняя тележка, у тебя останется еще примерно десять футов корпуса плюс командный мостик. Продумал ли ты, что незащищенный корпус может удариться о камень, когда тележка съедет? Во-вторых, в самом конце маневра корпус будет опираться почти полностью на два своих конца. Пневматические шасси могут распределить эту нагрузку, но мой друг здесь не уверен, что это случится. Более того, если окажется, что большую

часть полного веса «Квембли» примет на себя незащищенный корпус, а не пневматическая подушка, тяготение Дхрауна сослужит плохую службу: твое судно может разломиться на две части. Ты проверил эти моменты?

Дондрагмер вынужден был признать, что не проверил, но сделает это прежде, чем план получит дальнейшее развитие. Он поблагодарил Изи и ее друга, отключил связь и направился к основному шлюзу, уже давно очищенному от камней.

Снаружи поток ослабел настолько, что необходимость в страховочных фалах пропала. Уровень жидкости упал примерно до семи футов, слишком разнокалиберные камни не позволяли определить эту цифру точнее. Капитану пришлось полпути карабкаться с камня на камень, что было трудной задачей, хотя она немного облегчалась положительной плавучестью тела месклинита.

От шлюза Дондрагмеру пришлось ползти к передним тележкам, где он попробовал сравнить кривизну поверхности камня с изгибом нижней части корпуса «Квембли». Увы, здесь ни в чем нельзя быть уверенным, так как смещение корпуса назад изменит его наклон, но, тем не менее, капитану не понравилось то, что он увидел. Похоже, инженер-землянин прав. Риск повредить

корпус действительно велик. Но дело даже не только в этом. Здесь же проходила и ось руля. Она выступала из корпуса чуть впереди воздушной подушки, ее герметизация поддерживалась специальным механизмом с помощью жидкостного мини-шлюза. И здесь же находился главный узел соединения руля с переплетением тяг, управляющих тележками. Серьезное повреждение оси, конечно, не выведет полностью корабль из строя, так как на корме предусмотрен еще один такой же механизм, но на такой риск идти нельзя.

И он решил задачу. Но не сразу — ему потребовалось на размышление еще около часа. А человек-психолог, обдумывая впоследствии поведение Дондрагмера, был весьма огорчен: он все пытался обнаружить определенные различия между логикой человека и месклинита, но пришел к выводу, что общего слишком много.

Решение, конечно же, предусматривало работу. Даже самые маленькие камни были тяжелыми, зато их было довольно много поблизости, не надо было за ними никуда ходить. И вся команда «Квембли», за исключением Битчермарлфа и тех, кто помогал ему с тележками, принялась собирать камни. Насыпь между носом попавшего в ловушку корабля и большой скалой росла с

неплохой скоростью.

Это было на руку Битчермарлфу: закончив ремонт поврежденного блока, он обнаружил, что насыпь позволяет добраться до таких мест на корпусе, которые прежде были вне пределов досягаемости. Обе группы — и Битчермарлфа, и Дондрагмера — закончили работу почти одновременно. Правда, Битчермарлф так и не смог отремонтировать четыре тележки из-за отсутствия некоторых деталей, но бережно разобрал их на запасные части. Кроме того, он отметил нарушения в местах сцепления, которые, к счастью, были разбросаны по разным участкам корпуса, и вес крейсера распределялся по тележкам все-таки достаточно равномерно. Чтобы вести работы в пятом ряду, практически погребенном в камнях на дне реки, пришлось спустить воздух из нескольких секций амортизирующей подушки. А когда, заменив две тележки, подушку снова подкачали, наклон корпуса слегка изменился, что встревожило Дондрагмера, но ненадолго: изменение оказалось ничтожным.

Капитан провел большую часть времени, снуя между передатчиком, надеясь услышать что-нибудь о грозящем им потоке, и местом проведения работ, следя за ходом сооружения ската и за

скоростью течения. Когда скат был почти готов, воды осталось менее чем на ярд, и поток почти полностью иссяк. Сейчас они находились, скорее, в маленьком бассейне, а не в потоке.

Давно наступила ночь — солнце зашло уже сто часов назад. Атмосфера полностью прояснилась, и работающим снаружи яростно замигали звезды. Их собственное солнце отсюда не было видно. Даже в самое удачное время его лучи не могли пробиться сквозь плотную атмосферу Дхрауна, а сейчас и подавно: оно висело слишком низко над горизонтом, а может быть, и вообще ушло за горизонт — Дондрагмер точно не знал. Солнце и Фомальгаут, как было известно всей команде, находились в южном направлении, никогда не поднимаясь особенно высоко. Воображаемая линия, соединяющая эти две звезды, сместилась с приходом тьмы примерно на двадцать градусов, как сказали бы люди, или на четыре единицы, как сказали бы навигаторы с Месклина.

Вне круга, освещаемого прожекторами «Квембли», была почти абсолютная тьма. У Дхрауна не было лун, а звезды давали света не больше, чем на Земле или на Месклине.

Температура почти не менялась. Ученые Дондрагмера постоянно измеряли параметры

окружающей среды, насколько позволяли их оборудование и знания, а затем сообщали результаты на орбитальную станцию. Капитан, в глубине души, все-таки рассчитывал получить взамен кое-какую дополнительную информацию, хотя и понимал, что люди вовсе не обязаны делать это: подобные доклады, помимо всего прочего, являлись просто частью соглашения, заключенного между людьми и месклинитами.

Капитан предложил своему экипажу самим попытаться поразмыслить над ситуацией. Бордендер, сочтя предложение шуткой, саркастически ответил, что если люди предоставят ему полную картину описания других частей Дхрауна, а также компьютер для обработки данных, то он, так и быть, попытается. Но капитан и не думал шутить. Повторив, что полезные идеи были бы встречены с радостью, он покинул лабораторию.

Даже ученым было приказано выйти наружу, когда подошло наконец время снимать корабль со скалы. Бордендер, раздосадованный этим, проворчал, что не видит принципиальной разницы между нахождением внутри «Квембли» и снаружи, если произойдет что-то чрезвычайнее. Но Дондрагмер решительно заявил, что это не предмет для обсуждения, а приказ, и даже ученые

не отрицали его права настоять на своем. Только сам капитан, Битчермарлф и техник по имени Кенсни из отсека жизнеобеспечения должны были остаться на борту. Сначала Дондрагмер подумал, не взять ли ему на себя функции рулевого, но, поразмыслив, решил, что если окажется повреждена система жизнеобеспечения, то Битчермарлф, лучше зная схему управляющих тяг, скорее почувствует неладное. Хотя энергоснабжение внутренних систем «Квембли» не связано напрямую с движением, но если при соскальзывании корабля или разрушении ската система жизнеобеспечения будет нарушена, лучше кого-то иметь поблизости. Эта система куда важнее самого крейсера: при крайней необходимости, если крейсер разрушится, команда смогла бы добраться назад, до Поселка, таща на себе атмосферное оборудование.

Строго говоря, руководствуясь своими рассуждениями, капитан должен был оставить на борту только Битчермарлфа и Кенсни, а сам покинуть корабль и наблюдать снаружи. Но Дондрагмер не внял доводам разума и тоже остался на борту.

Напряжение в толпе месклинитов, собравшихся снаружи неподалеку от огромного корпуса, нарастало по мере того, как матросы выбирали

слабину в канатах. Дондрагмер со своего поста на мостике не мог видеть возбужденную толпу, и это помогало ему оставаться спокойным. Позиция Битчермарлфа, наоборот, позволяла ему наблюдать за товарищами, и он, чувствуя общую нервозность, нервничал сам. Наблюдатели-люди, следившие за событиями с помощью передатчика, который специально для этого вынесли из секции жизнеобеспечения и надежно закрепили на камне, торчащем из воды в сотне ярдов от лэнд-крейсера, ничего не видели до тех пор, пока крейсер по-настоящему не начал двигаться. Земляне были спокойны, за исключением Изи и Бенджа.

Бендж мало внимания уделял внешнему обзору, он наблюдал за экраном командного поста. Вернее, за Битчермарлфом. Одна пара его клешней крепко держала руль, две другие мелькали с почти невообразимой скоростью между рукоятями двигателей, управляющих контрольными канатами, чтобы сравнить натяжение в различных линиях тележек. Сложное переплетение канатов, специально перенастроенных так, чтобы с помощью одного управлять всеми, было стихией Битчермарлфа и подчинялось только ему. Рулевой был очень занят.

Как только «Квембли» начал пятиться назад, кто-то из людей воскликнул:

— Какого черта они не установили дистанционное управление или, по крайней мере, индикаторы тяги и мощности на мостике?! Этот бедный жук сходит с ума. Просто не представляю, как он может определить, какая из тележек в данный момент просто хотя бы сцепляется с грунтом, не говоря уж о том, как реагирует на его управление.

— Будь у него всякие красивенькие индикаторы, он бы их установил, — ответил Мерсерэ. — Но Барленнан отказался на своих кораблях от любого оборудования, более сложного, чем то, которое месклиниты могли бы самостоятельно отремонтировать на месте, за исключением случаев, когда по-другому никак было не обойтись. Я согласился с ним, как и все остальные члены комиссии. Смотрите — он соскальзывает, как по льду.

Из динамика грянул хор возбужденных сиреноподобных воплей, немного смягченный тем, что издававшие их создания пребывали под водой. На непередаваемо долгое мгновение штук шесть тележек провисли под брюхом корабля, в то время как нос «Квембли» сползал со ската, ото-

двигаясь назад по дну реки. Инженер, который опасался «эффекта мостика», суеверно скрестил пальцы и затаил дыхание. Затем корма медленно начала опускаться — по мере того как передние тележки скользили вниз, и наконец вес снова был нормально распределен. Усилие изгиба, которое никто серьезно не просчитал, постепенно уменьшилось. Крейсер съехал на относительно ровное каменистое дно реки и остановился.

Команда, разделившись на два потока, хлынула вокруг носа и кормы, спеша добраться до главного шлюза, забыв подобрать передатчик. У Изи мелькнула мысль, не напомнить ли об этом капитану, но она тактично решила подождать.

Однако Дондрагмер не забыл об оставшемся снаружи оборудовании. Как только первые члены команды вынырнули из бассейна, в котором оказался корабль, голос капитана разнесся по переговорным трубам:

— Кервенсер! Реффел! Немедленно выводите разведывательные флаеры. Реффел, подбери передатчик снаружи и, прежде чем отправиться, удостоверься, что затвор находится на флаере. Затем проделай десятиминутный облет к северо-востоку и возвращайся назад. Кервенсер, облетишь к западу и немного заберешь южнее

в течение того же времени. Бордендер, доложи, когда все твое измерительное оборудование будет на борту. Битчермарлф и Такуурч, выйдите наружу и перенастройте контрольные канаты двигателей в нормальное положение.

Его передатчик на мостике оставался включенным, так что Изи слышала и переводила все приказы, хотя замечание про затвор на флаере ничего не значило ни для кого из них. Она и ее коллеги наблюдали за экраном передатчика, оставшегося снаружи, с большим интересом, так как два крошечных вертолета поднялись из раскрывшегося верхнего отсека. Один, облетев передатчик, оказался вне поля зрения, другой же по-прежнему набирал высоту, направляясь к западу. Картинка закачалась, когда Реффел, подобрав передатчик, установил его внутри своего флаера. Как только флаер поднялся над грунтом, Изи совершенно автоматически переключила селектор на видеозапись — пригодится для будущей работы над картой.

Дондрагмер одобрил действия Изи, но сам не мог наблюдать за летящим флаером, ему лишь оставалось ждать устного рапорта от Реффела или, через космическую станцию, от Кервенсера, но разведчики молчали.

Десятиминутные полеты не дали ничего интересного. Но все-таки удалось выяснить, как сообщил Дондрагмер на земную станцию, что «Квембли» находился в долине шириной примерно пятнадцать миль. Ее каменные склоны по меркам Дхрауна считались почти пологими: пилоты оценили наклон градусов в двадцать-тридцать, зато они были очень высокими, не менее сорока футов. К западу, насколько далеко смог забраться Кервенсер, он не обнаружил никаких признаков зарождения нового потока, но отметил, что камни, устилавшие дно долины, через две-три мили уступали место скальному грунту, и там, как монетки, были разбросаны бесчисленные озерки, подобные тому, которое сейчас окружало «Квембли». К востоку, на всем протяжении полета Реффела, камни и лужи тянулись до самого горизонта. Дондрагмер, поразмышляв над этим некоторое время, приказал одному из флаеров продолжить облет:

— Керв, подымись снова в воздух. Рулевым все равно еще несколько часов не управиться. Лети на запад вдоль долины, если получится, спустись как можно ниже, чтобы зацепить светом прожекторов поверхность, и еще раз поищи любые признаки образования нового потока. Пусть это

займет часа три, если ты что-нибудь заметишь, конечно, если же видимость будет плохой, возвращайся назад. Я сдаю вахту. Передай Стакенди, чтобы принял командный пост, прежде чем вылетишь.

Даже месклиниты устают, но время для отдыха Дондрагмер выбрал неподходящее, как впоследствии сказал ему Барленнан. И когда капитан возразил, что все равно ничего не смог бы сделать, даже если бы оставался на посту, его начальник издал месклинитский эквивалент хмыканья.

— Но ты бы попытался. Ведь потом-то ты нашел выход!

Дондрагмер не согласился, что его замена была серьезным упущением, но в глубине души вынужден был признать, что в тот момент действительно уходить не стоило.

Прошло почти восемь часов после отлета Кервенсера, когда за дверью капитанской каюты раздался рев тревоги. Дондрагмер вскочил, и ворвавшийся к нему матрос обрисовал ситуацию коротко и ясно:

— Капитан, Кервенсер и рулевые все еще снаружи, а бассейн жидкости, в котором мы находимся, замерз.

6. Политика

Раздражение и нетерпение уже весьма ощущались в лаборатории планирования, но пока еще никто не потерял самообладания окончательно. Иб Хоффман, всего часа два назад вернувшийся из месячной командировки на Землю и Дромм, не произнес практически ни слова, лишь запросил свежие данные. Изи, сидевшая рядом с ним, вообще молчала, но ей уже было ясно, что пора любым путем повернуть русло беседы в конструктивном направлении. Требовалось подходящая тема. Например, изменение политики землян на новой стадии проекта. Что ж, это могло оказаться неплохой идеей, но не сейчас. В данный момент это сведется к тому, что люди, сидящие по одну сторону стола, начнут обвинять своих коллег, сидящих напротив, в недостатках нынешней политики. Абсурд. Еще более абсурдно препирательство ученых, до сих пор гадающих, почему это вдруг озеро замерзло, когда температура повысилась. Дельный совет мог бы привести к каким-то рациональным действиям, и вообще Изи казалось, что такой вопрос полезнее обсуж-

дать в лаборатории, а не в конференц-зале.

Если ее муж немедленно не примет участия в беседе, ей придется вмешаться самой, решила она.

— Все это я уже слышал сто раз и по-прежнему не считаю убедительным! — резко бросил Мерсерэ. — До какого-то момента это еще имело смысл, но, кажется, этот момент мы давно миновали. Я отлично понимаю — чем сложнее и комплекснее оборудование, тем меньше персонала требуется для управления им, — но тогда специального оборудования должно быть много и специально обученного персонала для обслуживания и ремонта — тоже. И если бы лэнд-крейсеры были напичканы автоматикой, как настаивали некоторые мои коллеги, мы бы и обошлись на Дхрауне всего сотней месклинитов вместо пары тысяч — *сперва.* Но все эти машины — все до единой — к настоящему времени уже давно превратились бы в ненужный хлам, потому что мы не смогли бы доставить сюда ни квалифицированный персонал, ни запасное оборудование. Поймите, месклиниты пока еще не могут полностью освоить наши технические достижения. Я согласен с этим, Барленнан согласен с этим. Как я уже говорил, это имело смысл.

— Но вы, Аукойн и, по какой-то причине, Барленнан пошли еще дальше: вы были против включения в список оборудования вертолетов. Мне известно: среди создателей проекта имелись люди, считавшие, что месклинита никогда не научить летать, и, быть может, именно агорафобией мотивировались поступки Барленнана. Но, в конце концов, он смог понять, что без воздушной разведки лэнд-крейсерам не пройти по неизвестной территории больше нескольких миль, и чтобы исследовать хотя бы только Нижнюю Альфу, при таком темпе понадобится чертова уйма времени. Именно благодаря этому аргументу нам удалось убедить его.

Однако имелось много другого оборудования, которое мы с удовольствием бы им предоставили, весьма полезного и оправдавшего бы себя, но от поставки которого *он* отговорил *нас*. Никакого оружия — тут я согласен, оно было бы бесполезно. Но никакого радиооборудования для связи на коротких дистанциях? Никаких переговорных устройств для Поселка? Это просто сущая нелепица, что Дондрагмеру приходится вызывать нас, находящихся от него в шести миллионах миль, чтобы просить передать его доклады Барленнану в Поселок. До сих пор это было не так уж важно,

поскольку Барл не мог помочь Дону физически да и временное запаздывание, в общем-то, невелико, в обычных обстоятельствах это просто глупо. Но *теперь,* когда исчез первый помощник Дона, это стало исключительно важным: исчез он в сотнях миль от «Квембли» или не далее чем в десяти? И никто в галактике не может с ним связаться — ни отсюда, ни с крейсера. Почему же Барл был против радио, Алан? И почему вы были против? — Макдевитт распалился не на шутку.

— По той самой причине, которую вы только что назвали, — ответил Аукойн с ноткой резкости в голосе. — Проблема обслуживания.

— Вы несете чушь, — вскинул голову Макдевитт. — Нет никакой проблемы с обслуживанием простого акустического прибора и даже, если уж на то пошло, видеопередатчика. Насколько мне помнится, четыре такие штуки Барленнан протащил с собой по Месклину в первом контролируемом людьми путешествии, которое состоялось лет пятьдесят тому назад. И ни один из них не причинил никому ни малейшего беспокойства. Сейчас подобных приборов на Дхрауне около шестидесяти, и за истекшие полтора года ни с одним из них ничего не случилось. Барленнан должен это знать, и вы тоже. Более

того, почему мы передаем их сообщения именно таким образом, как сейчас? Почему мы используем для передачи не автоматику, а целый штат переводчиков, которые, в силу разных причин, замалчивают кое-какие вещи — извини, Изи. И вы не докажете мне, что за все время на станции возникла хоть одна-единственная проблема с обслуживанием радиопередающего оборудования. Кто и кого здесь пытается обдурить?

Изи пошевелилась: это уже пахнет настоящим скандалом. Ее муж коснулся руки Изи жестом, который она отлично поняла: он сам собирается вмешаться. Но прежде он предоставил Аукойну возможность ответить:

— Никто никого не пытается обдурить. Я вовсе не имел в виду техническое обслуживание оборудования. Это просто неудачный выбор выражения. Этика — вот о чем надо говорить. Месклиниты — весьма умелые, умные и самоуверенные существа, по крайней мере те из них, с кем нам доводилось встречаться. Они бороздят под парусами тысячемильные просторы океана Месклина на своих странных составных суденышках, оторванные от дома, без всякой надежды хоть на какую-то помощь со стороны, многие месяцы предоставленные самим себе

и своей судьбе, — совсем, как люди несколько веков назад. И, по общему нашему мнению, возможность легкодоступной связи друг с другом могла бы подорвать их уверенность в себе. Признаюсь, я не на сто процентов уверен в этом. Месклиниты — не люди, хотя их разум во многом подобен нашему; кроме того, имеется еще один весьма важный фактор, значение которого мы пока не можем оценить, а может быть, никогда не сможем: нам неизвестна их средняя продолжительность жизни, хотя ясно, что она гораздо больше нашей. И все-таки Барленнан согласился с нами насчет радио. Ведь он сам, именно он, поднял этот вопрос — и никогда не жаловался на затруднения со связью.

— *Нам,* — неожиданно вмешался Иб.

Аукойн посмотрел на него сначала с удивлением, затем с недоумением.

— Да, Алан, — подтвердил Иб, — именно это я и хочу сказать: он не жаловался *нам.* А что он думает про себя — одному богу известно.

— Но почему же он не жалуется или хотя бы не попросит радио, если пришел к выводу, что оно ему необходимо? — воскликнул Мерсерэ.

Планировщик не хотел сдавать позиции, однако, как с удовлетворением отметила Изи,

агрессивность в его голосе исчезла.

— Я и сам не понимаю, почему, — признался Хоффман. — Просто вспомнилось кое-что. Я слышал о первых контактах с Барленнаном: тогда, несколько десятилетий назад, он был настроен весьма дружественно, практически чуть ли не поклонялся таинственным чужакам с Земли, Панеша и Дромма, во времена экспедиции «Тяготение» он выполнял для землян работу по просьбе людей, а затем вдруг, в самом конце экспедиции, неожиданно фактически пошел на шантаж: вынудил нас на своих условиях согласиться с требованиями, с которыми, как считают пять землян, семь панешек и девять дроммиан из каждых десяти, мы ни за что не должны были соглашаться. Вы не хуже меня знаете: передавать развитую технологию или хотя бы просто основы науки в распоряжение расы, которая еще не достигла эпохи технического развития, чрезвычайно опасно. Экологи просто кипят от возмущения, потому что считают — каждая раса должна иметь право самостоятельно преодолевать болезни своего роста, а ксенофобы орут на всех углах, что мы вооружаем против самих себя зловредных чужаков. На нас накидываются историки, потому что мы искажаем картину

исторического развития, администраторы же боятся, что возникнут проблемы, с которыми они пока не научились справляться.

— Ксенофобы сами опасны больше всех, — резко перебил его Мерсерэ. — Эти психи считают само собой разумеющимся, что любые негуманоидные существа сразу же автоматически должны стать нашими врагами, едва лишь позволят технические возможности. Именно поэтому мы предоставляем месклинитам только то оборудование, которое они заведомо не смогут дублировать, — вроде термоядерных конвертеров или других вещей, которые нельзя разобрать и изучить по деталям без использования пяти уровней промежуточного оборудования. Аргументы Алана звучат довольно-таки неплохо, но это всего лишь отговорка. Вы, как и я, знаете, что можно научить месклинита летать на челноке, автоматизированном в разумной мере, если пульт управления приспособлен к его клешням. И нет на этой станции ни одного ученого, который не отдал бы три кварты своей собственной крови, лишь бы челнок, набитый физическими образцами и инструментами собственного изобретения, начал курсировать между станцией и поверхностью Дхрауна.

— Ну, не совсем так, хотя доля правды в этом есть, — хладнокровно возразил Хоффман. — Я согласен с твоей личной оценкой ксенофобов, Бойд, но факт тот, что благодаря дешевой энергии хороший межзвездный грузовик может окупить затраты на свое строительство за четыре — пять лет, а межзвездная война теперь не кажется такой уж невозможной, как раньше считалось. Кроме того, вы знаете: отсеки на нашей станции не потому такие просторные, что мы страдаем излишней расточительностью, а потому, что они, определенно, предназначены и для других целей. Например, средний дроммианин, обнаружив отсек, в который не смог бы протиснуться, сразу же заподозрил бы, что здесь дело нечисто, что от него намеренно что-то скрывают. У них напрочь отсутствует понятие уединенности, и, по нашим стандартам, большинство из них просто параноики. И если бы с самого начала мы не поделились с ними технологией, мы сами создали бы целую планету высокоразвитых ксенофобов, гораздо более опасных, чем все до сих пор произведенное Землей. Не знаю, отреагировали бы месклиниты подобным же образом, но по-прежнему считаю, что создание Колледжа на Месклине — крупнейший успех нашей политики с тех пор, как первый

дроммианин был допущен к учебе в МТИ.[1] И месклинитам пришлось шантажировать нас, чтобы добиться именно *этого*.

— Удручающая правда, — согласился Мерсерэ. — Но все это имеет лишь побочное значение. Главное же сейчас в том, что мы просто не знаем, что в действительности думает или планирует Барленнан. Тем не менее, будьте уверены, он не согласился бы переправить две тысячи своих парней, включая и самого себя, на почти совершенно неизвестный мир, с высокой степенью вероятности исключительно опасный даже для существ вроде него, не имея на то какой-то очень веской причины.

— Мы сами спровоцировали его, — кивнул Аукойн.

— Да. Мы попытались перещеголять его в искусстве шантажа, — поддержал Хоффман. — Мы согласились продолжать обучение в Колледже на Месклине, несмотря на возражения многих наших сотрудников, если он сделает для нас работу на Дхрауне. При этом с обеих сторон не упоминалось ни о какой материальной компенсации, хотя месклиниты отлично знают о зависимости

---

[1] Примечания: 1
Массачусетский технологический институт.

уровня благосостояния от уровня знаний. Мне бы очень хотелось считать Барленнана идеалистом, но, боюсь, его идеализм прекрасно уживается с шовинизмом. И кто знает, как далеко это может его завести?

И еще одно. Нам не пришлось согласовывать с месклинитами состав оборудования для них. Они беспрекословно согласились с нашим выбором, какие бы не имели на этот счет личные мнения. И что же теперь? Мы можем помочь им лишь информацией о некоторых физических реальностях, которые им незнакомы и с которыми их ученым не справиться самостоятельно, и у нас имеются возможности высокоскоростных вычислений. Вот и все. А там, внизу, одна из исключительно дорогих исследовательских машин оказалась вмерзшей в озеро вместе с сотней живых существ, которые для некоторых из нас представляются лишь придатком к этой машине, но для остальных они прежде всего являются личностями. И если мы хотим изменить нашу политику, надо настоять на том, чтобы Барленнан получил челнок, набитый новой аппаратурой. Но вряд ли это можно назвать нашей насущной проблемой в данный момент, Бойд. Я просто не знаю, что такого послать вниз, чтобы хоть немно-

го помочь Дондрагмеру.

— Наверное, ты прав, Иб, но я не могу не думать о Кервенсере, и насколько лучше было бы, если… — Мерсерэ умолк.

— Помни, он мог прихватить с собой один из передатчиков. У Дондрагмера их три, не считая одного, установленного на командном мостике, и все они — портативные. Решение — брать передатчик или не брать — целиком зависело от самого Кервенсера и его капитана. Давайте пока оставим в стороне все «если» и попытаемся придумать что-нибудь конструктивное, — решительно заявил Хоффман.

Мерсерэ успокоился, хотя и слегка обиделся на Иба за его последнюю фразу. Не отвлекаясь больше на реплики, планировщик снова взял бразды правления в свои руки и, глядя на противоположный край стола, где сидели ученые, сейчас уже притихшие, обратился к ним:

— Итак, доктор Макдевитт, вы пришли к какой-нибудь общей точке зрения относительно того, что там, внизу, произошло?

— Не совсем, но есть одна идея, которую стоит проверить. Как вы знаете, наблюдатель «Квембли» сообщал, что температура почти не изменялась с того момента, как разошелся туман;

никакого источника теплового излучения не было замечено; наблюдалось разве что весьма незначительное потепление. Зато там, где они застряли, барометрическое давление все время росло, хотя и очень медленно. Предыдущие показания — во время движения — нельзя принимать во внимание из-за неопределенности положения, но температура все время была ниже точки замерзания и воды, и жидкого аммиака, однако, пожалуй, выше, чем смеси воды и моногидрата аммиака. Мы все еще не пришли к единому мнению, могло ли первоначальное таяние быть вызвано аммиачным туманом, вступившим в соединение со снегом, по которому двигался «Квембли». Дондрагмер опасался такой возможности; и если это верно, нынешнее замерзание могло произойти из-за испарения аммиака из этой смеси. Нам необходимы данные по аммиачной составляющей…

— Что? — почти одновременно переспросили Хоффман и Аукойн.

— Извините, — спохватился Макдевитт. — Научный сленг. Речь идет о парциальном давлении аммиака в насыщенной водоаммиачной смеси. Нам нужны данные, которые бы либо доказали, либо опровергли эту идею, и, конечно же, мес-

клиниты таких замеров не делали.

— А они могли бы?

— Уверен, мы смогли бы выработать какое-то совместное решение, но не знаю, сколько времени это займет. — Макдевитт на секунду задумался. — Пары воды не должны мешать; равновесное давление смеси значительно ниже, чем чистого аммиака при той же температуре. Работа не должна быть слишком трудной.

— Как я понимаю, это лишь гипотеза, а не подтвержденная теория? Достаточно ли она хороша, чтобы служить в качестве основы для действий? — усомнился Аукойн.

— Все будет зависеть от самих действий.

Аукойн нетерпеливо махнул рукой, и атмосферный физик продолжил:

— По сути, я бы не стал рисковать, не стал бы действовать по принципу «все или ничего». Я бы попытался испробовать все, что угодно, насколько позволят запасы материалов на «Квембли», лишь бы это не привело к новой опасности.

Мерсерэ кивнул, соглашаясь.

— Хорошо, — произнес он. — Тогда, может быть, вы останетесь придумать еще что-нибудь? Или, возможно, стоит обсудить эту идею с кем-то из месклинитов? Вдруг они подкинут что-то по-

лезное?

Макдевитт поджал губы и на мгновение задумался.

— Мы с ними разговариваем довольно часто, но, по-моему, если и удастся придумать что-то стоящее, так только здесь. — Он резко замолчал.

Изи с мужем постарались скрыть усмешки. Аукойн кивнул, казалось, не заметив этого faux pas.[2]

— Ладно, — решил Мерсерэ. — Возвращайтесь назад в секцию связи, и удачи вам. Если кто-то — вы или они — придумает хоть что-нибудь мало-мальски полезное, немедленно сообщите нам.

Четверо ученых, кивнув в знак согласия, вместе покинули конференц-зал. Десятеро оставшихся несколько минут сидели молча, а потом Аукойн выразил вслух то, о чем думали и с чем были согласны все присутствующие, кроме одного.

— Давайте смотреть правде в глаза, — медленно произнес он. — Настоящая баталия начнется тогда, когда мы передадим это сообщение Барленнану.

Иб Хоффман резко выпрямился.

— Вы еще этого не сделали? — бросил он.

---

[2] Примечания: 2
Ошибочный ход (фр.).

— Изи сообщила им о факте вынужденной остановки, и потом мы передали промежуточные доклады о ходе ремонтных работ. Насчет обмерзания мы пока еще ничего не говорили.

— Но почему же?!

Изи явственно распознала сигналы опасности, прозвучавшие в голосе мужа, и подумала, хочется ли ей как-то сгладить надвигающуюся бурю или нет.

— Вы, — напрягся Аукойн, — не хуже меня понимаете — почему. Узнает ли он об этом немедленно, или через десять часов, или от самого Дондрагмера, если тот вернется в Поселок через год, — сейчас не имеет значения. На данный момент Барленнан ничем не может им помочь. Хотя, в принципе, у него есть такая возможность, но нам это не понравилось бы.

— И это… — прозвучал елейный голос Изи. Она уже решила, какую линию поведения выбрать в разговоре.

— Вы и сами хорошо знаете: можно послать на помощь «Квембли» один из двух лэнд-крейсеров, все еще находящихся Поселке. Именно так он и хотел поступить, когда случилась та история с «Эскетом».

— И вы по-прежнему возражаете против это-

го. — Голос Изи звучал утвердительно.

— Конечно, — решительно подтвердил Аукойн. — И по той же самой причине, с которой Барленнан, как вам известно, согласился тогда. И дело не в том, что у нас имеются вполне определенные планы относительно тех двух лэнд-крейсеров, это лишь часть проблемы. Что бы вы ни думали, Изи, я вовсе не считаю чью-либо жизнь маловажным фактором только потому, что речь идет не о человеке. Тем не менее, я действительно возражаю против бесцельной траты времени и ресурсов, потому что изменение политики в самый разгар операции, как правило, приводит и к тому, и к другому.

— Но если вы утверждаете, что жизни месклинитов значат для вас ничуть не меньше, чем жизни людей, то как можно говорить о каких-то тратах?

— Подумайте, Изи, — и вы поймете. Не хочу обидеть вас, но вы игнорируете тот факт, что «Квембли» находится примерно в десяти тысячах миль от Поселка, если измерять по прямой линии или лететь по воздуху, а если взять маршрут, которым они прошли, это составит более тринадцати тысяч миль. Спасательная машина просто не может покрыть это расстояние менее чем за

двести — двести пятьдесят часов. А последние четыреста миль, которые «Квембли» несла река, могут оказаться вообще непроходимыми.

— Но можно дать спасателям общее направление с помощью спутниковых фотоснимков, — не сдавалась Изи.

— Да, несомненно, — согласился Аукойн. — Но факт остается фактом: если только Дондрагмер сам не сможет помочь себе, своей команде и своей машине выбраться из нынешней передряги, что бы ни послал ему Барленнан, это ни в малейшей степени не поможет. Конечно, если над «Квембли» уж нависла неминуемая опасность. Если же нет, если они всего лишь вмерзли в лед, как это случалось в девятнадцатом веке с китобоями на Земле, их система жизнеобеспечения имеет неограниченные ресурсы, позволяющие поддерживать замкнутый цикл, а также у них есть термоядерные конвертеры. Так что мы с Барленнаном можем спланировать хорошенькую, неторопливую спасательную экспедицию.

— Как уже было с «Эскетом» Дестигмета, — с некоторой горечью возразила женщина. — Прошло больше семи месяцев с тех пор, а вы, как тогда, так и теперь, обрываете любые разговоры на эту тему!

— Ну, не сравнивайте! «Эскет» никуда не делся, он все еще находится на своем месте, ничуть не изменившись, как показывают его до сих пор работающие экраны, несмотря на то, что команда куда-то подевалась. У нас нет ни малейшего предположения о том, что произошло с командой, но, поскольку никто из них не вернулся на борт и за все прошедшее время мы никого не видели, просто невозможно поверить, что кто-то из них еще жив. Даже месклиниты, при всех их способностях и физической выносливости, не могут прожить на Дхрауне семь месяцев, не имея в своем распоряжении ничего, кроме своих гермокостюмов.

Изи опустила глаза, не зная что ответить. Если исходить из чистой логики, Аукойн полностью прав, но Изи не верила, что ситуация подчинялась исключительно логике.

Иб, зная, как сейчас чувствовала себя Изи, решил, что снова подоспело время направить беседу в другое русло. Он разделял мнение планировщика до какого-то момента, пока дело касалось основополагающей политики, но также понимал и то, почему его жена не хочет согласиться с доводами Аукойна.

— Сейчас реально, как я себе представляю, — сказал Хоффман, — перед нами стоит та же

проблема, что и перед Доном, поскольку у него снаружи остались матросы. Похоже, оба они оказались подо льдом, насколько я могу судить, но никому не известно, промерзла ли эта каша до самого дна или нет. В любом случае, судя по заданию, которое им полагалось выполнить, они находятся где-то среди тележек «Квембли». Думаю, в такой ситуации подходит обычная поисковая работа с кирками. Но каковы шансы на то, что месклиниты, облаченные в гермокостюмы, смогут перенести такой груз? Правда, температура не будет причинять им беспокойство, хотя она и упала ниже точки замерзания воды, но вдруг им свойственны какие-то иные физиологические ограничения, о которых мы не знаем?

— Кроме того, пропал первый офицер Дона, он запаздывает с возвращением из полета. Тут мы совсем ничем не можем помочь, поскольку он не взял с собой передатчика… хотя… есть еще один вертолет. Обращался ли к нам Дондрагмер за помощью? — Аукойн повернулся ко второму планировщику.

— В последний раз мы разговаривали с ним примерно с полчаса назад, — ответил Мерсерэ.

— Тогда я настоятельно рекомендую, чтобы мы предложили ему отправить на поиски пропавше-

го летчика второй вертолет, — заявил Хоффман.

Аукойн кивнул, соглашаясь, и взглянул на женщину:

— Я бы сказал, что это ваша работа, Изи.

— Да, как если бы меня уже привязали к ней. — Изи встала. Проходя мимо Иба, она незаметно слегка дернула его за ухо и покинула конференц-зал.

— Далее, — продолжил Хоффман. — Признаю, вы можете оказаться правы, возражая против спасательной экспедиции из Поселка. Но, мне кажется, настало время просветить Барленнана насчет ситуации с «Квембли».

— Зачем нам больше неприятностей, чем необходимо? — возразил Аукойн. — Мне вообще не нравится спорить с кем-то, особенно если этот кто-то даже не прислушивается к тому, что я говорю.

— Ну, спорить, может быть, и не придется. Как вы помните, в прошлый раз он согласился с нами, — улыбнулся Хоффман.

— Вы же сами несколько минут назад утверждали, что не знали, насколько искренни были его аргументы.

— Не знал. Но если бы он серьезно был против нас тогда, то сделал бы именно то, что хотел:

послал бы группу на помощь «Эскету». Как вы помните, он так поступал в некоторых других случаях, когда какой-нибудь из крейсеров оказывался в опасности.

— Но все это происходило гораздо ближе к Поселку, и, в конце концов, мы одобрили его действия, — заметил Аукойн.

— Вы знаете ничуть не хуже меня: мы одобрили его действия потому, что у нас не было другого выхода — он в любом случае сделал бы по-своему.

— Мы одобрили его действия, Иб, потому, что ваша жена оба раза вставала на сторону Барленнана и просто переговаривала нас. Ваш аргумент, как ни странно, говорит в пользу того, чтобы не сообщать ему о нынешней ситуации.

— А на чьей стороне была Изи во время спора по «Эскету»? — спросил Хоффман. — Впрочем, это к делу не относится. Я по-прежнему считаю, что мы сразу же должны были сказать Барленнану о нынешней ситуации. Простая честность. Кроме того, чем дольше мы будем замалчивать этот факт, тем более вероятно, что, обнаружив правду, рано или поздно, он сочтет, будто все сообщения от экспедиций, передаваемые ему, мы подвергали цензуре.

— Я бы не назвал это цензурой, — возразил

Аукойн. — Мы не изменили ничего.

— Но вы уже довольно часто задерживали передачу сообщений, решая, что он должен и что не должен знать. И, как уже говорил, я не считаю это игрой, условия которой мы обсудили с ним и на участие в которой он согласился. Прошу извинить меня за щепетильность, но, даже если исходить из чисто меркантильных интересов, нам лучше как можно дольше пользоваться доверием Барленнана.

Присутствующие, до сих пор слушавшие в полном молчании, заговорили, перебивая друг друга, едва только Хоффман произнес эти слова. У Аукойна ушло несколько секунд на то, чтобы вникнуть в смысл их реплик, но, в конце концов, ему стало ясно, что чувства всех на стороне Иба. И председательствующий благопристойно сдался, ему не нравилось выглядеть упрямым как бык.

— Хорошо, мы передадим полный доклад Барленнану сразу, как только разойдемся. — Он бросил взгляд на победителя. — Правда, если миссис Хоффман уже не отправила его. Что там у нас дальше?

Один из присутствующих, до этого момента ничего не предпринимавший, а только слушавший, задал вопрос:

— Прошу простить меня, если я что-нибудь неправильно истолковал в вашей беседе за последние несколько минут. Иб, и вы, и Алан утверждаете, что Барленнан согласился, как предлагали земляне, свести к минимуму количество сложного оборудования в его экспедиции. Я тоже так думал. Но вы, Иб, только что выразили сомнения насчет искренности Барленнана в этом вопросе. Проистекают ли ваши сомнения из того, что он согласился взять с собой вертолеты?

Хоффман покачал головой.

— Нет. Мы привели очень веские аргументы, доказывая необходимость вертолетов, хотя меня и удивило, что Барленнан, не сопротивляясь, взял их без всякого спора.

— Но месклиниты ведь по природе своей агорафобы. Сама мысль о полете должна быть для них чудовищной.

Иб угрюмо улыбнулся.

— Правда. Но вы знаете, что сделал Барленнан после заключения договора с руководством экспедиции «Тяготение»? Первое, чем он занялся, едва изучив основы науки, это разработка, строительство и полет — на Месклине, в полярной зоне, где тяготение максимальное, — воздушного шара с подогревателем. Что бы ни двигало Бар-

леннаном, это не агорафобия. Я сомневаюсь не в нем, а в его образе мышления, прошу прощения за неуклюжий каламбур.

— Я согласен, — подытожил Аукойн. — И, по-моему, мы уже иссякли. Давайте прервемся часов, скажем, на шесть. Пусть каждый поразмыслит. Желающие могут спуститься в отсек связи и послушать разговоры или сами поговорить с месклинитами. Тема одна — все, что касается Дхрауна. Мои идеи на этот счет вам известны.

— Совершенно верно. — Это был человек, задавший вопрос. — Я все продолжаю гадать насчет того, что случилось с «Эскетом». И каждый раз, когда один из крейсеров попадает в затруднительное положение, даже если это вызвано бесспорно естественными препятствиями, «Эскет» опять приходит мне на ум.

— Так же, как и всем нам, по-моему, — подхватил Аукойн.

— Чем больше я думаю об этом, тем больше я чувствую, что команда «Эскета», должно быть, наткнулась на разумных противников. Ведь известно, что на Дхрауне есть жизнь помимо мха и псевдоводорослей, найденных месклинитами. Даже мох и водоросли не могли бы зародиться, а тем более развиваться в этой атмосфере. Скорее

всего, где-то должен существовать более сложный экологический комплекс — я бы предположил, что в районах с более высокой температурой.

— Например, в Нижней Альфе, — закончил за него мысль Хоффман. — Действительно, разве могут в одной среде долго просуществовать аммиак и несвязанный кислород, если иметь в виду планетные масштабы? Так что я вполне верю в возможность обитания здесь разумных существ. Пусть мы не заметили никаких признаков их деятельности из космоса, пусть с ними не столкнулись экспедиции месклинитов, если только на них не наткнулся «Эскет», но семнадцать миллиардов квадратных миль поверхности планеты служат тому хорошим оправданием. Идея кажется мне вполне вероятной, и вы — не первый, кому она пришла в голову, но я не знаю, чем она может нам помочь. Барленнан тоже думал об этом, как говорила Изи, и прикидывал, не послать ли другой крейсер в место исчезновения «Эскета», специально для поисков и контактов с любыми разумными существами, если они там найдутся. Но даже Барленнан усомнился в целесообразности такого предприятия. И, естественно, мы не настаивали.

— А почему? — вмешался Мерсерэ. — Если бы

мы смогли вступить в контакт с аборигенами, как в свое время произошло на Месклине, проект действительно сдвинулся бы с мертвой точки! Нам бы не пришлось полностью зависеть только от… О…

Аукойн угрюмо улыбнулся.

— Именно, — произнес он. — Наконец-то вы *обнаружили* вескую причину, чтобы гадать насчет честности Барленнана. Я не утверждаю, что он бессердечный политик, готовый пожертвовать жизнями своих сородичей только ради того, чтобы сохранить под своим контролем все операции на Дхрауне, — команду «Эскета», бесспорно, уже невозможно было спасти, когда он, в конце концов, согласился с тем, что не стоит посылать «Каллифф» в том же направлении.

— Но, тем не менее, есть еще один момент, — задумчиво произнес Хоффман.

— Какой же?

— Не знаю, стоит ли здесь говорить об этом, поскольку все равно доказательств нет и не будет, но дело в том, что крейсером «Квембли» командует Дондрагмер — давний соратник Барленнана, по человеческим понятиям они должны быть близкими друзьями. Есть ли какая-то вероятность, что ситуация затрагивает лично самого

Барла и что это окажет воздействие на его рассуждения по поводу спасательной экспедиции или даже заставит *приказать* нам послать спасателей, несмотря на взвешенные аргументы? Как и вы, я не думаю, что эта гусеница — всего лишь административная машина. Его хладнокровие — исключительно физиологический фактор.

— Мне тоже приходило это в голову, — признался главный планировщик Аукойн. — Когда, много месяцев тому назад, он позволил Дондрагмеру отправиться в экспедицию, я удивился. У меня создалось впечатление, что ему очень не хотелось вынуждать Дона испытывать судьбу. Но тогда я не слишком над этим задумался: никто ничего не знает о психологии месклинитов вообще и Барленнана в частности, — так что стоит ли принимать во внимание смутные ощущения при серьезном планировании? Если кто в этом и разбирается, Иб, то только ваша жена, а она не может или не хочет выразить словами то, что понимает в месклинитах. Как вы сами сказали, мы не можем взвешенно оценить вероятность влияния дружеских отношений. Мы можем лишь пополнить список наших вопросов. Давайте выслушаем соображения насчет членов команды, которые, предположительно, оказа-

лись вмерзшими в лед под «Квембли», и на этом действительно закончим.

— С помощью термоядерного конвертера можно было бы нагревать катушечные сопротивления, такие сопротивления не так уж сложно изготовить, — сказал Мерсерэ. — Нагреватели — не слишком ненужное оборудование на Дхрауне, если уж на то пошло. Если только…

— Но мы не сделали этого, — прервал его Аукойн.

— Нет, сделали, если позволите мне закончить. На «Квембли» столько конвертеров, что их хватит, чтобы поднять корабль с планеты и вывести на орбиту, если только их энергию удастся направить на такое дело. На борту наверняка найдется какой-нибудь металл, который можно использовать для изготовления резисторов кустарным способом. Но смогут ли месклиниты управляться с подобными приборами, я не знаю. Должен же быть какой-то предел даже для их приспособляемости к разнице температур! По крайней мере, в нашей власти спросить их об этом.

— Вы допускаете ошибку. Мне известно, что на борту лэнд-крейсеров исключительно мало металла: нет ни лишнего оборудования, ни запасов металлических материалов. И я бы весьма

удивился, окажись месклинитские тросы проводниками. Я не химик, но все, столь прочное и плотное, как этот материал, должно иметь электроны, хорошенько закрепленные на своих местах. Тем не менее, конечно же, свяжитесь и обсудите этот вопрос с Дондрагмером. Вероятно, Изи все еще в отсеке связи; она поможет вам, если окажется, что дежурный месклинит не силен в филологии. Все. На этом закончим.

Мерсерэ кивнул, уже направляясь к двери. Аукойн проследовал вслед за ним в ту же дверь. Остальные разошлись кто куда. Только Хоффман остался сидеть за столом.

Его взгляд был бесцельно устремлен в пространство, лицо оставалось нахмуренным, и сейчас он выглядел старше своих сорока лет.

Ему нравился Барленнан. Еще больше ему нравился Дондрагмер, как и его жене. Он не имел ни малейших оснований жаловаться на проволочки с исследованиями Дхрауна, тем более, что нынешнюю политику он сам помогал создавать, в отличие от остальных планировщиков. Кроме той уловки полувековой давности, не существовало никакой конкретной причины не доверять руководителю месклинитов. Нет никаких видимых оснований считать, что он хочет держать

гипотетических аборигенов Дхрауна в своих руках. Нет никаких доказательств. Определенно, нет. Кроме того, если бы он решил взвалить ответственность за исследовательский проект на Дхрауне на подобных существ, даже если бы они и существовали, это вызвало бы еще больше задержек и осложнений, что конечно же, Барленнан должен понимать.

Случайные разногласия между месклинитами и людьми были весьма редки и незначительны, не то что при сотрудничестве с такой расой, как дроммиане. Вот с теми месклиниты сталкивались бы вдесятеро чаще. Нет, не видно пока никакой причины предполагать, что месклиниты уже начали реализовывать свои собственные, независимые планы.

И все же Барленнан не хотел брать с собой вертолеты, хотя, в конце концов, его убедили их взять. Это был все тот же Барленнан, построивший воздушный шар с подогревом в качестве своего первого упражнения в прикладной науке.

Он не послал спасательную группу на помощь «Эскету», хотя все гигантские лэнд-крейсеры были на счету, одинаково необходимые для проекта. Не послал, и несмотря на тот факт, что около сотни его соратников находилось на борту.

Он отказался от радиопередатчиков для связи на коротких дистанциях, несмотря на всю их очевидную полезность. Аргументы, которые он выдвинул против них, принадлежали к тому типу, который мог бы использовать в классе твердолобый учитель, но речь то шла о реальной жизни — смертоносно искренней.

Пятьдесят лет назад он не только воспользовался шансом приобрести чужие знания, но намерение сделал так, чтобы заставить своих не-месклинитских партнеров предоставить эти знания ему.

Иб Хоффман никак не мог избавиться от ощущения, что Барленнан опять исподтишка что-то замышляет.

Ему лишь хотелось знать, что на этот счет думает Изи.

7. Обледеневший корабль

Битчермарлф и Такуурч, как и вся команда «Квембли», оказались застигнутыми врасплох, когда озеро неожиданно замерзло.

В течение нескольких часов у них не было времени оглядываться по сторонам, все их внимание было приковано к переплетениям тончайших нитей — сложнейшей системе рулевого управления, гораздо более сложной, чем, скажем, на земном клипере.

Оба в точности знали, что именно надо сделать, поэтому у них не было надобности в разговорах. Но даже когда их глаза и отвлекались от работы, они все равно мало что видели: месклиниты находились под огромным корпусом своего корабля, днище которого опиралось на огромный пневматический матрац-демпфер, распределяющий вес судна равномерно на все тележки. Окруженные этими тележками, погруженные в темень Дхраунской ночи, поглощающей мир вне поля действия их портативных прожекторов, они, как и матросы внутри «Квембли», не заметили, что крошечные кристаллы начали формироваться

на поверхности озера и оседать на дно, сверкая в свете прожекторов «Квембли».

Рулевые, подсоединив канаты по левому борту на всем протяжении от кормы до носа, в первом ряду тележек, теперь перешли ко второму ряду и, двигаясь вперед, вдруг обнаружили, что попали в ловушку.

Свет батареи Такуурча немного ослабел, и месклинит решил вернуться для подзарядки к ближайшему термоядерному конвертеру, установленному на одной из тележек первого ряда. Каково же было его удивление, когда он обнаружил, что не может не только подобраться к конвертеру, но даже и тележку не видит. После нескольких безуспешных попыток разобраться в происходящем он позвал Битчермарлфа. У них ушло почти десять минут на то, чтобы установить следующий факт: они оказались полностью окружены матовой белой стеной, не поддающейся даже их силе. Она сплавила воедино все внешние тележки, заполнив все пространство между ними от демпфера наверху до камней внизу — примерно фута на три в высоту. Внутри стены они пока еще имели свободу передвижения.

Их инструменты не были приспособлены к тому, чтобы вгрызаться в лед, да и просто были

слишком малы, хотя Битчермарлф и Такуурч затратили почти целый час на долбление, прежде чем оба в этом убедились. Ни один, ни другой особенно не беспокоились: совершенно очевидно, что лед обездвижил «Квембли», и команде придется раскалывать его и пробиваться вглубь, к ним, хотя бы ради того, чтобы освободить машины, если и не ради спасения рулевых. Конечно же, запас необходимого для дыхания водорода был ограничен, но для них это значило меньше, чем соответствующая нехватка кислорода для человека. По крайней мере, они располагали еще где-то десятью-двенадцатью часами полной активности, и когда парциальное давление водорода опустится ниже определенной отметки, они просто потеряют сознание. Биохимические процессы в их телах будут замедляться все больше и больше, но должно пройти не менее полутора сотен часов, прежде чем случится что-то необратимое. Одна из причин месклинитской стойкости, хотя этого до сих пор не смогли обнаружить люди-биологи, заключалась в поразительной простоте и устойчивости их обмена веществ.

Итак, оба чувствовали себя совершенно спокойно и вернулись к своей работе. Они уже заканчивали проверять тележку второго ряда,

когда совершили еще одно открытие. И оно их весьма обеспокоило.

Лед медленно полз вперед. Он надвигался неспешно, но неотступно. Так получилось, что никто из них не знал — во всяком случае, ничуть не лучше, чем Иб Хоффман, — что может стать с живым существом, вмороженным в блок льда, и какой от этого будет эффект. Но ни тот, ни другой не имели ни малейшего желания проверить это на себе.

По крайней мере, пока было светло. Не все из энергоблоков оказались отрезанными стеной льда, и Такуурч подзарядил свой прожектор. Это позволило им еще раз, но весьма осторожно, осмотреть границы их тюрьмы. Битчермарлф надеялся найти лазейку — хоть тоненький слой жидкости у самого дна или, что предпочтительнее, у самого верха окружающих их стен. Он не знал, началось ли замерзание сверху или со дна озера. Он не знал, как было бы известно любому оказавшемуся на его месте человеку, что лед плавает на воде. В общем-то, оно и к лучшему, ибо такое знание могло привести его к ошибочному выводу в данном случае. Кристаллы действительно начали формироваться наверху, но они были плотнее, чем окружающая их жидкость, и

опускались, растворяясь лишь тогда, когда достигали слоев, более насыщенных аммиаком. В результате этого псевдоконвекционного эффекта вся жидкость в озере постепенно лишалась аммиака, пока его концентрация в смеси не достигла критической точки, после чего наступило почти полное повсеместное замерзание. И, в конце концов, поиск не дал никаких результатов.

Какое-то время оба просто лежали меж двух тележек, наблюдая за прогрессирующим промерзанием. У них не было с собой приборов, измеряющих время, а потому скорость процесса оставалась для них величиной неизвестной. Такуурч предположил, что он замедляется, Битчермарлф не испытывал такой уверенности.

Иногда одному из них приходила в голову какая-нибудь идея, но другой немедленно находил в ней изъян.

— Можно попробовать сдвинуть некоторые из этих камней — те, что поменьше, — высказал очередную идею Такуурч. — Почему бы не попытаться прорыть ход подо льдом?

— И куда же? — возразил его товарищ. — Ближайший край озера находится в сорока — пятидесяти кабельтовых, по крайней мере, так мне показалось. Нам не пробиться так далеко через

все эти камни, прежде у нас кончится водород для дыхания, даже если предположить, что жидкость, находящаяся внизу, между камней, почему-то не замерзла.

Такуурч жестом признал справедливость сказанного, и снова воцарилась тишина, а лед продолжать надвигаться.

Следующая конструктивная мысль посетила Битчермарлфа.

— Наши прожекторы должны давать сколько-то тепла, даже если мы и не чувствуем его через гермокостюмы! — неожиданно воскликнул он. — Так почему бы с их помощью не растопить лед вокруг нас, а может, даже удастся проплавить путь наружу?

— Стоит попробовать, — прозвучал лаконичный ответ Такуурча.

Они вместе приблизились к ледяному барьеру. Битчермарлф соорудил на дне маленькую горку из камней, у самой стены льда, и установил на ней оба прожектора, включив их на полную мощность. Затем месклиниты, придвинувшись поближе и приподняв передние части своих тел, оперлись на каменную насыпь и погрузились в ожидание, наблюдая за пространством между лампами и льдом.

— Если подумать, — заметил Такуурч спустя некоторое время, — наши тела тоже отдают какое-то количество тепла, верно? Так что не должно ли само наше пребывание здесь помогать таянию этой штуки?

— Возможно, — неопределенно ответил Битчермарлф. — Но лучше всего понаблюдать и за тем, что творится вокруг. Как бы все не замерзло по сторонам и позади, пока мы ждем здесь.

— А какое это имеет значение? Если у нас тут начнет таять, значит, тепла наших тел и наших прожекторов достаточно, чтобы бороться с замерзанием, и мы будем проплавлять себе путь наружу.

— Правда. Но все же посматривай. Не лишне знать, что тут происходит.

Такуурч жестом выразил согласие. Они снова замолчали.

Хотя и старший по возрасту, Такуурч был не из тех, кто долго может сносить молчание. Не выдержав, он выразил вслух еще одну идею:

— Я знаю, наши ножи льду нипочем, но не помогут ли они, если поскрести ими прямо здесь, где свет ближе всего?

Он отстегнул один из своих ножей, которые матросы всегда носили при себе на всякий слу-

чай, и потянулся к ледяной стене.

— Подожди-ка минуту! — воскликнул Битчермарлф. — Если ты начнешь здесь работать, как же мы узнаем, произвело ли тепло какой-то эффект?

— Если мой нож позволит нам куда-нибудь выбраться, то какой смысл рассуждать, из-за чего это произошло — из-за тепла или из-за работы? — вопросом на вопрос ответил Такуурч.

Битчермарлф, не найдя подходящего ответа, успокоился, хотя и пробормотал что-то насчет «контролируемых экспериментов», и Такуурч принялся за работу своим крошечным ножом.

Увы, его вмешательство не повлияло на эксперимент, хотя, быть может, слегка и задержало появление зримых результатов. Тепла тел, тепла прожекторов и ножа — всего вместе оказалось недостаточно: лед продолжал наступать. Наконец им пришлось снять прожекторы с каменной горки и отступить, наблюдая, как она медленно поглощается кристаллической стеной.

— Похоже, ожидание не будет долгим, — заметил Такуурч, посветив своим прожектором вокруг. — Остались свободными только два энергоблока. Не подзарядить ли еще разок наши прожекторы, прежде чем конвертеры станут недоступны? Или уже все равно?

— Почему же, давай подзарядим! — ответил Битчермарлф. — Жаль, что только это мы и в состоянии извлечь из всей мощи корабля. Четыре такие штуки могли бы двигать «Квембли» по ровной поверхности, а однажды мне довелось услышать от кого-то из людей, что и одной хватит, если сцепление с поверхностью будет хорошим. Они, конечно же, разбили бы лед для нас, если бы мы сумели использовать энергию, заключенную в них…

— Снять-то энергоблок мы с тобой сможем, но вот что делать дальше — ума не приложу. Эти блоки способны вырабатывать электрический ток, но не вижу, каким образом разряды будут раскалывать лед. А механическая тяга, которую можно отсоединить от блока, действует только на вал моторов.

— Скорее всего, мы сами погибнем от электрошока, если попробуем использовать ток. Я не очень-то много знаю об электричестве, в основном я занимался обычной механикой за то недолгое время, что учился в Колледже, но хорошо знаю: оно может убить. Подумай о чем-нибудь еще.

Такуурч приложил максимум усилий, чтобы выполнить эту просьбу. Как и его более моло-

дой товарищ, он лишь короткое время изучал науки чужаков; оба сами изъявили готовность участвовать в Дхраунском проекте, связав свою судьбу с ним, а не с дальнейшей учебой в своем родном мире. Их познания в общей физике были примерно такими, как у Бенджа или Хоффмана в возрасте около десяти-одиннадцати лет.

И неудивительно, что оба месклинита начали терять уверенность, едва дело выходило за рамки, позволяющие быстро соорудить видимую модель. Тем не менее, нельзя сказать, что они не обладали способностью к абстрактному мышлению. Оба они слышали о тепле как о низшей форме проявления энергии, хотя и не могли представить себе броуновское движение частиц.

Битчермарлф первым подумал еще об одном эффекте электричества.

— Так! Помнишь объяснения, которые нам давали перед стартом? Помнишь вопрос: что будет, если на тележки подавать слишком большое количество энергии еще до приведения крейсера в движение? Люди сказали, что в этом случае возможен обрыв тросов или повреждение моторов.

— Совершенно верно. Четверть нагрузки — предел при скорости ниже ста кабельтовых в час.

— Слушай дальше. У нас есть возможность

добраться до ручек управления, и моторы, конечно же, не включатся на вращение. Так почему бы просто не подать энергию на тележки и не позволить мотору нагреваться, как ему заблагорассудится?

— А почему ты думаешь, что он будет нагреваться? Ты ведь не знаешь, что заставляет моторы работать, и я не знаю. Люди не говорили, что такие действия вызовут разогрев моторов, они только говорили, что для моторов такие действия вредны.

— Верно, но что еще может с ними произойти? Ты же знаешь, что любой вид энергии, который не используется каким-либо иным способом, переходит в тепло.

— Почему-то мне это не кажется правдоподобным, — возразил более пожилой матрос. — И все-таки давай испробуем все, что кажется нам хоть мало-мальски стоящим. Люди ничего не говорили и о том, повлияет ли повреждение мотора на корабль. Если что-то случится, вряд ли наше положение ухудшится — куда уж дальше?

Битчермарлф задумался. Мысль, что «Квембли» подвергнется опасности, не приходила ему в голову. Чем больше он думал над этим, тем меньше чувствовал себя вправе идти на такой риск. Он

взглянул на энергоблок, легко уместившийся между тросами на ближайшей тележке, и удивился, как вообще такая крошечная вещь может представлять опасность для огромного корпуса над ними. Но потом вспомнил колоссальные размеры машины, доставившей их экспедицию на Дхраун, и понял, что с таким видом энергии, которая позволяет перебрасывать огромные тяжести через все небо, нельзя обращаться небрежно.

Он никогда бы не испугался *использовать* подобные двигатели, потому что имел возможность хорошо освоить управление ими, но намеренное *неправильное* использование могучей силы — это совсем другое дело.

— Ты прав, — нехотя признал Битчермарлф, понимая желание Такуурча воспользоваться представившейся возможностью. — Но мы поступим немного иначе. Послушай, если гусеницы тележек будут свободно проворачиваться, тогда мы не повредим ни мотор, ни энергоблок, и простое размешивание воды нагреет ее.

— Ты думаешь? Помнится, я слышал что-то подобное, но если я не могу расколоть этот лед с помощью собственной силы, то как же с ним справиться путем простого перемешивания воды? Кроме того, тележки не свободны, они находятся

в самом низу, да еще на них давит «Квембли».

— Правильно. Ты хотел копать. Давай начнем перетаскивать камни, а то лед придвигается все ближе.

Битчермарлф, подав пример, начал извлекать скругленные булыжники из-под гусениц. Это оказалось трудным делом даже для месклинитских мышц. Несмотря на скругленность, камни были плотно подогнаны друг к другу. Более того, когда очередной камень удавалось извлечь, вокруг оставалось все меньше места, куда можно было его положить, а до камней под самыми гусеницами, которые действительно помешали бы вращению, оказалось невозможно дотянуться: мешали те, что находились с краев и еще не были убраны.

Оба месклинита яростно работали, чтобы расчистить хоть немного места вокруг тележки, но их пугало, как много времени пришлось на это затратить.

Когда расчищенная ими вдоль тележки канава оказалась достаточно глубокой, они принялись за камни, лежащие под гусеницами, и эта задача оказалась еще более трудной.

«Квембли» имел массу примерно двести тонн. На Дхрауне это означало, что вес в шестнадцать

миллионов фунтов необходимо распределить между пятьюдесятью шестью тележками. Матрац-демпфер хорошо исполнял работу по распределению веса, но триста тысяч фунтов здесь, на Дхрауне, — слишком много для месклинита, чей вес даже на полюсе Месклина чуть больше трехсот. Это слишком много и для примерно восьми квадратных футов площади поверхности гусеницы. И если бы условия на Дхрауне не способствовали уплотнению материалов, «Квембли» и другие крейсеры, наверное, завязли бы по самые свои демпферы раньше, чем успели проехать хотя бы ярд.

Другими словами, камни под гусеницами были зажаты намертво. Что бы ни делали матросы, на какие ухищрения ни шли, ни один из камней не сдвинулся вообще. У рулевых не было ничего, что годилось в качестве рычага; их запасы канатов были бесполезны без блоков; их мышцы без помощи оборудования, к сожалению, не годились для выполнения этой работы — ситуация, месклинитам менее знакомая, чем другим расам, уже оставившим позади эпоху технической революции.

Тем не менее, наступающий лед стимулировал мысли. Он мог бы, конечно, стимулировать и па-

нику, но ни один из матросов не был подвержен этой форме распада личности. И снова именно Битчермарлф оказался впереди.

— Так, выбирайся из-под тележки. Мы сдвинем эти булыжники! Давай вперед; они будут выходить с другой стороны. — Молодой матрос произнес эти слова, взбираясь на тележку.

И Такуурч сразу же понял идею. Он исчез за следующей, находящейся впереди тележкой, не произнеся ни слова.

Битчермарлф растянулся вдоль основной коробки двигателя между гусеницами. На этом пространстве шириной в фут под ним и чуть впереди располагалось углубление, в котором находился энергоблок — конвертер. Он представлял собой предмет прямоугольной формы, того же размера, что и коммуникаторы. Из его поверхности выступали снабженные кольцами контрольные рычаги. Управляющие ячейки в боковых стенках имели крошечные выступы по краям.

Тросы дистанционного управления с мостика были протянуты через некоторые из ячеек и подсоединены к кольцам, однако рулевой проигнорировал их. Он мало что мог разглядеть, поскольку свет прожекторов концентрировался

на поверхности в нескольких футах от него и верхняя часть тележки находилась в тени, но он сейчас не нуждался в зрении. Даже одетый в гермокостюм, он мог управиться с рычагами на ощупь.

Осторожно сдвинув главный рычаг управления реактором в положение «Работа», Битчермарлф затем, еще осторожнее, включил двигатели. Мгновенно последовала реакция: гусеницы по обе стороны от него стали перемещаться вперед, и звяканье маленьких твердых предметов о каждую из них на какое-то мгновение стало слышно. Затем шум прекратился, и гусеницы стали ускорять свой ход. Битчермарлф мгновенно отключил подачу энергии и сполз с тележки, чтобы посмотреть, что произошло.

План сработал точно так же, как срабатывает компьютерная программа, в которую вкралась логическая ошибка: на выходе имеется ответ, однако не тот, которого ожидали. Как и планировал рулевой, гусеницы откинули назад камни, находящиеся под ними, но он забыл воздействие пневматического демпфера, нависающего сверху.

Тележка провисла под собственным весом, а сверху, проседая вслед за тележкой, на нее давил

матрац-демпфер — до тех пор, пока гусеницы не уперлись в дно. Посмотрев вверх, Битчермарлф увидел в матраце похожую на шишку выпуклость — там, где вся двигательная установка опустилась примерно на четыре дюйма.

Из своего убежища появился Такуурч и, оценив ситуацию, ничего не сказал: говорить было не о чем.

Ни один из них не знал, какую нагрузку способен выдержать матрац и на сколько дюймов можно еще опустить тележку, чтобы она повисла без опоры, хотя оба изучили все детали конструкции «Квембли». Матрац-демпфер представлял собой не единый газовый мешок, но был разделен на тридцать отдельных ячеек, каждая из которых приходилась на две тележки, соединенные в тандем. Рулевые знали все тонкости соединения — оба провели немало времени, ремонтируя системы, но даже после недавнего осмотра днища «Квембли», когда почти все тележки были разгружены от веса корабля, они оставались в глубоких сомнениях относительно того, как сильно тележка могла опуститься под собственной тяжестью.

— Что ж, вернемся к выковыриванию камней, — заметил Такуурч, засовывая свои клешни под булыжник. — Будем надеяться, теперь эти

камни расшатаны, иначе к ним все равно можно будет подобраться только с краев.

— На эту работу у нас не хватит времени. Лед по-прежнему наступает. Возможно, придется опустить гусеницы на целую длину тела, прежде чем они смогут вращаться свободно. Оставь тележки в покое. Так. Пора испробовать что-то другое.

— Я только хотел бы знать, что именно.

И Битчермарлф показал ему. Прихватив на этот раз с собой фонарь, он снова забрался на тележку. Озадаченный Такуурч последовал за ним. Молодой матрос, поднявшись, выпрямился вдоль колонны, поддерживающей тележку, и атаковал матрац-демпфер своим ножом.

— Но ведь нельзя причинять кораблю повреждения! — возразил Такуурч.

— Позже исправим. Мне это нравится ничуть не больше, чем тебе, и я с удовольствием выпустил бы воздух с помощью нормального выходного клапана, если бы мы только могли до него добраться. Но мы не можем. И если в самое ближайшее время не снять нагрузку с этой тележки, вообще уже ничего не придется делать. — Произнося эти слова, Битчермарлф продолжал действовать ножом.

Это оказалось не легче, чем извлекать камни.

Материал матраца-демпфера был исключительно толстым и прочным: чтобы поддерживать «Квембли», ему приходилось выдерживать высокое внутреннее давление — более ста фунтов на квадратный дюйм.

Одним из неудобств долгого пути являлась необходимость накачки вручную ячеек или стравливания, также вручную, избыточного давления, так как перепады высот поверхности, по которой они путешествовали, изменялись более чем на несколько футов. В данный момент матрац был слегка плоским, поскольку после их стремительного спуска вместе с потоком до подкачки дело не дошло, но внутреннее давление и сейчас было достаточно большим.

Снова и снова Битчермарлф бил ножом в одну точку натянутой поверхности. И каждый раз нож погружался чуть глубже. Такуурч, согласившись наконец с необходимостью этих действий, присоединился к товарищу. Оба ножа, не мешая друг другу, замелькали, ударяя попеременно, в ритме, слишком быстром, чтобы за ним способен был уследить человеческий глаз. Окажись человек свидетелем, если такое можно представить, он ждал бы, что они вот-вот отсекут друг другу клешни.

И все рано прошло немало минут, прежде чем они пробили оболочку. Первым признаком успеха стал тоненький ручеек пузырьков, распространяющихся во всех направлениях вверх вдоль изгиба выпирающей ячейки матраца. Еще несколько ударов — и крестообразная дыра размером с фут начала извергать дхраунский воздух, так что хлынувший поток пузырей скрыл дыру. Пленники прекратили свои усилия.

Медленно, но заметно натянутая ткань опадала. Пузыри теперь струились более медленно вдоль ее поверхности, собираясь наверху около ледяной стены. Какое-то время Битчермарлф думал, что ткань станет совершенно плоской, но тележка этому мешала. Центр ячейки, то есть точка, к которой была подсоединена тележка (ни один из них не знал, где именно проходят границы ячейки), стремился вниз, оттягиваемый тележкой.

— Я снова запущу двигатель, и посмотрим, что произойдет, — сказал Битчермарлф. — Переберись на минуту за переднюю тележку.

Такуурч повиновался. Младший рулевой намеренно засунул несколько булыжников под гусеницы, снова забрался на тележку и устроился на ней поудобнее. На этот раз он прихватил с

собой фонарь, для того чтобы видеть, как и куда сдвинется тележка. Взглянув на место присоединения в нескольких дюймах над ним, он вновь запустил двигатель.

Булыжники создавали некоторое трение; ткань сморщилась, и вращающаяся колонна слегка накренилась, поскольку тележка устремилась вперед. Колонна уходила в верхнюю ячейку, нетронутую и недоступную, и это предотвращало увеличение наклона.

Естественно, тележки не могли соприкоснуться друг с другом, но тенденция была заметна. И когда поступательное движение работающей тележки достигло предела, гусеницы продолжали двигаться, но на этот раз они двигались не свободно. Вибрации указывали на то, что теперь гусеницы скользили по камням, и спустя несколько секунд Битчермарлф ощутил движение струящейся, завихряющейся воды даже через гермокостюм.

Он начал спускаться вниз по тележке и чуть не попал под одну из гусениц. Лишь чудом ему удалось торопливым рывком дотянуться до ручки управления и остановить мотор, а потом несколько секунд он приходил в себя: даже его эластичному телу едва ли удалось бы перенести путешествие между гусеницами и камнями. Са-

мое малое — был бы поврежден гермокостюм.

Переведя дыхание, Битчермарлф неспешно, очень осторожно проверил управляющие тросы, ведущие от реактора к верхним блокам, расположенным вдоль днища демпфера, и проследил за ними глазами до точки над передней тележкой, куда он мог бы дотянуться. Несколькими секундами позже он очутился на той тележке, снова запустил мотор, теперь уже с безопасного расстояния, и мысленно выругал себя за то, что не сообразил поступить подобным образом с самого начала.

Такуурч, появившийся рядом, заметил:

— Что ж, скоро мы узнаем, приведет ли перемешивание воды к ее нагреванию.

— Обязательно, — заверил Битчермарлф. — Кроме того, на этот раз гусеницы трутся о камни на дне, а не разбрасывают их в стороны. Ты сколько угодно можешь не верить, что при перемешивании выделяется тепло, но наверняка должен знать, что оно выделяется при трении. Наблюдай за льдом и сообщи мне, если по соседству станет слишком жарко. Я установил минимальную подачу энергии, но все равно это довольно много.

Такуурч направился к месту, откуда, по его

мнению, будет видно, если во льду в результате таяния образуется пещера. Настроенный довольно пессимистически, он уселся и стал ждать. Течение было не слишком сильным, но, поскольку у него не было груза, он, опасаясь, как бы его не унесло, прикрепил себя к паре камней среднего размера и перестал волноваться, что попадет под гусеницы.

Он до сих пор не понимал, как может простое перемешивание нагреть воду, но замечание Битчермарлфа насчет трения его утешило.

Кроме того, хотя ничто не вынудило бы его признаться, он в значительно большей степени полагался на мнение молодого матроса, чем на свое собственное, и потому, успокоившись, в полной уверенности ожидал, что скоро лед начнет поддаваться.

Он не был разочарован. Минут пять спустя ему показалось, что между ним и ледяным барьером стала видна большая часть каменистого дна. Через десять минут он был в этом уверен, и трубный звук радости возвестил Битчермарлфу о данном факте.

Битчермарлф, услышав призыв, рискнул оставить управляющие тросы без надзора, чтобы самому убедиться. Лед отступал. Немедленно он

принялся строить планы:

— Отлично, Так. Надо скорее запускать другие тележки! Как только они оттают и мы сможем добраться до их рычагов управления, так и начнем. Нам, похоже удастся освободить «Квембли» от этой штуки, да и себя тоже.

Такуурч задал вопрос:

— Ты собираешься продырявить все ячейки, расположенные над тележками с энергоблоками? — спросил Такуурч. — Но тогда треть демпфера, лишенная воздуха, выйдет из строя.

Битчермарлф слегка смешался.

— Да, я как-то позабыл. Нет, пожалуй, тележки понадобятся, но… Нет, это нехорошо. Давай-ка подумаем. Можно попробовать добраться до другого оттаявшего энергоблока, мы установим его на другую тележку испорченной ячейки — той, которую мы прокололи. Таким образом, тепла будет вдвое больше. А что потом — я не знаю. Попробовать выкапывать камни из-под других тележек? Нет, бесполезно… В общем, не знаю. Что ж, так или иначе, в наших силах включить еще один двигатель. Быть может, этого хватит.

— Будем надеяться, — с сомнением в голосе произнес Такуурч.

Неуверенность молодого матроса разочаровала

его, и туманный план, предложенный Битчермарлфом, не вселял надежды, но и сам он не мог предположить ничего лучшего.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Мне лучше вернуться назад и присмотреть за тросами, хотя, думаю, с ними все будет в порядке, — сказал Битчермарлф. — А ты продолжи проверку края ледяной стены и займись другим конвертером, как только он окажется размороженным. Мы установим его в эту тележку, — он показал на другую тележку, прикрепленную к ячейке, из которой выпустили воздух, — и запустим ее как можно скорее. Понятно?

Такуурч, жестом выразив согласие, приступил к осмотру ледяного барьера, а Битчермарлф вернулся к управляющим тросам и замер в ожидании.

Тем временем Такуурч проделал несколько кругов вдоль ледяной границы, их окружающей, с удовольствием наблюдая, как лед отступает во всех направлениях, но он заметил, что процесс, по мере увеличения свободного пространства, стал замедляться. Это его не слишком удивило, но немного обеспокоило. Наконец он определил, какой из замороженных энергоблоков окажется освобожденным в первую очередь, и устроился

поблизости от него.

Его ощущения и эмоции, так же как и его спутника, ожидающего у рычагов управления, не поддаются описанию на языке людей. Он не проявлял ни нетерпения, ни покорности в человеческом понимании. Он просто знал, что ожидания не избежать, и воспринимал это без всяких эмоций. Будучи вполне разумным и даже обладая хорошим воображением, как по человеческим, так и по месклинитским стандартам, он, однако, не ощущал необходимости в чем-то, даже отдаленно напоминающем понятие «мечтание»; ему не требовалось ничего такого, чтобы занять свой ум на время задержки. Полуосознанные «внутренние часы» подавали ему сигнал, когда пора проверять процесс таяния, и он делал это через разумно частые интервалы — вот и все, что мог бы понять человек из его действий, еще в меньшей степени человек справился бы с описанием того, что происходило в мозгу месклинита.

Со всей определенностью можно сказать: он не спал и не был погружен в мысли, потому что мгновенно прореагировал на неожиданный громкий удар и фонтан взлетевших вокруг него булыжников.

Место, где Такуурч лежал в ожидании, находи-

лось прямо позади работающей тележки, так что он мгновенно понял, что произошло.

Такой же мгновенной была и реакция Битчермарлфа. Рывком дернув на себя рычаг управления, он отключил энергоблок раньше, чем человек мог бы заметить что-то неладное. Оба месклинита одной-двумя секундами позже столкнулись носами у замершей в неподвижности тележки.

«Этого следовало ожидать», — признался себе Битчермарлф. Хотя месклинитские органические соединения очень и очень прочны и гусеница могла бы прослужить еще много месяцев в условиях обычного путешествия, но искусственно созданное трение о сверхтвердые дхраунские булыжники даже при незначительной мощности двигателя оказалось чрезмерным испытанием для нее.

Наверное, слово «сверхтвердые» не совсем точно описывает камни: те, что находились под движущейся гусеницей, оказались заметно сглажены сверху примерно за час работы, а некоторые и вообще были сточены более чем наполовину. Сначала Битчермарлф подумал, что гусеницу перерезал одни из острых камней, но после внимательного изучения молодой рулевой

решил, что причиной разрушения послужил обычный износ: гусеница превратилась в тонкую пластинку с острыми краями.

Такуурч согласился с Битчермарлфом, когда тот предъявил ему свидетельства.

Вопроса о том, что делать дальше, у них не возникло, они занялись делом немедленно: менее чем за пять минут энергетический конвертер был снят с поврежденной тележки и установлен на той, что находилась позади нее, также разгруженной, потому что она присоединялась к уже проколотой ячейке демпфера. Не беспокоясь о том, что он наверняка испортит еще одну пару гусениц, Битчермарлф тут же запустил двигатель.

Теперь Такуурч начал беспокоиться. Оптимизм предыдущего часа бесследно испарился, поскольку разрушился фундамент, на котором он основывался. Рулевой сомневался, что вторая тележка протянет достаточно долго, чтобы проложить им дорогу к свободе. Спустя несколько минут до него неожиданно дошло, что концентрация нагретой воды в одном месте могла оказаться неплохой идеей, и он тут же изложил ее своему спутнику. Битчермарлф, хотя и расстроенный тем, что не додумался об этом сам, немедленно согласился, и в течение получаса оба матроса

работали, наваливая булыжники между гусеницами и вокруг тележек, которые должны были послужить источником тепла. В конце концов, им удалось создать довольно плотную загородку, внутри которой, как в кастрюле, постепенно набралась вода. Таким образом, пространство между тележкой и ближайшей частью ледяной стены нагревалось.

Такуурч с удовлетворением отметил, что лед на корпусе «Квембли», на участке в два ярда, таял почти на глазах.

Конечно же, полного счастья он не испытывал, не хуже Битчермарлфа понимая, что гусеницы вряд ли протянут дольше, чем на первой тележке. И если они оборвутся раньше, чем окажется свободным путь наружу, то будет нелегко придумать еще что-нибудь для собственного спасения.

Некоторые люди в подобной ситуации опустили бы руки и покорно ждали, пока их спасут, поддерживая в себе эту надежду до последней минуты. Так же могли вести себя и некоторые месклиниты, но ни один из рулевых к таким не принадлежал. В стеннийском имеется слово, которое Изи перевела как «надежда», но это один из наименее удачных эквивалентов понятий в ее практике.

Такуурч, движимый этим неопределенным чувством, расположился между работающей тележкой и тающим льдом, прижимаясь ко льду, чтобы не препятствовать току нагретой воды, и стараясь одновременно уследить и за тележкой, и за льдом. Битчермарлф оставался возле управляющих рычагов.

Поскольку под второй тележкой они не пытались копать, трение здесь было сильнее, а значит, и эффект нагрева тоже. Система управления предназначалась для регулирования скорости гусениц, а не усилия, с которым они вгрызались в камни. Естественно, к несчастью, износ гусениц также был сильнее. Тяжелый удар, объявляя об их неудаче, последовал удручающе скоро после завершения каменной кладки. Как и прежде, две ленты материала разорвались почти одновременно: рывок, передавшийся на колонну, соединяющую тележку с корпусом корабля, при разрыве одной гусеницы оказался достаточным, чтобы порвалась и другая.

И снова месклиниты отреагировали мгновенно и дружно, без всякой консультации друг с другом. Битчермарлф, отключив подачу энергии, в тот же миг ринулся со своего места к тающей поверхности; Такуурч оказался там быстрее толь-

ко потому, что ему пришлось преодолеть вдвое меньшее расстояние. Когда они достигли ледяного барьера, оба уже держали наготове ножи и без промедления начали отчаянно врубаться в стену перед ними.

Они знали, что находятся довольно близко к корпусу «Квембли»; им оставалось преодолеть во льду расстояние не больше длины тела. Быть может, прежде, чем процесс замерзания снова возьмет верх, их мышцы помогут им пробиться…

Первым сломался нож Такуурча.

Несколько человек наверху могли бы проявить интерес к звукам, неожиданно раздавшимся в приемнике, хотя даже Изи Хоффман не смогла бы понять их.

Битчермарлф немедленно внес предложение:

— Давай-ка назад и двигайся кругами как можно быстрее, чтобы вода, охлаждаемая льдом, смешивалась с остальной. Я продолжу работу ножом, а ты — перемешиванием.

Старший матрос повиновался, и еще несколько минут не было слышно никаких звуков, кроме ударов ножа.

Таяние продолжалось, но оба матроса ясно видели, что его скорость уменьшается. Тепло

уходило из воды вокруг них.

Хотя они и не знали, но единственной причиной, почему окружающая их среда оставалась жидкой довольно долгое время, было то, что их ледяная ловушка упиралась в каменное дно, частично препятствуя выходу аммиака. Теоретики, как земные, так и месклинитские, были абсолютно правы, хотя ничем не могли помочь Дондрагмеру: замерзание под «Квембли» в большой степени явилось следствием медленного диффундирования аммиака в нижние слои льда сквозь по-прежнему жидкие границы между твердыми кристаллами.

Капитан, даже обладая этой информацией, не мог сделать больше, чем двое его людей, сейчас попавших в ловушку под кораблем. Конечно, если бы такая информация поступила заранее, ему, возможно, и удалось бы вовремя вывести «Квембли» на сушу, но лишь при условии, что он успел бы обрести способность двигаться.

Что же касается Битчермарлфа, то, даже имея сейчас всю эту информацию в своем распоряжении, он вряд ли стал бы сознательно обдумывать ее: он был слишком занят. Его нож мелькал в свете фонаря неимоверно быстро, и в каждый удар он вкладывал такую силу, на какую только

отваживался. Его сознание полностью сосредоточилось на орудии, сочетая максимальные скорость и силу с наименьшим риском.

Но все же нож сломался. Позже Битчермарлф никогда не стремился анализировать причины происшедшего, а сейчас знал одно: таяние замедляется, вызывая в нем бешеное желание вкладывать в удары все большую силу, но, будучи тем, кем он был, он ни на минуту не допускал предположения, что сам мог стать жертвой паники или что древко ножа могло оказаться дефектным. Но никаких объяснений, кроме этих двух, так и не нашел. В общем, какова бы ни была причина, рукоять, зажатая в его правой верхней клешне, неожиданно оказалась без лезвия, и серебристый треугольник металла, упавший перед ним, в его клешнях был ничуть не более полезен, чем в человеческих пальцах.

В раздражении он швырнул рукоять вниз, но даже не испытал удовлетворения, поскольку, находясь в жидкости, она опустилась на дно мягко, без удара.

Такуурч оценил ситуацию мгновенно. Его комментарий люди сочли бы циничным, если бы расслышали слова месклинита, произнесенные в шести миллионах миль от них:

— Ну что, останемся здесь или вернемся назад, на середину? Где ты предпочитаешь замерзнуть?

— Не знаю. Здесь, на краю, нас могли бы найти скорее; здесь пробиться легче всего, если им вообще удастся это сделать. Если же у них ничего не выйдет, то какая разница? Единственное, что я хотел бы знать, так это что происходит с существом, вмерзшим в кусок льда.

— Что ж, кто-нибудь об этом узнает очень скоро, — пообещал Такуурч.

— Может, да, а может, и нет. Вспомни «Эскет».

— А какое это имеет отношение к нам? То, что произошло с нами, — произошло по-настоящему, никто не станет темнить.

— И все равно люди ведь пытались понять, что случилось с «Эскетом», но не смогли.

— Что ж, лично я собираюсь вернуться к середине корпуса и, пока смогу, — думать.

Битчермарлф удивился:

— О чем тут еще думать? Мы застрянем здесь, пока нас кто-нибудь не вытащит или пока не изменится погода: когда потеплеет, мы оттаем естественным образом.

— Успокойся.

— Только не пока мы здесь.

— Тебе не кажется, что если включить энерго-

блок даже при отсутствии на тележках гусениц, то где-нибудь он произведет достаточно трения, чтобы поддерживать воду по соседству от…

— Попробуй, если хочешь, — не дослушав, ответил Битчермарлф. — Я бы не стал рассчитывать на это даже при включении конвертеров на полную мощность. Кроме того, я бы поостерегся приближаться к ним, если они действительно будут работать с максимальной нагрузкой. Давай взглянем обстоятельствам в лицо. Так: мы находимся под водой, но не в океане, и, когда она замерзнет, мы окажемся внутри льда. Нет совершенно ничего, куда бы… А-а-а!

— Что?

— Ты выиграл. Никогда нельзя прекращать думать. Я сожалею о недавней слабости. Идем.

Девяносто секунд спустя оба месклинита, с некоторыми трудностями протиснувшись через ножевые разрезы, уже находились внутри продырявленной надувной ячейки, в полной безопасности, недоступные для воды.

8. Пальцы в бульоне

Дондрагмер, решив, что вряд ли кто-нибудь из пропавших рулевых может оказаться в непосредственной близости от главного шлюза, приказал ученым установить буровую установку рядом с ним и взять на пробу образец льда. Результат оказался неутешительным: грязь, в которой стоял «Квембли», промерзла до самого дна, по крайней мере, в том месте, где брали пробу. Оставалась надежда, что непосредственно под корпусом корабля, откуда ни тепло, ни аммиак не могли так быстро улетучиться, лед не такой толстый, а может, его даже и нет вовсе, но капитан категорически запретил запускать бур туда, ибо скорее всего рулевые находились именно там. Во-первых, они там работали, а во-вторых, будучи в другом месте, не могли не заметить, что температура стремительно падает.

Тем не менее, выяснить это наверняка возможности не было, так как связаться с ними никто не мог. Конечно же, пластмассовый корпус «Квембли» мог передавать звук, но внутренняя обшивка создавала довольно надежную звукоизоляцию.

Однако отказываться даже от ничтожного шанса было нельзя, и Дондрагмер приказал матросу пройти от носа до кормы по самой нижней палубе, постукивая металлическим прутком через каждые несколько футов.

Ни звука не раздалось в ответ, но это вовсе не означало, что рулевых нет под корпусом корабля. Погибли они? А может, звук не проникал сквозь корпус? Или те, кто находился внизу, просто не имели возможности отозваться? Никто не мог ответить на эти вопросы.

Снаружи на льду работала еще одна группа, однако капитан уже понял, что быстро они не управятся. Даже большая физическая сила месклинитов тут не поможет. Инструментом размерами примерно с кернер, каким пользуются люди, восемнадцатидюймовые, весящие двадцать фунтов гусеницы сумеют лишь процарапать лед вокруг корабля по окружности примерно в двести пятьдесят футов. А сколько времени займет очистка двигателей, тележек и управляющих тросов — этого никто даже не мог представить.

В воздух опять поднялся второй вертолет, и снова за пультом управления находился Реффел. Передатчик по-прежнему оставался на борту, и

люди столь же пристально, как и пилот, всматривались в ландшафт, освещаемый прожекторами маленькой машины. И так же, как и он, они яростно проклинали долгие ночи Дхрауна. До конца этой, уже принесшей множество бед, оставалось еще более шестисот часов, а пока не взойдет солнце, говорить о целенаправленном поиске не приходилось.

Чтобы прожекторы были хоть сколько-нибудь полезными, их приходилось направлять так, чтобы они испускали узкий луч света, озаряющий круг не более нескольких сотен футов в поперечнике. Реффел летел на запад медленно, зигзагами, заставляя этот круг перемещаться то к одной, то к другой стороне долины. На станции высоко наверху телевизионное изображение, поступавшее с его передатчика, записывалось с экрана и копировалось для топографов. Они уже с явным интересом изучали структуру периодического потока в долине при тяготении сорок земных «g». Что же касалось поиска пропавшего Кервенсера, то прошло еще слишком мало времени, чтобы можно было ожидать каких-то конкретных результатов.

Дондрагмер действительно не слишком беспокоился о своем первом офицере и рулевых,

поскольку сильные эмоции (в человеческом понимании) были ему чужды. То, что он испытывал по отношению к ним, правильнее назвать заинтересованностью. К тому же он сделал все, что от него зависело, и на время забыл о пропавших членах команды. Более всего его сейчас заботили два вопроса, на которые он хотел бы получить предельно точный ответ: как скоро может растаять лед и, следовательно, как скоро наступит очередной паводок.

Но даже и эти жизненно важные вопросы отодвигались на второй план, когда он задумывался над тем, как побыстрее и с наименьшими затратами сил освободить корабль от льда. Поставив эту задачу и перед людьми, и перед месклинитскими учеными, он все же не преминул напомнить последним, что ее решение не должно отвлекать их от основных исследований. Дондрагмер не был в действительности хладнокровным, но в его систему ценностей входило понятие полезности, то есть, даже погибая, он должен был приносить пользу.

Люди на такое удивительно объективное и нечеловечески спокойное поведение реагировали по-разному. Метеорологи и планетологи сочли его само собой разумеющимся. Большинство

из них, наверное, даже и не понимало, в сколь бедственном положении оказался «Квембли», не говоря уже о пропавших месклинитах. Изи Хоффман, оставшаяся на вахте после сообщения Барленнану нескольких данных, по свидетельству Аукойна, совершенно не удивилась. Она с искренним уважением отнеслась к способности капитана избегать паники в опасной для него и других ситуации.

Однако ее сын испытывал совершенно иные чувства по этому поводу. Макдевитт, чуткий и тактичный человек, знавший о зародившейся дружбе между Бенджем и Битчермарлфом, временно освободил его от работы в аэрологической лаборатории, и юноша ни на секунду не покидал отсек связи.

Он безмолвно наблюдал за тем, как Дондрагмер отправляет вертолет на разведку, формирует и посылает группы колоть лед. Он даже немного заинтересовался обменом идеями между учеными-людьми и месклинитскими учеными. Макдевитту не очень хотелось составлять дополнительный метеопрогноз, ибо он сознавал, что его профессиональная репутация совсем недавно и так уже пострадала, однако он обещал постараться. Когда все эти дела были улажены и

Дондрагмер, казалось, более ничего не хотел, кроме как находиться на своем мостике и ожидать естественного развития событий, Бендж начал проявлять нетерпение. Терпению — ближайшему человеческому эквиваленту одного из основных качеств месклинитов, юноше еще нужно было поучиться. Несколько минут он беспокойно ерзал в своем кресле перед экранами, надеясь, что хоть что-нибудь произойдет. Наконец он уже больше не мог сдерживать свои чувства.

— Если больше ни у кого нет срочного материала для передачи, можно ли мне поговорить с Доном и его учеными? — спросил он.

Изи взглянула на него, а затем на других. Присутствующие мужчины либо пожали плечами, либо как-то иначе показали, что им все равно, и тогда она разрешающе кивнула:

— Давай. Правда, я не знаю, расположен ли кто-нибудь из них к обычной болтовне, но в худшем случае они прямо скажут тебе об этом.

Бендж не стал попусту тратить время на объяснения, о чем он собирается говорить. Он переключил свой микрофон на передатчик, находившийся на командном посту Дондрагмера:

— Дон, это Бендж Хоффман. Сейчас у тебя лишь одна группа матросов скалывает лед у кормы

«Квембли». В его энергоблоках имеется такое количество энергии, которое превышает все, что могла бы выработать с помощью своих линий планета месклинитов за год. Ваши ученые подумали об использовании конвертеров, чтобы привести в действие ту буровую установку для сбора проб, или как нагревателя? Далее. Ваши матросы только скалывают лед или же специально пытаются пробраться под корпус, чтобы найти Битчермарлфа и Такуурча? Я знаю, что важно высвободить «Квембли», но ведь лед все равно когда-нибудь придется убирать. Мне кажется, вполне вероятно, что какая-то часть воды под кораблем пока не замерзла и что оба ваших матроса по-прежнему живы и находятся в ней. Вы пробиваете тоннель или только роете канаву?

Некоторые из людей, слушавших этот разговор, слегка нахмурились, полагая, что юноша слишком резок, но никто не счел необходимым прервать либо предостеречь его. Большинство из них взглянули на Изи и решили воздержаться от замечаний в адрес ее сына. В конце концов, никто не осуждал Бенджа. Всех интересовало то, о чем он спрашивал, но никому не хотелось задавать вопросы.

Как обычно при сеансах связи между станцией

и Дхрауном, у Бенджа оставалось достаточно времени, пока он ожидал ответа, чтобы обдумать следующие вопросы и тщательно подобрать слова для своих реплик.

Большинство взрослых из собственного опыта знали, что происходило сейчас с юношей, некоторые были довольны, и у всех он вызывал искреннюю симпатию. Несколько человек поспорили, что он не совладает с искушением и повторит свое послание чуть-чуть в другой форме, прежде чем придет ответ. Когда же из громкоговорителя зазвучал ответ Дондрагмера, а Бендж по-прежнему молчал, никто не развеселился, но те, кто знал Изи лучше всех, поняли по выражению ее лица, что она довольна сыном. Она не осмелилась поспорить даже сама с собой.

— Привет, Бендж. Мы делаем все, что можем, как для рулевых, так и для моего первого офицера. Боюсь, энергию корабля нельзя использовать, чтобы привести в действие какое-либо оборудование. Электрический ток нужен для освещения, к тому же без него остановятся тележки, что, уверен, ты хорошо знаешь, но для другого нашего обычного оборудования он бесполезен. Остаются только вертолеты, кое-что из исследовательских приборов лаборатории и прожекторы. Даже если

мы придумаем способ, как с помощью двигателей расколоть лед, то все равно не сможем до них добраться. Все двигатели находятся подо льдом. Не забывай, Бендж, мы сознательно отказались, насколько это возможно, от действительно сложного оборудования. Почти все имеющееся у нас на планете, что мы не могли изготовить сами, напрямую связано с вашим исследовательским проектом.

Иба Хоффмана не было в эту минуту рядом, и он не слышал последней фразы, о чем можно лишь сожалеть. Позже он замучил сына вопросами и просьбами как можно более точно повторить то, что сказал Дондрагмер.

— Я знаю об этом, но…

Бендж замолчал. Все слова, которые он так тщательно подбирал, казалось, потеряли смысл. Он знал, что прожекторы нельзя использовать как нагреватели. Это были электролюминесцентные приборы, а не обычные лампы накаливания или дуговые лампы. От них требовался не только неограниченный срок эксплуатации, но и безотказная работа в условиях атмосферы Дхрауна с ее свободным кислородом и огромными перепадами давления, чтобы не причинить вреда месклинитам. Если бы Битчермарлф понимал

это, он, возможно, потратил бы меньше времени впустую.

— А если попробовать просто пропустить ток от конвертера сквозь какие-нибудь толстые провода, чтобы растопить лед? Или даже пропустить ток прямо через воду? Там еще должно оставаться достаточное количество аммиака, который послужит проводником.

Снова наступила пауза, а Бендж думал, насколько точно он выразил свои мысли.

— Я не уверен, что хорошо знаком с этим разделом физики, хотя, полагаю, Бордендер и его коллеги знают намного больше, — с оттенком сомнения ответил Дондрагмер. — Кроме того, я не представляю, что мы могли бы использовать в качестве проводов и какой при этом будет протекать ток. Я знаю, что когда энергоблоки присоединены к обычному оборудованию вроде прожекторов или двигателей, то в этом случае предусмотрена автоматическая система безопасности, однако я понятия не имею, как они работают и вообще будут ли работать при простом прямом последовательном подсоединении. Если ты разузнаешь у ваших инженеров, насколько велика опасность аварии, я буду очень тебе благодарен. Но, повторяю, нам нечего использовать

в качестве проводов. На «Квембли» вообще очень мало металла. Наши припасы в основном состоят из канатов, тканей и дерева. И, конечно, нет ничего, что специально предназначалось бы для подачи мощного электрического тока. Возможно, ты и прав, предлагая пропустить ток прямо через воду, но неужели ты забыл, что, вполне вероятно, Битчермарлф и Такуурч находятся где-то подо льдом? Хотя я и не думаю, что они могут оказаться в непосредственной близости от проводника, но ручаться за их безопасность все же не могу. И здесь тоже один из ваших ученых, наверное, смог бы помочь. Если ты узнаешь и достаточно подробно передашь нам точные сведения и дельные рекомендации, как решить эту задачу, я с радостью последую вашим советам. Пока же я могу тебе сказать: мы делаем все, что можем. Я так же беспокоюсь о «Квембли», Кервенсере, Битчермарлфе, Такуурче, как, наверное, и ты.

В этом, конечно, капитан был не совсем прав, но обвинять его в сознательной лжи нельзя. Просто не дано ему было по-настоящему понять, как дружба может стать такой близкой за такое короткое время, тем более что друзья даже и не встречались. На его родной планете не существовало ни почты, ни любительского

радио. Он, впрочем, знал, что теплые отношения могут завязаться у существ, которые общаются только с помощью видеосвязи, все-таки у них с Барленнаном был опыт, когда Чарлз Лэкленд сопровождал «Бри» с помощью радио через тысячи миль океанов Месклина. И все же он лично понимал настоящую дружбу совсем иначе, и у него известие о смерти Лэкленда вызвало лишь обычное сожаление. Дондрагмер знал, что Бендж и молодой рулевой довольно много разговаривали друг с другом, однако не прислушивался к их беседам и, возможно, просто не понял бы, какие чувства связывают их, даже если бы и попытался это сделать.

К счастью, Бендж не задумывался об этом, так что у него не возникало сомнений в искренности капитана. Тем не менее, его не удовлетворили ни ответ, ни ход развития событий. Ему казалось, что до сих пор очень мало сделано именно для Битчермарлфа. Пока что ему только сказали о помощи, но сам он ничего не сделал. Он не мог даже увидеть, что там происходит, а вынужден был сидеть и ждать сообщений. Многие люди, и более взрослые, и гораздо более сдержанные, чем Бендж Хоффман, чувствовали бы себя неуютно в такой ситуации.

Когда он снова заговорил, стало ясно, что нервы его не выдержали столь сильного и долгого напряжения. Изи шагнула было к нему, словно желая заставить сына замолчать, но ваяла себя в руки и остановилась. Было уже поздно, а кроме того, вряд ли месклинит сможет так же чутко уловить все оттенки речи Бенджа, как его мать.

— Но вы же не можете вот так просто ждать, ничего не делая! — воскликнул Бендж. — Ведь каждая секунда может стать для них последней! Вы знаете, сколько воздуха осталось у них в гермокостюмах?

Выпалив это, юноша через несколько секунд понял, что сказал. И не успел еще его страстный упрек достичь «Квембли», как он снова с жаром заговорил, на сей раз более тщательно подбирая слова.

— Я знаю, вы не сидите без дела, но просто я не могу понять, как вы можете быть такими спокойными. Я бы сам вышел наружу и стал бы скалывать лед или делать что-нибудь еще, но не могу, ибо нахожусь очень далеко.

— Я делаю все, что от меня зависит, чтобы спасти их, — наконец-то пришел ответ Дондрагмера на первую часть послания. — О запасах воздуха не надо беспокоиться еще долгое время. Мы не

так чувствительны к его нехватке, как, насколько я понимаю, вы, люди. Даже если концентрация водорода станет слишком низкой, чтобы они могли оставаться в сознании, жизненно важные процессы, происходящие в их организмах, просто замедлятся и будут замедляться все больше и больше в течение нескольких восьмичасовых циклов. Правда, никто не знает, сколь долго это может продолжаться, для каждого месклинита, похоже, это время индивидуально. Тебе не нужно беспокоиться о том, что они могут *утонуть*. Кажется, вы используете такое слово, если я правильно понимаю его значение.

После короткой паузы Дондрагмер продолжил:

— Мы используем все инструменты, которыми располагаем. Если бы я вышел наружу, то польза от меня оказалось бы ничтожной, а кроме того, на получение докладов от Реффела через ваших людей ушло бы гораздо больше времени. Вы можете сообщить мне, как проходят поиски Кервенсера? Как я понимаю, ничего интересного обнаружить пока не удалось, поскольку свет прожектора вертолета по-прежнему виден отсюда и его маршрут не изменился. Возможно, у вас уже есть какое-то описание местности, которое вы могли бы передать сюда. Мне бы хотелось знать

как можно больше об этом районе.

Изи снова подавила восклицание, прежде чем Бендж что-либо заметил. Когда юноша сосредоточил свое внимание на экране, передававшем сигнал с вертолета, она подумала, пытается ли Дондрагмер отвлечь ее сына от происходящего на «Квембли» или он так изучил человеческую натуру, что хорошо понимает чувства, владевшие ее сыном. Последнее казалось маловероятным, но даже Изи Хоффман, которая, наверное, знала месклинитов лучше, чем все остальные люди, не могла с уверенностью отвергать такую возможность.

Бендж вообще не смотрел на другой экран, и ему пришлось спросить, не происходило ли что-нибудь там. Один из наблюдателей ответил, что экран все время показывает поверхность, усыпанную камнями всевозможных размеров. Изредка появляются замерзшие маленькие озера, схожие с тем, в котором стоял сейчас «Квембли». Никаких следов пребывания другого вертолета или его пилота не было. Впрочем, никто и не надеялся обнаружить что-либо за такой короткий срок. Искать нужно медленно и тщательно, исследуя каждый дюйм. Если Кервенсер действительно разбился бы так близко от точки своего

старта, этого не могли не заметить с крейсера. Маленькие вертолеты несли на борту прожекторы, и Кервенсер совершенно определенно использовал свои собственные.

Бендж передал эту информацию на Дхраун, а затем задал свой очередной вопрос:

— Почему Реффел летает так долго очень близко от вас? Разве Кервенсер находился не за пределами видимости?

Пока шел ответ, в душе юноши шевельнулась слабая надежда, что пропавший вертолет не успел улететь слишком далеко, но она оказалась напрасной.

— Так оно и было, Бендж. Просто нам казалось более резонным провести полное обследование местности, начиная отсюда и продвигаясь вовне. К тому же таким образом мы можем предоставить наиболее подробные и точные сведения вашим ученым. Если они могут подождать, пожалуйста, передай Реффелу, что я приказал лететь ему прямо на запад вдоль долины до тех пор, пока он видит свет прожекторов на моем капитанском мостике, а затем пусть возвращается.

— С радостью, капитан.

Беседа велась на стеннийском, так что никто из наблюдателей-ученых не понял ни слова. Бендж

решил не спрашивать их разрешения и передал на вертолет приказ на том же языке. Реффелу, похоже, нисколько не мешал акцент Бенджа, и его маленькая машина отправилась на запад.

— И что же будет с нашей картой? — пробурчал топограф.

— Вы же слышали капитана, — ответил юноша.

— Я не все слышал и не все понял. Но, полагаю, сейчас уже слишком поздно возражать. Как ты думаешь, когда вертолет вернется, они заполнят пробел, который сейчас оставляют?

— Я спрошу у Дондрагмера, — любезно ответил Бендж, бросив, однако, беспокойный взгляд на свою мать.

Она постаралась придать своему лицу каменное выражение, но все-таки что-то прочесть по ее лицу было можно. К счастью, ученый уже покидал отсек связи, что-то бормоча себе под нос, а Бендж, снова сосредоточил все свое внимание на экране Реффела. Так что Изи смогла позволить себе немного расслабиться. Несколько из присутствовавших поблизости взрослых, догадавшихся о содержании беседы с Дондрагмером, с трудом удержались, чтобы не улыбнуться. По какой-то необъяснимой причине им нравилось разыг-

рывать кого-нибудь из группы ученых. Однако Бендж ничего не заметил. Он по-прежнему сильно переживал за Битчермарлфа.

Заверение Дондрагмера, что пропавшим рулевым еще довольно долго не грозит смерть от удушья, несколько успокоило его, однако он не мог не думать о попавших в беду месклинитах. Даже если время еще есть, даже если они еще живы, они все равно могут погибнуть. А вдруг они уже мертвы? Просто необходимо найти выход!

Тепло плавит лед. Тепло — это энергия. «Квембли» нес на своем борту столько энергии, что ее было достаточно, чтобы вывести корабль на орбиту вокруг Дхрауна, хоть и не было никакой возможности использовать ее таким образом. Разве эта огромная машина не имела каких-нибудь нагревателей среди оборудования системы жизнеобеспечения, которые можно было бы разобрать и вынести наружу?

Нет. Месклинитам вряд ли когда-нибудь понадобились бы обогреватели на Дхрауне. Даже в тех частях планеты, где, как казалось, внутреннего тепла не хватало, солнце нагревало воздух примерно до пятидесяти градусов выше абсолютного нуля. Районы, в которых месклинитам предстояло провести многие годы, центр Нижней

Альфы, например, были слишком жаркими, а не слишком холодными для них.

«Квембли» действительно располагал охладительным оборудованием, снабжаемым энергией от термоядерных конвертеров, но, насколько знал Бендж, его ни разу не запускали со дня испытаний. Оно могло оказаться полезным, когда исследователи проникнут в центральную часть Нижней Альфы, однако до этого должен пройти по крайней мере еще один земной год, а возможно, и больше. Судьба «Эскета» сделала весьма сомнительными некоторые из начальных планов.

Однако рефрижератор представляет собой тепловой насос. Даже Бендж знал это, и, по крайней мере в теории, большинство насосов — обратные. Значит, этот должен иметь где-то *снаружи* корпуса высокотемпературную секцию для сброса тепла. Где она находится? Можно ли ее снять? При какой температуре она работает? Дондрагмер должен знать. А если он уже думал об этом? Может быть, и нет. Он далеко не глуп, однако его культура сильно отличается от человеческой. Все знания из области физики он приобрел от людей, когда был уже совсем взрослым, и они, очевидно, не укоренились в нем глубоко, поэтому обо всем,

что касается специфических физических процессов, он вряд ли подумал в первую очередь. Бендж кивнул самому себе, затем легко убедил себя, что, даже если он будет выглядеть глупо, идея все же может оказаться стоящей, и после этого протянул руку к переключателю микрофона.

На этот раз никто из окружающих его взрослых не улыбался, когда послание отправилось на Дхраун. Никто из присутствующих не разбирался до тонкостей в устройстве лэнд-крейсеров, чтобы ответить на вопросы, касающиеся рефрижератора, но все достаточно знали физику, чтобы обругать себя за то, что не подумали об этом раньше. Взрослые ожидали ответа Дондрагмера с таким же нетерпением, как и Бендж.

— Холодильник — одно из ваших электронных устройств, которое я не изучал до мельчайших подробностей, — наконец достигли станции слова капитана, который по-прежнему, к разочарованию некоторых слушателей, говорил на своем языке. — Мы не использовали его с тех пор, как он прошел приемосдаточные испытания. Погода здесь была иногда весьма теплой, однако не такой уж невыносимой. Само устройство описать просто. Во всех отсеках корабля имеются металлические пластины, которые становятся

холодными, когда в систему подается питание. Есть также металлический стержень в виде разомкнутой ячейки, проходящей вдоль каждой из сторон корпуса сверху. Он начинается около кормы, тянется примерно на половину длины тела месклинита к носу от центровой линии корпуса, огибает корпус сверху примерно в четырех длинах тел за командным постом и идет назад вдоль корпуса по другой стороне до той точки, где он начинается. Стержень проходит через корпус в начале и конце. Это одно из немногих приспособлений, выполненных таким образом. Я предполагаю, что этот стержень и должен служить тепловым радиатором. Я понял благодаря твоему намеку, что должна существовать подобная часть системы, которая находится снаружи. Ничто другое, похоже, не годится. К сожалению, она располагается так высоко над поверхностью льда, что вряд ли поможет растопить его, даже если действительно достаточно нагрета. Но именно этого-то я и не знаю и сразу ничего сказать не могу. Я понимаю, радиатор можно разогреть настолько, насколько понадобится, пропуская сквозь него ток определенный силы, но не могу сказать, что мне нравится идея попытаться снять его с корпуса для такой цели.

— Да, есть опасность, что это разрушит вашу систему охлаждения, особенно если не удастся ее отключить, — согласился Бендж. — И все же, по-моему, стоит рискнуть. Разреши мне найти инженера, который хорошо знает эту систему. У меня есть идея. Я вызову тебя позже.

Юноша выскользнул из кресла, не дожидаясь ответа Дондрагмера, и торопливо покинул отсек связи.

Как только он исчез, наблюдатели, не понимающие стеннийского языка, попросили Изи хотя бы вкратце изложить им содержание беседы, что она сделала с явным удовольствием. Когда Бендж вернулся с инженером, все присутствующие собрались возле них, чтобы послушать. Несколько искренних благодарственных молитв, должно быть, вознеслись к Всевышнему, когда стало ясно, что новоприбывший вовсе не полиглот, и Бенджу приходится переводить для него. Оба уселись перед экранами, и, прежде чем включить микрофон, юноша решил еще раз проверить, правильно ли понял инженера.

— Я должен сказать капитану, что большинство деталей крепежа, удерживающего стержень радиатора на корпусе «Квембли», это самые обычные гвозди. Они неглубоко входят в обшив-

ку корпуса, и их можно вытащить, не повредив его. Может оказаться, что, когда настанет время снова закреплять их, понадобится цемент, но на крейсере он есть. Тем не менее, соединения на концах радиаторов придется отрезать. Сплав не очень твердый, можно обойтись ножницами. Как только его снимут, стержень можно будет использовать как нагреватель сопротивления, просто вставив его концы в пазы, помеченные DC в энергоблоке. Я могу также сообщить капитану, что нет никакой опасности короткого замыкания, поскольку у конвертеров имеются внутренние предохранители. Все правильно, мистер Катини?

— Именно так, — кивнув, ответил маленький седовласый инженер, один из тех, кто помогал проектировать и строить лэнд-крейсеры, и один из очень немногих людей, которые довольно долго прожили на экваторе Месклина в условиях трехкратного земного тяготения. — Я думаю, что ты все правильно и доходчиво пояснишь Дондрагмеру. Если хочешь, я могу сам все рассказать. Он всегда достаточно легко понимал меня, когда я говорил на своем языке.

Бендж кивнул, однако начал говорить в микрофон на стеннийском. Изи подозревала, что

он просто подстраховывается и надеется, что его предложение не вызовет сильной обратной реакции, однако не сочла нужным вмешиваться. Ей пришлось признать, что он очень хорошо говорит по-стеннийски. Должно быть, он многому научился у своего друга, Битчермарлфа. Отдельные места он переводил даже лучше, чем она сама, использовал аналогии, которые должны что-то значить для капитана, но которые ей самой не пришли бы в голову.

Когда же пришел ответ капитана, то все услышали, что он говорит на языке людей. Дондрагмер, очевидно, догадался, почему Бендж, а не инженер, сообщивший информацию, вел беседу. Юноша, слегка удивившись, бросил короткий взгляд на мать. Изи, не отрываясь, глядела на экран Дондрагмера.

— Я все понял, — прозвучал голос месклинита с легким акцентом. — Мы можем снять стержень радиатора и использовать его как нагреватель вместе с энергоблоком, чтобы расплавить лед вокруг корабля. В конвертере имеется множество энергии, и нет никакой опасности его взорвать. Тем не менее, пожалуйста, ответьте мне на два вопроса.

Во-первых, насколько мы можем быть уверены

в том, что позже сумеем вновь правильно подсоединить стержень? Я знаю достаточно, чтобы понять: цемент — плохой материал для этого. И я не хочу оставлять корабль без системы охлаждения, поскольку Дхраун приближается к солнцу, и скоро станет слишком жарко. Во-вторых, поскольку металл, по которому потечет ток, будет касаться льда или погружаться в растаявшую воду, то насколько рискуют те, кто находится под водой или в ней? Достаточно ли надежны гермокостюмы? Скорее всего, они должны быть весьма хорошими электрическими изоляторами, поскольку они прозрачны.

Инженер тут же начал отвечать, оставив Бенджа в недоумении, каким образом прозрачность гермокостюмов связана с их электрической проводимостью и каким образом Дондрагмер смог, обладая отрывочными знаниями, додуматься до этого.

— Вы достаточно легко сможете восстановить соединения. Просто плотно сожмите металлические концы и с помощью клея закрепите повязку из ткани вокруг соединения, но, так как клей не проводит ток, проследите, чтобы он не попал между металлическими поверхностями.

Можете также не волноваться за тех, кто нахо-

дится в воде. Гермокостюмы надежно защищают от удара таком. Я подозреваю, что потребовалось бы весьма высокое напряжение, чтобы вообще причинить вред кому-нибудь из вас, поскольку жидкости вашего тела не поляризованы. Правда, у меня нет экспериментальных доказательств, но, я полагаю, вы и не захотите их получить. Мне пришло в голову, что можно было бы попробовать создать электродуш над поверхностью льда, содержащего немалое количество аммиака, который служит неплохим проводником. Если это сработает, то сработает весьма неплохо. Однако может оказаться слишком горячо, чтобы кто-нибудь из вашего экипажа мог находиться поблизости, а таким душем необходимо управлять осторожно. Кроме того, есть опасность, что будет уничтожена слишком большая часть стержня, чтобы вы впоследствии снова могли восстановить систему. Поэтому лучше всего просто нагревать лед и удовольствоваться тем, что он будет таять, а не кипеть.

Катини замолчал и стал ждать ответа Дондрагмера. Бендж по-прежнему размышлял, а все остальные, кто мог слышать беседу, смотрели неотрывно на экран. То, что капитан заговорил на языке людей, привлекло даже тех, кто в ином

случае терпеливо ждал бы перевода.

— Хорошо, — пришел наконец ответ. — Мы снимем металлический стержень и попытаемся использовать его как нагреватель. Я сейчас же отдаю приказы своим подчиненным выходить наружу и начинать разбирать малые захваты. Мы установим один из передатчиков снаружи, чтобы вы могли наблюдать, как мы будем обрезать проводники и проверять все, прежде чем мы включим энергию. Мы будем работать медленно, так что вы сможете остановить нас, если мы сделаем что-либо не так, прежде чем ошибка станет непоправимой. Мне не нравится эта ситуация. Я не люблю делать что-то, в чем совершенно не уверен, а особенно тогда, когда не знаю, чем все может кончиться. Предполагается, что я здесь командир, но теперь я могу лишь жалеть, что не изучил подробнее вашу науку и технологию. Быть может, я и правильно представляю себе происходящее и не сомневаюсь, что могу доверять вашим знаниям и советам, однако в первый раз за многие годы я чувствую себя столь неуверенно.

На это ответил Бендж, опередивший свою мать на долю секунды.

— Я слышал, ты был первым месклинитом, понявшим общие идеи нашей науки, а также что

именно ты приложил много усилий для создания Колледжа. Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что твои знания недостаточны?

Изи прервала его, заговорив, как и Бендж, на родном языке Дондрагмера.

— Ты знаешь гораздо больше, чем я, Дон. И ты *действительно* командир. Если бы тебя не убедило предложение Катини, ты не отдал бы эти приказы. Тебе придется привыкнуть к этому ощущению, которое тебе не нравится. Ты просто снова столкнулся с чем-то новым. В чем-то это похоже на то время, пятьдесят лет назад, задолго до моего рождения, когда ты неожиданно понял, что наука, которую мы, чужаки, использовали, не что иное, как просто знания, вынесенные за пределы уровня «обыкновенных вещей». А теперь ты столкнулся с тем, что никто, даже самый мудрый командир, не может знать всего и что иногда приходится получать профессиональные советы. Не беспокойся. Дон, это нормально!

Изи откинулась на спинку кресла и посмотрела на своего сына, который — единственный из всех, присутствовавших в комнате, — смог полностью понять ее речь. Юноша выглядел удивленным, почти испуганным. Какое бы впечатление она ни произвела на Дондрагмера, когда ее, слова достиг-

ли его, Изи совершенно определенно достигла желаемого эффекта в отношении Бенджамина Ибсона Хоффмана. Она хотела сказать что-то еще, но ее перебило восклицание кого-то из людей:

— Эй! Что случилось с вертолетом?

Все быстро повернулись к экрану Реффела. Последовала секунда полной тишины. Затем Изи выкрикнула:

— Бендж, сообщи Дондрагмеру, а я пока вызову Барленнана!

9. Пересекшиеся цели

В Поселке уже давно установилась нормальная погода, аммиачный туман унесло в неизведанные районы Нижней Альфы, и с северо-запада дул легкий ветерок. Звезды яростно перемигивались между собой, привлекая внимание месклинитов, находившихся снаружи или в одном из прозрачных коридоров, но их не замечали остальные, те, кто был в освещенных комнатах, хотя и под тем же прозрачным потолком.

Именно потому, что Барленнан находился недалеко от лабораторий в западной части Поселка, когда пришел вызов от Изи, ее послание не сразу достигло его. Оно было записано и доставлено одним из курьеров Гузмиина, который, подчиняясь существующим приказам, не обратил никакого внимания на то, что Барленнан проводил совещание. Курьер протянул послание командиру, который вынужден был прервать свое предложение на середине, чтобы прочесть его. Бендивенс и Дисленвер, ученые, с которыми он беседовал, молча ждали, пока он ознакомится с посланием, хотя их позы выдавали крайнее любопытство.

Барленнан дважды перечитал сообщение, словно пытаясь что-то вспомнить, а затем повернулся к курьеру:

— Как я понял, это только что получено.

— Да, командир.

— И сколько времени прошло с тех пор, как получен предыдущий доклад Дондрагмера?

— Не много, командир, менее часа, я бы сказал. В журнале указано точное время; не проверить ли мне?

— Это не столь важно, поскольку вы знаете его. Последнее, что я слышал о «Квембли», — то, что их вынесло на сушу после нескольких часов дрейфа вниз по реке, и это произошло уже довольно давно. Я предполагал, что все в порядке, поскольку от Гуза более не поступало никаких сообщений о крейсере. Он услышал какой-то внутренний рапорт, который передают через равные промежутки времени, либо сам спросил людей, как там у них дела?

— Не знаю, командир. Я не нес вахту все это время. Мне проверить?

— Нет. Я сам довольно скоро прибуду туда. Передай Гузу, чтобы он ничего не передавал до моего прихода, а просто задерживал все послания.

Курьер исчез, и Барленнан снова повернулся

к ученым.

— Иногда я просто не понимаю, почему мы отказались от внутренней связи. Мне хотелось бы знать, сколько времени ушло у Дона на то, чтобы так серьезно попасться, но, прежде чем доберусь до Гузмиина, я хотел бы выяснить еще кое-что.

Бендивенс проделал телодвижение, означающее то же, что у людей пожимание плечами.

— Только прикажи, и мы быстро поможем тебе. У нас в лабораториях есть телефоны, которые работают достаточно хорошо, и мы сможем подсоединить практически весь Поселок, но на это понадобится довольно много металла.

— Нет, еще рано. Телефонную сеть мы пока сохраним в тайне. Вот, прочтите-ка это. «Квембли» застрял в чем-то вроде замерзшей воды, и оба его вертолета пропали. У одного из них на борту имелся передатчик, поддерживавший связь с человеческими существами, непосредственно перед исчезновением он работал.

Дисленвер издал звук, напоминающий тихое гудение, и тоже потянулся за посланием. Бендивенс молча потянул ему листок. Дисленвер прочел его, раз, другой, как это сделал Барленнан, и только потом заговорил.

— Я думаю, человеческие существа могли бы

собрать несколько более полную информацию, если бы вообще наблюдали аккуратно. Здесь сказано лишь то, что Кервенсер не вернулся из полета и что с поисковым вертолетом с передатчиком на борту, вылетевшим на его поиски, неожиданно прервалась связь. Изображение исчезло, и экран просто стал черным.

— Этому может быть лишь одна причина, — заметил Бендивенс.

— Я тоже так думаю, — произнес командир. — Но вопрос не в том, что именно закрыло экран, а почему это произошло именно в том месте и в то время. Мы можем предположить, что Реффел сделал это сам, отключив передатчик. Было бы неплохо, если б ты сообразил сделать это, прежде чем нам пришлось оставить «Эскет», и тем самым облегчил бы нашу операцию. Скорее всего, он увидел нечто не вписывающееся в официальную версию истории с «Эскетом». Но что именно? «Квембли» застрял на огромном расстоянии от «Эскета». Теоретически один из наших воздушных шаров *мог* оказаться в том районе, но этого не *должно* было случиться.

— Мы ничего не узнаем, пока не вернется воздушный шар, вылетевший к Дестигмету, — рассудительно ответил ученый. — Меня сейчас

больше интересует, почему мы не узнали об исчезновении Кервенсера несколько раньше. Почему оказалось так, что нам сообщили обо всем уже после того, как Реффел отправился на поиски и тоже пропал? Неужели Дондрагмер так задерживал свои доклады людям-наблюдателям?

— Я в этом очень сомневаюсь, — ответил Барленнан. — Вполне возможно, что они сообщили нам об исчезновении Кервенсера вовремя. Помните, курьер сказал, что приходили и другие послания? Гузмиин мог подумать, что сообщение о подобном происшествии не стоит того, чтобы из-за него специально посылать курьера, пока не пройдет достаточно времени, чтоб можно было ожидать результатов поиска. Мы сможем все проверить через несколько минут, но, мне кажется, мои предположения верны.

— Может быть. Однако в последнее время я довольно часто думал о том, действительно ли люди со станции передают нам информацию своевременно и полностью. Несколько раз у меня создавалось впечатление, что они накапливают сообщения и посылают их на планету одним, так сказать, пакетом. Вполне вероятно, они просто не продумали это, а может, мне вообще все показалась…

— Но они могут намеренно задерживать информацию, — подхватил Бендивенс. — Если в поведении людей есть какой-то умысел, мы можем потерять половину нашей экспедиции, даже не узнав об этом. Они могут опасаться, что мы прекратим исследования и потребуем, чтобы нас вернули домой, как это предусмотрено контрактом, если риск окажется слишком большим.

— Пожалуй, это вполне логично, — признал Барленнан. — Просто я как-то не думал об этом. Я, правда, считаю, что люди обманывают нас, но чем больше пытаюсь разобраться в том, что происходит, тем активнее пытаюсь придумать, как нам узнать истину. А вдруг люди все-таки выбирают, что сообщить нам, а что нет, каждый раз, когда с одним из исследовательских крейсеров что-то случается?

— Ты думаешь, они на это способны? — спросил Дисленвер.

— Трудно сказать. Конечно, мы сами очень многое утаили от них, и у нас на то есть, как мы считаем, весьма веские причины. Но в общем-то меня не это беспокоит. Мы знаем, многие из людей весьма хороши в бизнесе, и, если мы не можем удержаться на их уровне, сами виноваты. Но мне хотелось бы сейчас точно знать одно:

что кроется за всем этим — расчет или простая неаккуратность. Я знаю только одну возможность все проверить, но пока еще не готов ею воспользоваться. Если у вас есть какие-нибудь предложения, буду весьма рад.

— А о какой возможности ты говоришь? — почти одновременно спросили оба ученых, Дисленвер чуть-чуть раньше.

— «Эскет», конечно. Только там мы сможем провести независимую проверку всего, что они нам говорят. По крайней мере, я ничего другого пока не придумал. Правда, на это уйдет довольно много времени. До восхода солнца туда никто не отправится, да и лететь до места сто двадцать часов или около того. Конечно, мы могли бы послать «Диди» даже ночью…

— Если бы мы установили световой передающий канал, как я предлагал… — начал Дисленвер.

— Слишком рискованно. Почти наверняка люди заметят его. Мы просто не знаем, каковы возможности приборов человеческих существ. Мне известно лишь, что большинство из них расположено там, на станции, но никто из нас даже не представляет, насколько они совершенны. Люди так щедро снабжают нас этими передатчи-

ками картинок, которые мы таскаем с собой по планете, что я сильно сомневаюсь в сложности и высокой стоимости подобного оборудования. К тому же двенадцать лет назад они уже использовали их на Месклине. Но даже не обладая особо точными приборами, они вполне могут заметить свет на ночной стороне планеты. Вот почему я отклонил твою идею, Дис. Но это вовсе не значит, что она плоха.

— Что ж, но металла для установления электрической связи нам пока не хватает, — заметил Бендивенс. — Мне нечего больше предложить. Впрочем, если подумать, так мы очень просто можем узнать, на каком расстоянии их приборы способны засечь свет.

Позы месклинитов мгновенно изменились. Теперь они явно выражали вопрос.

— Мы могли бы, — продолжил ученый, — вполне невинно спросить, в состоянии ли они обнаружить сигнальные огни либо прожекторы пропавших вертолетов.

Барленнан ненадолго задумался, а потом сказал:

— Хорошо. Отлично. Пойдем-ка. Тем не менее, если люди ответят, что такой возможности у них нет, можно ли не сомневаться, что они не

скрывают ее от нас? Тогда придется придумать, как проверить еще и это.

Он первым направился к выходу из зала с картой Дхрауна, где проходило совещание, и далее по коридору Поселка к отсеку связи. В большинстве коридоров и проходов было относительно темно. Спонсоры экспедиции не экономили на снабжении экспедиции источниками искусственного света, но Барленнан сам строго ограничивал их число. И в комнатах, и в проходах освещение было таково, чтобы лишь различать, что происходит вокруг.

Месклиниты чувствовали себя комфортно только в том случае, если над ними не нависал потолок и они могли видеть звезды над головой. Ни одного из уроженцев Месклина не радовало то, что на Дхрауне существовало множество вещей, которые могли бы свалиться сверху. Даже ученые изредка посматривали вверх, проходя по переходам, и искренне радовались, когда видели над собой бескрайнее звездное небо. Сейчас солнце Месклина, которое люди называли Лебедь-61, находилось за горизонтом.

Барленнан по пути больше смотрел вверх, чем вперед, пытаясь разглядеть станцию людей. На ней стоял световой маяк, видимый с Дхрауна как

звезда четвертой величины. Любимым занятием месклинитов в свободное время было наблюдать, как она едва заметно движется среди звезд. По этому движению они снова и снова перенастраивали свои маятниковые инструменты, которые изготовили сами, ибо те редко шли согласованно друг с другом более чем несколько часов.

Звезды и станция разом пропали из виду, когда вся троица достигла ярко освещенного отсека связи. Гузмиин, увидев Барленнана, немедленно доложил:

— Никаких новостей ни об одном из вертолетов.

— А какие доклады ты получил от Дондрагмера с того времени, как «Квембли» вынесло на сушу, то есть примерно за последние сто тридцать часов? Ты знаешь, как давно пропал первый офицер Дона?

— Только весьма приблизительно. Об этом случае сообщили, но без подробностей, в том числе и как давно это случилось. Я просто принял сообщение, не задавая никаких вопросов. О втором исчезновении мне стало известно менее чем через час.

— И ты не удивился, что эти сообщения пришли одно за другим, хотя между событиями, о

которых в них говорится, явно прошло гораздо больше времени?

— Да. Когда пришел второй рапорт, меня тоже заинтересовал этот вопрос. Но я не смог ответить на него и подумал, что ты, если, конечно, захочешь, лучше сам расспросишь обо всем людей.

В эту минуту вмешался Бендивенс:

— Как ты думаешь, может, Дон не сообщил о первом исчезновении, потому что не принял поначалу его всерьез и понадеялся, что Кервенсер скоро отыщется? Тогда можно было бы рассказать нам об этих эпизодах как о незначительных инцидентах.

Барленнан задумчиво посмотрел на задавшего вопрос ученого, но с ответом не помедлил.

— Нет, я так не думаю. Дондрагмер, конечно, не всегда соглашается со мной, но есть некоторые поступки, на которые не способен никто из нас.

— Даже если бы от срочного доклада ничего не зависело? И, кроме того, ни мы, ни человеческие существа ничем не могли помочь, узнай мы все сразу или позже.

— Даже тогда.

— Не понимаю, почему.

— Зато я понимаю. Придется поверить мне на слово. У меня нет времени на детальные по-

яснения, и я сомневаюсь, что, так или иначе, сумел бы быстро подобрать нужные слова. Если Дондрагмер по каким-то причинам не сделал этого доклада, значит, скорее всего, это причины веские. Лично я сильно сомневаюсь, что тут есть его вина. Гуз, а кто из людей передал тебе сообщения? Это был один и тот же?

— Нет, командир. Я плохо разбираюсь в их голосах, а они довольно часто не называют своих имен. Примерно половина докладов сейчас поступает на их, человеческом, языке. Большая часть остальных приходит от людей по имени Хоффман. Некоторые другие тоже говорят на нашем языке, но, кажется, эти двое владеют им в совершенстве. У меня создалось впечатление, что более молодое существо, носящее это имя, чаще других, вообще очень много, разговаривало с «Квембли». Вот я и подумал, что, если все могут просто болтать, ничего серьезного там не происходит.

— Хорошо. Я, наверное, подумал бы так же. Воспользуюсь, пожалуй, передатчиком. У меня есть несколько вопросов, которые я хотел бы задать людям.

Вахтенный, не дожидаясь приказа, уступил Барленнану место, и тот устроился перед пере-

датчиком. Экран был темным. Командир сжал рычаг «Внимание» и стал терпеливо ждать, пока пройдет минута. Он мог бы начать говорить сразу, поскольку, естественно, кто бы ни находился сейчас на станции возле приемника, он тут же примет передачу, но Барленнан хотел увидеть, с кем будет говорить. Оставалось лишь надеяться, что задержка не вызовет ни у кого подозрений.

Лицо, появившееся перед ним на экране, было ему незнакомо. Даже пятидесяти земных лет общения с людьми оказалось недостаточно, чтобы он научился распознавать семейное сходство, хотя любой человек сразу бы догадался, что перед ним сын Изи. Собственно, за пятьдесят лет Барленнан видел не так уж много людей. На Месклине побывало около двадцати мужчин, и ни разу там не появлялись женщины.

Гузмиин узнал юношу и хотел было представить его, но тот сделал это сам.

— Здесь Бендж Хоффман, — проговорил он. — Никаких сообщений не поступало с «Квембли» с тех пор, как мать вызвала вас примерно двадцать минут назад. Никого из инженеров или ученых в отсеке связи сейчас нет. Если у вас есть вопросы, на которые необходимы ответы специалистов, то скажите об этом сразу. Если же вас интересует ин-

формация о текущих событиях, я нахожусь здесь, в центре связи, последние семь часов почти неотлучно и, возможно, смогу вам помочь. Я жду.

— У меня два вопроса, — отозвался Барленнан. — На один из них, наверное, ты сможешь ответить, на другой, скорее всего, нет. Сначала о втором исчезновении. Я просто прикидывал, насколько далеко от «Квембли» находился второй вертолет, когда передача с его борта прекратилась. Если тебе не известно расстояние, то, может быть, ты скажешь, как долго разыскивали пилота.

Второй вопрос в основном касается вашей технологии, с которой я не слишком хорошо знаком, но ты, надеюсь, знаком лучше. Есть ли у вас какая-нибудь возможность увидеть огни, такие, скажем, как прожекторы на вертолетах, оттуда, где вы находитесь? Как мне кажется, зрения, ни человеческого, ни месклинитского, недостаточно, но у вас есть множество оптических устройств, о которых я знаю очень мало, наверное, есть и такие, о которых мне вообще ничего не известно. Я жду ответа.

Бендж поднял палец и кивнул как раз в ту минуту, когда Барленнан задал первый вопрос, но юноша подождал, пока не поступит и второй,

прежде чем заговорил сам.

— Я могу ответить на ваш первый вопрос, а мистер Кавано найдет кого-нибудь, кто мог бы ответить на второй, — были его первые слова. — Кервенсер начал свой разведывательный полет примерно одиннадцать часов назад. И никто не заподозрил, что с ним что-то не так, пока не прошло восемь часов, когда все вдруг выяснилось одновременно: Кервенсер и его вертолет исчезли, «Квембли» вмерз в лед, а Битчермарлф с Такуурчем оказались где-то под ним. По крайней мере, никто точно не знает, где они, однако они работали под корпусом, а после этого их никто не видел. Где же им еще быть, если не там? Один из матросов, Реффел, вылетел на втором вертолете с телепередатчиком на поиски Кервенсера и некоторое время исследовал местность довольно близко от «Квембли». Затем мы предложили ему отправиться чуть дальше, туда, где аварию вертолета Кервенсера, если бы она произошла, не могли увидеть или услышать с крейсера. Он так и сделал, и, конечно же, Дондрагмер, наблюдавший за ним с командного мостика, потерял его из виду. Затем мы долго совещались с капитаном, и все, кто находился здесь, оказались втянутыми в разговор. Как позже выяснилось, никто не

наблюдал за экраном Реффела несколько минут. Затем кто-то заметил, что экран стал совершенно темным. Не таким, каким он становится, когда прерывается связь, а таким, словно исчезло лишь изображение.

Барленнан бросил взгляд на Гузмиина и ученых. Никто из них не произнес ни слова, но это было и ни к чему. Никто не наблюдал за экраном Реффела, когда тот закрывал его! На такую удачу месклиниты и не рассчитывали.

Бендж продолжал говорить.

— Звук, конечно, остался включенным, поскольку никто из нас с Реффелом не разговаривал. Ни один из нас даже не представлял, что случилось. Это произошло как раз перед тем, как моя мама вызвала вас, менее получаса назад, а значит, между двумя исчезновениями прошло примерно около двух с половиной часов. На ваш второй вопрос ответа придется подождать, поскольку мистер Кавано еще не вернулся.

Барленнана несколько сбила с толку арифметика: юноша использовал название мер на месклинитском, а сами меры — земные. После нескольких секунд обдумывания он во всем наконец разобрался.

— Понятно, — заговорил он. — Если я правиль-

но тебя понял, вы послали нам сообщение через два часа после того, как «Квембли» вмерз в лед, а Кервенсер исчез. Не знаешь ли ты, почему так могло случиться? Конечно, я понимаю, что ничего не смог бы предпринять, но ведь я возглавляю экспедицию и должен постоянно быть в курсе всего, что происходит с лэнд-крейсерами. Я не знаю, чем именно ты занимаешься на станции. Возможно, ты просто многого не знаешь. Но я слышал от своего радиста, что ты довольно много беседовал с экипажем «Квембли», так что, может быть, ты сможешь помочь мне? Я жду.

Барленнан преследовал свои скрытые цели, произнося последнюю фразу. Очевидным было одно: он хотел побольше узнать о Бендже Хоффмане, и особенно потому, что тот очень хорошо владел языком месклинитов и, если Гуз не ошибался, похоже, с большой охотой беседовал с ними. Барленнан надеялся, что Бендж окажется таким же, как и другой Хоффман, второе симпатизирующее им существо на станции. Если так, то было важно знать, какое положение он занимает.

Кроме того, командир также исподволь хотел проверить утверждение Гузмиина, что юноша довольно часто и подолгу болтал с членами ко-

манды «Квембли». Наконец, даже Барленнан понимал, что Бендж весьма молод для человеческого существа, чтобы заниматься серьезной работой: его словарный запас и общий стиль речи ясно указывали на это. Это можно было бы весьма успешно использовать, если удастся установить достаточно близкие отношения.

Ответ юноши показался месклиниту весьма пространным и в то же время многообещающим.

— Я не знаю, почему вам не сообщили о Кервенсере и «Квембли» сразу же, — сказал он. — Лично я думал, что это было сделано. Я очень много общался с Битчермарлфом, вы должны его знать, он один из рулевых Дона. Мне очень нравилось беседовать с ним. Мы хорошо понимали друг друга. Когда я узнал, что он попал в беду, то сосредоточился на том, как бы ему помочь. Я находился в отсеке связи не все время, это не мое рабочее место, а просто приходил, когда появлялась возможность поболтать с Битчем. Я согласен, что кто-то должен был вам сообщить о случившемся раньше. Если хотите, то могу узнать, кто обязан был это сделать и почему он этого не сделал. Моя мама или мистер Мерсерэ должны знать.

Что же касается моей работы здесь, то, прежде

чем ответить на этот вопрос, я должен пояснить вам кое-что. На Земле, когда кто-нибудь заканчивает основное обучение, то есть овладевает письмом, чтением, счетом, изучает основы ряда наук, он должен поработать где-нибудь в таком месте, где не требуются особые знания или навыки, два или три наших года, и тогда ему разрешают получить либо специализированное образование, либо общее высшее. Никто не говорит об этом прямо, но все знают, что от людей, на которых вы работаете, зависит ваше будущее, то есть именно они определяют, чем лучше всего вам заняться. Номинально я прикреплен к аэрологической лаборатории в качестве так называемого мальчика на побегушках. На самом деле любой сотрудник станции, которому я попадусь на глаза, может дать мне задание. Главное — кто успеет опередить других. Но я не жалуюсь. У меня довольно много свободного времени, и за последние несколько дней я часто и подолгу беседовал с Битчем.

Барленнан исходя из своего пятидесятилетнего опыта достаточно легко догадался, что понимает его собеседник под словом «день».

— Конечно, — продолжил юноша, — знание вашего языка помогает. Моя мать — просто поме-

шана на языках, а я унаследовал это от нее. Она начала изучать стеннийский десять лет назад, когда папа впервые подключился к Дхраунскому проекту. Думаю, что теперь я в основном буду заниматься связью на полулегальном положении, то есть довольно много времени. А вот идет мистер Кавано с одним из астрономов, которого, если не ошибаюсь, зовут Тиббетс. Они ответят на вопрос, можно ли обнаружить свет на большом расстоянии, а я затем попытаюсь ответить на другие ваши вопросы.

На экране появилось изображение астронома, широкие черты темнокожего лица которого, пожалуй, удивили Барленнана. Он никогда еще не видел человеческое существо с бородой, хотя и привык к различному виду растительности на их черепах. Лицо Тиббетса украшала бородка с стиле Ван Дейка, которая вполне умещалась внутри шлема космического скафандра. Мескли-ниту же Тиббетс казался совершенно необычным существом. Поразмыслив, Барленнан решил, что задавать вопросы астроному о его внешности нетактично. Возможно, лучше попозже будет узнать об этом у Бенджа. Смутить кого бы то ни было — не лучший способ начать разговор.

К великой радости командира, это странное

продолжение лица нисколько не мешало его обладателю говорить. Как видно, Тиббетсу уже передали вопрос Барленнана, потому что он сразу же заговорил, на языке людей.

— Мы можем засечь отсюда любые искусственные огни на планете, включая и переносные, хотя могут возникнуть трудности с остронаправленными, обращенными не в нашу сторону. Мы используем стандартное оборудование. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что у нас есть все, что, скорее всего, вам понадобится. Чтобы подготовить приборы к работе, нужно несколько минут. Что именно мы должны сделать?

Этот вопрос застал Барленнана врасплох. После совещания со своими учеными он почему-то не сомневался, что люди постараются скрыть от месклинитов свои возможности. Конечно же, если бы командир был чуть более дальновиден, он не стал бы отвечать так, как сделал в эту минуту. И тут же пожалел о сказанном, еще до того, как его слова достигли станции.

— Тогда вы должны без особых усилий засечь наш лэнд-крейсер «Квембли». Вам ведь известно, где он находится, даже лучше, чем нам. Огни на его командном посту вряд ли погашены. Пропали два его вертолета, которые обычно также имеют

огни на борту. Я бы хотел, чтобы вы просканировали площадь, скажем, примерно в радиусе двух сотен миль от «Квембли», как можно тщательнее, попытались отыскать другие огни, а затем сообщили бы мне и Дондрагмеру, где они, если вам удастся их обнаружить. Как долго это может продлиться?

За время, необходимое для ответа, Барленнан успел сообразить, как он ошибся. Теперь уже ничего нельзя было изменить и оставалось лишь надеяться, что не совсем точный перевод поможет если не исправить, то хотя бы скрыть его ошибку. Пришедший ответ позволил ему немного воспрять духом. Быть может, ошибка оказалась не такой уж и серьезной, пока люди ничего не узнают о тех двух огнях неподалеку от «Квембли»!

— Боюсь, что обнаружить-то огни мы сумеем, — ответил Тиббетс, — а вот засечь точные координаты источников света будет гораздо труднее, особенно отсюда, со станции. Но я совершенно уверен, что мы сможем найти ваши пропавшие вертолеты, если у них по-прежнему горят бортовые огни. Если вы думаете, что они потерпели аварию, то, мне кажется, особых перемен в их бортовом освещении быть не должно. Я

тотчас же займусь этим вопросом.

— А как насчет их энергоблоков? — спросил Барленнан, решивший, раз уж начал, узнать все, даже самое худшее. — Если по каким-то причинам свет погас, может, вы сумеете обнаружить вертолеты по излучению?

К тому времени, как вопрос достиг станции, Тиббетс ушел, как и обещал. К счастью, рядом оказался Бендж, который и ответил на заданный вопрос. Эту информацию должны были знать все, кто хоть как-то связан с Проектом, и поэтому юноша, прежде чем попал на станцию, получил подробные объяснения.

— Термоядерные конвертеры испускают нейтрино, которые мы можем засечь, но мы не в состоянии точно определить их источник, — сообщил он командиру. — Именно для этого и предназначены теневые спутники. Они обнаруживают нейтрино, которые практически целиком приходят от солнца. Энергоблоки на Дхрауне и здесь, наверху, не слишком заметны на таком мощном фоне. Компьютеры следят за всеми спутниками, вычисляют, где они находятся и, в особенности, находится ли планета между каким-то определенным спутником и солнцем, так чтобы можно было измерить поглощение

нейтрино в различных частях планеты. Через несколько лет мы планируем получить статистический анализ Дхрауна с помощью рентгена. Может, для вас это не совсем понятно. Я имел в виду четкое представление о плотности и составе планеты. Как вы знаете, люди все еще спорят о том, планета Дхраун или звезда и откуда возникает избыточное тепло — из-за термоядерных реакций в ядре или из-за радиоактивности оболочки.

Но я уверен, насколько позволяют мои знания, что они не смогут найти ваши пропавшие вертолеты только по нейтринным эмиссиям, даже если их конвертеры и работают по-прежнему.

Барленнану удалось скрыть свою радость при этих новостях, и он просто ответил:

— Спасибо. Не можем же мы требовать от вас слишком многого. Как я понял, когда ваш астроном что-нибудь найдет или когда он будет уверен, что не найдет ничего, вы сообщите нам. Мне хотелось бы точно знать, могу ли я рассчитывать на это. Пока я закончил, Бендж, однако вызывай нас сразу же, как только что-нибудь выяснится о вертолетах или о твоих друзьях. Все-таки меня заботит их судьба, хотя, быть может, и не так, как тебя волнует судьба Битчермарлфа. Такуурч

мне ближе.

Барленнан, часто непосредственно общавшийся с человеческими существами и имеющий множество причин, по которым было необходимо развить подобное умение, сумел гораздо лучше понять Бенджа и определить, какие чувства испытывает юноша к Битчермалфу, чем это удалось Дондрагмеру. Он не сомневался, что эта дружба может оказаться весьма полезной, однако перестал думать об этом, как только отвернулся от коммуникатора.

— Что ж, могло быть гораздо хуже. Как, впрочем, и лучше, — заметил он обоим ученым. — И, конечно же, все-таки хорошо, что мы не установили эту световую систему связи для переговоров ночью. Они, определенно, заметили бы нас.

— Не уверен, — возразил Дисленвер. — Человек сказал, что они *могли* бы заметить такой свет, но это еще не значит, что они ведут подобные наблюдения. И если для таких наблюдений требуется специальное оборудование, готов побиться об заклад, что его используют для более важных дел.

— То же думал бы и я, если б ставки не были столь высоки, — возразил Барленнан. — Так или иначе, мы не можем рисковать теперь, поскольку они собираются обследовать эту область самыми

лучшими приборами, которые у них есть. Мы сами только что попросили их об этом.

— Но их не интересует Поселок. Они будут исследовать районы по соседству с «Квембли», в миллионах кабельтовых отсюда.

— Представь, что там, дома, ты смотришь вверх на Турей. Если ты собираешься исследовать одну его часть с помощью телескопа, то сколько усилий тебе понадобится, чтобы взглянуть и на другую часть?

Дисленвер отмахнулся.

— Тогда нужно либо подождать восхода солнца, либо организовать специальный полет, если мы хотим использовать «Эскет» так, как предлагаешь ты. Я признаю, что не придумал пока что-нибудь еще. Я даже не представляю, что мы могли бы использовать в качестве хорошего теста.

— Это не столь важно. Гораздо важнее узнать, насколько быстро, аккуратно и полно человеческие существа сообщат о том, что мы подготовим для них. У нас еще есть время. Я что-нибудь придумаю. Кстати, когда твои исследователи собираются отправляться в полет?

— Не скоро, — ответил Бендивенс. — Кроме того, я не согласен, что детали не имеют большого значения. Не хочешь ведь ты, чтобы у них

создалось впечатление, что мы, возможно, имеем какое-то отношение к тому, что они увидят на «Эскете». Они-то уж точно не глупы.

— Конечно. Я вовсе не недооцениваю их. Это будет что-то естественное. Не забывай о главном: человеческие существа знают еще меньше, чем мы, о том, что естественно для этого мира. Возвращайтесь в лаборатории и сообщите всем, у кого подготовлено оборудование для погрузки на «Диди», что отлет перенесен на более раннее время. Через пару часов я принесу вам письменное послание для Дестигмета.

— Хорошо.

Ученые направились к двери, и Барленнан чуть позже последовал за ними. Он только сейчас начал понимать, насколько важно замечание Бендивенса. Что же можно придумать такое, чтобы оно, находясь в поле зрения одного из передатчиков «Эскета», не позволило бы обнаружить, что месклиниты находятся по соседству, но привлекло бы внимание человеческих существ и заставило эти огромные создания изменить свои сообщения? Сможет ли он придумать нечто такое, даже не зная, почему доклады задерживались, более того — не будучи даже уверенным, что люди поступают так сознательно? Нельзя ис-

ключить вероятность, что задержка сообщений с «Квембли» вызвана обычным недосмотром. Как и предположил молодой человек, каждый из них мог подумать, что кто-то другой послал донесение. С точки зрения Барленнана как матроса это говорило о недопустимой некомпетентности и полном отсутствии дисциплины. Однако он уже неоднократно подозревал такие качества в человеческих существах, не в расе в целом, конечно, а у отдельных людей.

Конечно же, все нужно тщательно проверить, и передатчики «Эскета» сослужат для этого свою службу. Насколько было известно Барленнану, они по-прежнему активизированы. Естественно, месклиниты позаботились о том, чтобы никто не очутился в их поле зрения со времени «исчезновения» крейсера, и уже очень давно ни одно человеческое существо не упоминало о нем. Их, наверное, лучше было бы закрыть, а не обходить стороной, тогда, очевидно, месклиниты обладали бы куда большей свободой действий. Однако такая идея не пришла никому в голову, пока Дестигмет не отбыл выполнять приказ о создании второго Поселка, о котором люди не должны знать.

Как вспомнилось Барленнану, один из передат-

чиков находился на командном посту, один — в лаборатории, один — в ангаре, где обычно стояли вертолеты, и все они были аккуратно расположены так, чтобы не мешать регулярным полетам со дня происшедшей «катастрофы». Четвертый находился в секции системы жизнеобеспечения, хотя через него и нельзя было разглядеть вход в нее. Конечно же, потребовалось забрать почти все оборудование из этого отсека.

Несмотря на то что все тщательно продумывалось и подготавливалось, ситуация по-прежнему оставалась напряженной. Лаборатория и система жизнеобеспечения были почти недоступны. Пользоваться ими можно было лишь соблюдая великую осторожность, что, безусловно, раздражало Дестигмета и его старшего офицера Кабремма. Они неоднократно запрашивали разрешение закрыть коммуникаторы, но Барленнан отказывался, не желая снова привлекать внимание людей к «Эскету». Теперь, возможно, ему удастся убить двух зайцев. Неожиданное затемнение одного или даже всех четырех экранов наверняка заметят наблюдатели со станции. А вот что предпримут люди, решат ли они скрыть это событие от Поселка, никак нельзя сказать заранее. Вот так все и выяснится.

Чем больше он думал об этом, тем лучше, надежнее казался ему план. Барленнан испытывал ощущение, сходное с тем, какое испытывает любое разумное существо вне зависимости от его расы, когда решает сложную задачу без посторонней помощи. Он смаковал это удовольствие целых полминуты, пока его не нагнал еще один из курьеров Гузмиина.

— Командир! — Курьер сбавил скорость и теперь двигался рядом с Барленнаном по почти темному коридору. — Гузмиин просил передать, чтобы вы немедленно вернулись в отсек связи. Одно из человеческих существ, то, которое зовут Мерсерэ, появилось на экране. Гуз говорит, что он докладывает: на борту «Эскета» что-то происходит. Что-то движется в лаборатории!

10. Взвешенные данные

Поспешать за Барленнаном, когда тот неожиданно направился в другую сторону, оказалось для курьера непросто, однако ему удалось это сделать. Командир даже не заметил, что у сопровождавшего его курьера возникли какие-то трудности.

— Есть какие-нибудь подробности? Что и когда именно двигалось?

— Никаких. Человек просто появился на экране, без всякого предупреждения. Он сказал: «Что-то происходит на «Эскете». Передайте командиру». Гузмиин приказал мне срочно вернуть вас назад, в отсек связи, так что я больше ничего не слышал.

— Ты дословно повторил то, что он сказал? Он использовал наш язык?

— Нет, он говорил на своем. Его слова были следующими…

Курьер повторил фразу, на этот раз на том языке, на котором ее произнесли. Барленнану пришлось согласиться, что перевод был довольно точным.

— Тогда нам неизвестно, действительно кто-нибудь допустил промах и его заметили или, может быть, что-то уронили в поле зрения камер…

— Сомневаюсь, что кто-то был неосторожен. Человек вряд ли бы не узнал месклинита.

— Пожалуй. Что ж, к тому времени, как мы вернемся, должны появиться какие-нибудь детали.

Тем не менее, таковых не оказалось. Изображение Бойда Мерсерэ уже исчезло с экрана, когда Барленнан достиг отсека связи. Более того, что еще поразительнее, на экране не было вообще никого. Командир подозрительно посмотрел на Гузмиина. Офицер связи сделал жест, равнозначный пожиманию плечами.

— Он просто ушел, командир, не добавив больше ни слова.

Заинтригованный, Барленнан сжал рычаг «Внимание».

Бойда Мерсерэ сейчас больше волновали другие заботы. Значительная их часть имела отношение к событиям на Дхрауне, а вовсе не на «Эскете». Кроме того, сию минуту его мучили несколько вопросов, гораздо более насущных, чем гигантская звезда-планета.

В первую очередь нужно было успокоить Аукойна. Аукойн страшно разозлился, узнав, что

ему не сообщили о переговорах между Дондрагмером и Катини, а также командиром и Тиббетсом. Он готов был обрушить свою ярость на молодого Хоффмана, который нарушил заведенный порядок, взявшись не за свое дело, да еще и не поставив никого в известность. Вместе с тем Аукойн вовсе не хотел обижать или сердить Изи. Он очень ценил ее, считая самым незаменимым членом группы связи. Именно поэтому попало Мерсерэ и другим. Нужно ведь было Аукойну на ком-то сорвать злость.

Эту задачу Бойд считал несложной и не слишком серьезной. Он еще многие годы назад понял, что относиться к умиротворению административных работников надо как к бритью, то есть как к чему-то занимавшему время, но не требовавшему особого ума. И вообще это стоило проделать только затем, чтобы в будущем избавиться от лишних хлопот. На самом деле больше всего его беспокоило даже не странное происшествие на «Эскете», а состояние дел на «Квембли».

Его волновал вовсе не экипаж лэнд-крейсера. Пропавшие месклиниты не были его личными друзьями. Он в какой-то мере переживал, конечно, за них, как переживал бы за людей, даже если бы они не были близки ему.

Проблемой был сам «Квембли», и проблемой едва ли обычной. Лэнд-крейсеры и прежде, случалось, попадали в трудное положение, и до сих пор их всегда вызволяли. Таким образом, Мерсерэ мог бы полностью сосредоточиться на своих делах и ни о чем другом не думать, если бы его оставили в покое.

Однако в покое его не оставили. Бендж Хоффман так болел душой за все происходящее, что его чувства невольно передавались окружающим, даже когда он просто молча сидел рядом. Он прямо-таки излучал симпатию к месклинитам. И Бойд неожиданно ловил себя на том, что обсуждает с Дондрагмером, как быстро может растаять лед и начаться новый паводок и как это может повлиять на пропавших рулевых, гораздо более заинтересованно, чем полагалось бы выдержанному хладнокровному профессионалу. Все это просто раздражало. Битчермарлф и Такуурч, и даже Кервенсер — их судьбы ничего не меняли. От правильных действий специалистов зависело, спасется ли вся команда. Но рядом с Бенджем, даже если тот не произносил ни слова, любой человек, мыслящий здраво и объективно, казался бессердечным. И Мерсерэ не мог не поддаться этому влиянию.

Изи очень хорошо понимала, что происходит, но не вмешивалась, поскольку почти полностью разделяла чувства своего сына. Отчасти из-за того, что она была женщиной, отчасти из-за того, что сама пережила немало, она сильно симпатизировала Битчермарлфу и его спутнику. Примерно двадцать пять лет назад она сама попала в весьма схожую ситуацию, когда вследствие целой цепи ошибок очутилась в поврежденном беспилотном исследовательском корабле на очень жаркой планете с высоким давлением.

Более того, она пошла еще дальше, чем осмеливался Бендж. Дондрагмер мог и, наверное, послал бы поисковую группу к месту исчезновения Реффела, поскольку его координаты были известны. Вот только вряд ли он стал бы рисковать еще одним из трех оставшихся коммуникаторов. И все же Изи, используя то прямые доводы, то чисто эмоциональное воздействие, убедила капитана, что риск будет гораздо больше, если поиск вести без коммуникатора. Этот разговор, как и многие другие, шел без Аукойна. Даже споря с Дондрагмером, Мерсерэ задумывался о том, как будет оправдываться перед ним. Тем не менее, он целиком соглашался с Изи, а Бендж, стоя за его спиной, с трудом прятал улыбку.

Целиком поглощенный этой беседой, Бойд едва ли обратил внимание на сообщение другого наблюдателя, что какие-то предметы мелькнули на экране передатчика, располагавшегося в лаборатории «Эскета». Он быстро переключил каналы, передал сообщение в Поселок и тут же переключился снова на «Квембли», даже не подождав конца цикла связи. Позже он утверждал, что вообще не заметил названия «Эскета» в докладе, а посчитал это сообщение совершенно обычным докладом от одного наблюдателя или другого. В эту минуту он испытывал лишь раздражение из-за того, что его отвлекают от «Квембли», и, чтобы успокоиться, выбрал, по его мнению, самый простой и надежный способ — просто выкинул из головы все, что отвлекало его. А затем вскоре совершенно естественно вообще забыл об этом сообщении.

Бендж обратил на него еще меньше внимания. История с «Эскетом» произошла задолго до его прибытия на станцию, и название корабля почти ничего не значило для него, хотя как-то раз его мать и упоминала при нем о своих друзьях Дестигмете и Кабремме.

И конечно же, только Изи по-настоящему отреагировала на это сообщение. Она едва ли

обратила внимание на то, что говорил или делал Мерсерэ, и вовсе не собиралась сообщать Барленнану ничего, пока не узнает еще что-нибудь. Она тут же устроилась в кресле перед экранами, связанными с «утраченным» крейсером, и вся Вселенная перестала для нее существовать.

Барленнан, таким образом, почти ничего нового не узнал. Изи же, которая приняла его вызов, сама ничего не видела, а к тому времени, когда она сосредоточила свое внимание на экране связи с «Эскетом», всякое движение прекратилось. Сам же наблюдатель, который это заметил, смог лишь сказать, что видел два предмета: сложенный витком канат и короткую трубу, прокатившуюся по полу лаборатории крейсера. Возможно, нечто извне толкнуло их, хотя вокруг корабля не наблюдалось никаких признаков жизни вот уже несколько земных месяцев, и в равной степени, и даже более, было вероятно, что нечто накренило «Эскет», и поэтому предметы заскользили по полу.

Услышанное заставило Барленнана задуматься. Конечно, кто-то из команды Дестигмета мог допустить небрежность. Но также возможно и то, что во всем виноваты природные силы, во что, казалось, предпочитали верить люди. Но так

как сам Барленнан вынашивал тайные планы, то он заподозрил людей в том, что они все это придумали. В другое время он, вероятно, и отмел бы такую мысль, но не сейчас.

Было трудно понять, чего именно они хотят добиться подобной выдумкой. Едва ли это какая-то ловушка. Но тут нельзя ошибиться. А может, это просто-напросто розыгрыш? Или за всем этим кроется что-то серьезное? Барленнану пришлось признаться самому себе, что он не может ответить на мучившие его вопросы.

Так или иначе, он не любил домыслов. Гораздо легче принимать четкие и ясные доклады, не думая о подтексте. И если возникают какие-то недоразумения, то это лишь вина того, кто составлял донесение. Командир подумал, что раздражающей прямоте Дондрагмера, которая заставляла его осуждать затею с «Эскетом», все же приходится отдать должное.

Да, он согласится с тем, что доклад правдив. И, сделав это, повернет эту уловку против тех, кто ее придумал. Что ж, тогда остается лишь связаться с Дестигметом и проверить все. А значит, на «Ди-ди» придется отправить еще одно послание.

Если подумать, то, в общем-то, есть еще одна возможность проверить правдивость сообщений

людей. Это донесение, правдиво оно или нет, поступило достаточно быстро. К этому должна была иметь отношение миссис Хоффман.

Мысль о том, что Изи причастна ко всему этому, серьезно меняла дело, поскольку ее, пожалуй, Барленнан и Аукойн разделили бы, хотя, конечно, последний ничего не слышал о новом инциденте с «Эскетом». Даже Мерсерэ ничего не подумал на этот счет. Он все еще был занят иными делами.

— Изи! — Бойд отвернулся от своего микрофона. — Мы, похоже, все-таки убедили Дона. Он дает видеокамеру своей поисковой группе из шести матросов. И он хочет проверить, насколько точно определил расстояние до места, где исчез Реффел. Он считает, что мы сможем точно сказать, где находился передатчик. Может быть, в свое время мы его и определяли, но не уверен, что где-нибудь записали. Не хотите ли поговорить с ним, пока я схожу к картографам, или, может быть, вы сходите сами?

— Я хочу еще немного понаблюдать здесь. Пусть Бендж сходит, если он хотя бы на минуту сможет оторваться от экранов.

Она полувопросительно посмотрела на сына. Тот кивнул и тут же исчез. Однако он пропадал дольше, чем она ожидала, и вернулся в несколько

удрученном состоянии.

— Они сказали, что с удовольствием дадут мне карту записанной первой части полета Реффела, до того, как я велел ему изменить маршрут. Они лишь смогли сообщить, что место, где он исчез, вне карты. На карту нанесена долина только на милю западнее того места, где сейчас находится крейсер.

Мерсерэ раздраженно хмыкнул:

— Я совсем забыл об этом.

Он повернулся к микрофону, чтобы передать эту, хотя и не слишком утешительную, информацию Дондрагмеру.

Нельзя сказать, что капитан сильно удивился или расстроился. Он уже сам прикинул примерное расстояние и направление, в котором следовало послать Стакенди, возглавлявшего поисковую группу.

— Мне кажется, человеческие существа были правы, сказав, что вам следует прихватить с собой передатчик, — заметил капитан. — Хотя его неудобно нести и мне бы не хотелось потерять его, зато мы будем точно знать, где вы находитесь. Я все еще беспокоюсь, как бы не повторился паводок, который принес нас сюда, а люди, находящиеся наверху, на станции, пока не могут дать

никаких точных прогнозов. Они уверены, что начинается сезон весенних паводков. Но так как у вас будет передатчик, они смогут заблаговременно предупредить вас, если узнают что-нибудь важное, а вы сможете связаться со мной через них, если сами что-то обнаружите.

— Я сам еще не знаю, что лучше всего предпринять, если начнется паводок, — сказал Стакенди. — Конечно, если мы окажемся близко от «Квембли», то постараемся вернуться на борт как можно быстрее, а если успеем уйти довольно далеко от крейсера, то в этом случае направимся к северной границе долины, которая кажется ближайшей к нам. Правда, я не уверен, что это самый лучший вариант. Если корабль унесет вниз по течению, то, даже если мы и переживем паводок, нам придется добираться до него не меньше года.

— Я тоже думал об этом, — ответил капитан, — но так ничего и не решил. Дело в том, что корабль может не вынести еще одного плавания. Не знаю, нужно ли нам потратить время, чтобы вытащить оборудование системы жизнеобеспечения из корабля и перенести его на окраину долины, прежде чем продолжить попытки вызволить корабль из ледового плена. Твое замечание весьма важно,

и, скорее всего, лучше дать вам передатчик, как ради вашей безопасности, так ради и нашей. Что ж, берите и отправляйтесь. Чем скорее вы вернетесь, тем меньше нам придется беспокоиться о паводках.

Стакенди жестом выразил согласие, и уже через пять минут Дондрагмер увидел, как его группа из шести матросов показалась из главного шлюза. Передатчик придавал поисковой группе гротескный вид. Пластмассовый блок, имеющий высоту и ширину по четыре дюйма и длину двенадцать дюймов, тащили на носилках двое носильщиков. Трехфутовые шесты, закрепленные на расстоянии двух футов, поддерживались на скобах, располагавшихся посередине восемнадцатидюймовых тел месклинитов-носильщиков. Шесты и скобы были изготовлены из материалов, хранившихся среди корабельных припасов — честно говоря, никому не нужного хлама, которого в хранилищах оказалось целые тонны, что было странно и нелепо для крейсера, приводимого в движение термоядерной энергией.

Поисковая группа обогнула нос «Квембли», повернутый на северо-запад, и двинулась прямо в западном направлении. Дондрагмер понаблюдал за ее огнями несколько минут, пока они огибали

большие камни, но ему пришлось вернуться к другим делам еще задолго до того, как они пропали из виду.

Месклиниты рассредоточились по всему корпусу, высвобождая радиатор. Дондрагмер очень неохотно отдал приказ начать эту работу, ведь она разрушала корабль, но, взвесив все за и против, он понял, что другого выхода нет, и принял решение. А решив что-то однажды, он более не мучился, прав был или нет. Точно так же, как большинство людей считало дроммиан типичными параноиками, большинство месклинитов, знавших землян, считало их очень нерешительными. Дондрагмер, приняв решение и отдав приказ, теперь просто наблюдал за тем, чтобы при разборке корпусу были причинены наименьшие повреждения. Со своего командного мостика он не мог разглядеть всего, что делается на корме, где проводники выходили из корпуса наружу. Несколько позже ему придется выйти из корабля, чтобы проследить, как там идут работы. Может быть, даже лучше прихватить с собой видеокамеру и позволить людям-инженерам наблюдать за операцией. Конечно, из-за задержки в связи им будет трудно вовремя предотвратить серьезную ошибку, но лишний глаз не повредит.

Все шло нормально, и работу можно было доверить Праффену. Проблему, которую капитан упомянул в разговоре со Стакенди, нужно было очень серьезно обдумать. Оборудование системы жизнеобеспечения демонтировалось легко, и он мог выделить несколько членов экипажа, чтобы перенести его, не слишком сокращая число тех, кто занимался размораживанием. Но если начнется новый паводок, когда оборудование будет находиться на земле, а «Квембли» унесет довольно далеко, могут начаться серьезные неприятности.

Система жизнеобеспечения с полностью замкнутым циклом, использовавшая месклинитские растения, зависела от термоядерных конвертеров, снабжавших ее основной энергией. Она имела в своем составе как раз такое количество растений, которое было необходимо для нужд команды. Если бы их оказалось намного больше, то не хватило бы месклинитов, чтобы заботиться о самих растениях! Вполне возможно, что придется перенести часть системы и оставить остальное, а затем расширять ту или иную часть, чтобы система могла обеспечивать команду, если обстоятельства вынудят всех либо подняться на корабль, либо сойти на берег. Подготовить еще

несколько цистерн совсем нетрудно, но заставить ту или иную культуру разрастаться, чтобы она снабжала месклинитов достаточным количеством водорода — на это может уйти слишком много времени, и тогда всем грозит гибель.

Все же очень плохо, что связь осуществлялась через станцию людей. Одной их главнейших задач «Эскета» было модифицировать старую систему жизнеобеспечения либо создать новую, способную поддерживать жизнь большего числа месклинитов. Исходя из того, что Дондрагмер знал, это можно было сделать уже много месяцев назад.

Его раздумья были прерваны передатчиком.

— Капитан! Здесь Бендж Хоффман. Не будет ли для тебя чрезмерно трудным установить одну из видеокамер так, чтобы мы могли наблюдать за теми, кто занят размораживанием? Может быть, для этой цели годится тот, что на командном посту, если переместить его чуть ближе к правому борту и развернуть в сторону кормы.

— Это будет довольно легко сделать, — ответил капитан. — Я как раз думал, что было бы неплохо, если б кто-нибудь из ваших людей последил за работой.

Поскольку передатчик весил меньше пятисот

фунтов в поле тяготения Дхрауна, то оказалось, что лишь его неудобные размеры вызвали мелкие осложнения. Представьте себе человека, пытающегося передвинуть пустой ящик из-под холодильника. Толкая передатчик перед собой по палубе и даже не пытаясь поднять, Дондрагмер поместил его в нужное место буквально за несколько секунд. Через некоторое время пришло подтверждение от юноши.

— Спасибо, капитан. Все в порядке. Я могу разглядеть поверхность у правого борта и, как мне кажется, вижу и главный шлюз, а также членов команды, работающих по обе стороны. Правда, трудно судить о расстояниях, но я знаю, насколько велик «Квембли» и как далеко находится главный шлюз, и, конечно, мне известны размеры месклинитов, так что, думаю, ваши прожекторы позволят мне разглядеть лед примерно ярдов на пятьдесят-шестьдесят за пределами шлюза.

Дондрагмер удивился:

— Я вижу на расстояние, втрое превышающее указанное тобой. Нет, подожди-ка. Ты используешь ваши двенадцатеричные числа, так что число не такое большое. Однако я действительно вижу дальше. Должно быть, мои глаза лучше ваших видеоячеек в передатчиках. Я надеюсь, ты

наблюдаешь не только за тем, что происходит там. Ты видишь все остальные экраны, связанные с «Квембли»? Или за ними наблюдают другие люди? Я хотел бы поддерживать постоянный контакт со своей поисковой группой, насколько это возможно. Она только что вышла на поиски. После происшедшего с Реффелом я опасаюсь за них и их передатчик.

Пока Дондрагмер посылал это сообщение, его непрестанно мучила совесть. С одной стороны, он нисколько не сомневался, что Реффел закрыл свой передатчик намеренно, хотя еще меньше, чем Барленнан, понимал, зачем он это сделал. С другой стороны, он не одобрял секретности всего маневра с «Эскетом». Одновременно он не хотел сделать что-нибудь, из-за чего планы Барленнана рухнули бы, и серьезно огорчился бы, если б все открылось. Естественно, нельзя отбрасывать вероятность того, что Реффел на самом деле попал в беду, однако если бы с ним, и правда, что-то случилось, то, находясь всего лишь в нескольких милях от «Квембли», он уже давно бы успел вернуться, даже пешком, и все объяснить.

В общем, у Дондрагмера имелось неплохое оправдание, к тому же судьба Кервенсера на самом деле была неизвестна, но просто он не любил

лгать и изворачиваться.

— Все четыре экрана прямо передо мной, — пришло заверение Бенджа. — Сейчас я один сижу возле них, хотя в отсеке связи есть и другие люди. Моя мать находится примерно в десяти шагах от меня, у экранов «Эскета». Тебе сообщили, что на них что-то двигалось? Мистер Мерсерэ только что затеял новый спор с мистером Аукойном. — Барленнан многое бы отдал, чтобы услышать эту фразу. — Со мной в отсеке находятся примерно еще десять наблюдателей, следящих за другими экранами, но я не знаю никого из них достаточно хорошо. Экраны Реффела по-прежнему черны. Пятеро матросов работают в отсеке «Квембли», где установлен еще один передатчик, но я не могу определить, чем именно они заняты. Ваша пешая поисковая группа пока движется вперед. Прожекторы, которые они несут с собой, не столь сильные, как те, что на «Квембли», и поэтому я вижу лишь силуэты, и если возникнут какие-то неприятности, я, боюсь, смогу заметить опасность не раньше, чем они сами. И конечно же, нужно учесть еще и задержку во времени, пока сообщение идет туда и обратно.

— Не напомнить ли им об этом? — спросил Дондрагмер. — Главного зовут Стакенди. Он до-

вольно плохо владеет вашим языком. Однако он твердо полагается на вас и ваше оборудование и считает, что вы сумеете его вовремя предупредить. И боюсь, что, приняв это как само собой разумеющееся, он может ослабить бдительность и попасть в беду. Пожалуйста, напомни ему, что связь между ним и мною исключительно непрямая.

Ответ юноши пришел значительно позже, чем это могла объяснить одна лишь задержка из-за скорости распространения радиоволн. Очевидно, он сразу начал передавать просьбу, даже не подумав отослать подтверждение, что она получена. Капитан решил не заострять на этом внимания, ведь Хоффман еще очень молод. Имелось множество других дел, которыми Дондрагмеру необходимо было заняться, и он занялся ими, словно забыл о незаконченной беседе до тех пор, пока голос Бенджа снова не раздался на командном посту.

— Я переговорил со Стаком и все передал ему. Он обещал быть осторожным. Пока они еще не очень далеко отошли от «Квембли» и все еще находятся среди камней, которые тянутся на некоторое расстояние вверх по течению. Я думаю, они все еще не миновали область, карту которой

мы успели составить, хотя сам я не могу отличить даже и квадратного ярда этого каменного сада от другого точно такого же. Поверхность представляет собой гладкий лед с выступающими из него булыжниками, а иногда встречаются булыжники, не покрытые льдом. Мне непонятно, насколько успешными могут оказаться поиски. Даже если они взберутся на самый высокий камень, то увидят просто множество других, примерно таких же, которые, безусловно, закрывают дальний обзор. Вертолеты не так уж и велики, а вы, месклиниты, еще меньше.

— Мы думали об этом, когда высылали поисковую группу, — ответил Дондрагмер. — Конечно, успешные поиски среди больших камней практически невозможны, если пропавшие либо мертвы, либо потеряли сознание. Тем не менее, как ты сам сказал, несколько дальше начинается открытое плато. В любом случае, вполне возможно, что Керв или Реффел смогут откликнуться на зов или сами позвать на помощь. И, конечно, ночью можно скорее кого-то услышать, чем увидеть. Кроме того, впереди таится серьезная опасность, ставшая причиной их исчезновения, поисковая группа не может не столкнуться с ней.

Капитан почти не сомневался в том, что отве-

тит Бендж на его последнюю фразу. И он оказался прав.

— Обнаружить что-то, погубив целую группу, — не слишком ли высокая цена за знание?

— Но ведь мы должны знать, что там произошло на самом деле. Пожалуйста, поддерживай постоянную связь с группой Стакенди, Бендж. Мне придется заняться другими многочисленными делами, а ты узнаешь о происходящем по меньшей мере на полминуты раньше меня, так или иначе. Я не знаю, решают ли что-нибудь эти секунды, но все-таки ты немного ближе к Стаку по времени, чем я.

Кроме того, сейчас мне надо выйти наружу. Мы добрались до такого места на корпусе корабля, где металлический стержень нужно снимать крайне осторожно. Я вытащу один из передатчиков, чтобы поддерживать постоянный контакт с вами, но не смогу отвечать вам, так как буду в гермокостюме. Уровень громкости ваших передатчиков не слишком высок. Я вызову тебя сразу же, как только вернусь. К сожалению, здесь нет никого, кого можно было бы оставить на вахте. А тем временем, пожалуйста, записывай в журнал все, что будет происходить с группой Стакенди.

Капитан подождал ровно столько, сколько

понадобилось, чтобы получить подтверждение от Бенджа, которое на этот раз прибыло вовремя, а затем направился к шлюзу и стал надевать гермокостюм. Предпочитая передвигаться внутри корпуса судна, а не снаружи, он вновь по лестнице вернулся на командный пост, чтобы использовать малый шлюз, выходивший на поверхность. Шлюз был сделан в виде U-образной трубки, заполненной жидким аммиаком и достаточно широкой, чтобы в ней могло поместиться тело месклинита в гермокостюме. Дондрагмер отомкнул внутренний люк, забрался в трехгаллонный бассейн с жидкостью, и крышка закрылась за ним. Он проследовал вниз, по изгибу, и вынырнул на поверхность, открыв такую же крышку, но уже снаружи командного поста.

Когда он почувствовал, как гладкий пластик корпуса изгибается под ним, со всех сторон, кроме кормы, он непроизвольно напрягся, но быстро совладал со своими чувствами, ибо неоднократно бывал и в более высоких местах. Его клешни быстро мелькали, хватаясь за поручни, пока он передвигался к корме, туда, где оставались еще не разъединенными несколько соединений рефрижератора. Два из них были проведены сквозь корпус, как электрические контакты, и, таким

образом, именно они более всего заботили Дондрагмера. Другие, как он надеялся, вынимались из корпуса крейсера подобно гвоздям, однако их придется отрезать, но отрезать так, чтобы потом снова можно было подсоединить. Сварку и пайку Дондрагмер знал только теоретически. Ему, правда, было известно, как это нужно делать, и он не сомневался, что надо оставить какие-то отрезки снаружи, чтобы потом к ним приварить или припаять стержни. Капитан хотел удостовериться, что все будет сделано правильно.

Как ему сказали, отрезать стержни будет несложно, даже месклинитскими ножницами. Он тщательно выбрал точки, где должны быть сделаны разрезы, и приказал двум матросам заняться этим делом. Остальных он предупредил, чтобы те отошли подальше, когда стержень будет высвобожден. Это касалось не только тех, кто находился внизу, на поверхности, но и тех, кто сейчас был на корпусе. Как только стержень отрежут, его придется аккуратно спустить на поверхность, но Дондрагмера весьма беспокоил его вес, и он понимал, что стержень может выскользнуть и упасть. И тогда кто-нибудь серьезно пострадает, если стержень свалится на него с такой высоты. Чрезвычайно слабое тяготение

Дхрауна вряд ли спасет.

Вся операция длилась почти час. Капитан часто думал о пешей поисковой группе, но ему было необходимо проверить еще одну часть проекта расплавления льда. Он снова вернулся на корабль и направился в лабораторию, где Бордендер готовил энергоблок к сопряжению со временным сопротивлением. На самом деле нужно было сделать не так уж много. Разнополюсные гнезда, по одному на каждом из концов блока, должны обеспечить подведение постоянного тока к стержню, как только его концы вставят в них. А если потребуются какие-нибудь изменения, то поработать придется над стержнем, а не над энергоблоком. Капитану потребовалось лишь несколько секунд, чтобы убедиться, что ученый все делает правильно, и он заспешил на свой капитанский мостик. И лишь когда он добрался туда и попытался вызвать Бенджа, то понял, что так и не снял гермокостюм. Говорить с Бордендером сквозь гермокостюм было можно, а вот разговаривать с человеком по радио — совсем никак. Он быстро начал снимать костюм, но, открыв только голову, снова заговорил.

— Я вернулся, Бендж. Есть какие-нибудь новости у Стакенди?

Пока вопрос летел в пространстве, он закончил снимать костюм, расправил его и положил рядом с центральным люком. Ему здесь было не место, но на то, чтобы спуститься вниз и положить его возле остальных у шлюза, может не хватить времени, и Дондрагмер не успеет к ответным словам Бенджа.

— Ничего важного, насколько я могут судить, капитан, — послышался голос юноши. — Они прошли уже довольно много, хотя я и не могу сказать, сколько точно — наверное, мили три с тех пор, как ты выходил наружу. По-прежнему никаких следов обоих вертолетов, и единственное, что они или я могли заметить и что могло обеспокоить их, — это случайные тучи на высоте нескольких сот футов. По крайней мере, так оценил высоту Стак. Сам я не могу разглядеть их достаточно хорошо, поскольку они дрейфуют в сторону «Квембли». Мне кажется, если вертолет вдруг случайно попал в большое облако и потерял ориентацию, то он мог рухнуть, тем более, если облако было низким и он не успел выбраться из него. Эти машины не оснащены приборами для полетов вслепую, да? Просто трудно поверить, что так все и вышло. И, конечно, если бы они пытались увидеть землю, а не смотрели бы по

сторонам… Но ни одно из этих облаков, которые мы видели, не настолько велико, чтобы в нем можно было заблудиться, утверждает Стак.

Дондрагмер тоже сомневался, что во всем виноваты облака, он не поверил бы в это, даже если б не имел особого мнения на этот счет. Он взглянул на небо. Облака еще не достигли «Квембли», и всюду весело перемигивались звезды. Поскольку Бендж сообщил, что облака, замеченные Стакенди, двигались к крейсеру, то они, скорее всего, идут с края долины, то есть находятся гораздо западнее тех мест, где должны находиться вертолеты. Собственно, что, касается Кервенсера, так он мог находиться очень, очень далеко от «Квембли». А кроме того, Реффел, видимо, так и не встретился с ним. Дондрагмер снова сосредоточил свое внимание на экране, поскольку Бендж продолжал говорить.

— Стак сообщает, что русло потока заметно поднимается, но он не объяснил мне, как узнал это. Он сказал лишь, что они, с тех пор как вышли с «Квембли», все время идут вверх.

«Видимо, изменилось давление, — подумал Дондрагмер, — оно всегда более заметно в гермокостюмах». Даже просто спускаясь или поднимаясь по корпусу судна, месклиниты четко

ощущали, как изменяется степень жесткости костюмов. Кроме того, поток, который принес сюда крейсер, был довольно быстрым. Даже с учетом тяготения Дхрауна разница высот должна быть весьма внушительной.

— Иные изменения они увидели только в ложе потока. Группа уже миновала булыжники. Теперь в основном идет голый камень лишь с пятнами льда во впадинах.

— Хорошо. Спасибо, Бендж. А ваши метеорологи что-нибудь выяснили насчет вероятности другого паводка?

Юноша фыркнул, но этот звук почти ни о чем не говорил месклиниту.

— Боюсь, что ничего. Доктор Макдевитт просто не уверен. Доктор Аукойн долго выговаривал ему за это, и потому мой босс только недавно освободился. Он заявил, что людям потребовалось несколько столетий, чтобы они научились делать надежные десятидневные прогнозы на Земле, планете, полностью доступной для всевозможных измерений. Любой, кто ждет, что прогнозирование погоды будет отточено за пару лет для такого большого мира, как Дхраун, где нам доступен лишь крошечный участок поверхности планеты, когда приходится иметь дело по

меньшей мере с двумя долговременными факторами, да еще температура меняется в пределах от пятидесяти до тысячи по Кельвину и более, тот должен просто верить в чудеса. Он сказал, нам просто повезло, что эта немыслимая погода не породила ледовые поля, которые с повышением температуры тут же превратились бы в болота. Тогда, чуть только температура бы снова упала, могли разразиться страшные бури с дождем и снегом, что привело бы к обледенению не только капитанского мостика, но и всего корпуса корабля. И вообще тут вполне можно ожидать кучу всяких сюрпризов — вроде тех, что выдает компьютер, когда в программе меняют всего только одну переменную. Было просто смешно наблюдать за тем, как доктор Аукойн пытался его успокоить. Обычно все происходит наоборот.

— Жаль, что мне не удалось все это услышать. Похоже, тебе это доставило удовольствие, — заметил капитан. — А ты доложил своему шефу об облаках, которые увидел Стакенди?

— О, конечно, я сообщил всем. Правда, это произошло всего лишь несколько минут назад, и никто пока еще не высказался по этому поводу. Впрочем, еще рано, капитан, делать какие-нибудь выводы, не говоря уж о прогнозах.

Информации мало. Но, тем не менее, кое-что есть. Доктор Макдевитт очень заинтересовался, на сколько именно футов поднялась группа Стака, и сказал, что, если облака, о которых они сообщили, еще не достигли «Квембли», он хотел бы как можно точнее знать время, когда это произойдет. Я весьма сожалею: мне следовало бы сказать об этом сразу.

— Ничего страшного, не извиняйся, — ответил Дондрагмер. — Небо здесь по-прежнему чистое. Как только появятся облака, я тут же сообщу на станцию. Скажи, доктор Макдевитт подозревает, что надвигается туман, подобный тому, который предшествовал паводку?

Несмотря на исключительное умение месклинитов владеть собой, капитан ждал ответа с чувством некоторого беспокойства.

— Он не говорил этого, да и вообще не хочет ничего утверждать. Он уже и так много раз ошибался, и ему попадало за это. Он больше не хочет рисковать своей репутацией и, насколько я понимаю, отважится давать прогнозы, если поймет, что вам угрожает опасность. Подожди-ка! На экране Стака что-то появилось.

Дондрагмер напрягся.

— Позволь, я проверю. Да, все матросы Стака,

кроме одного, на виду, а тот, которого не видно, должно быть, несет задний конец передатчика, потому что он по-прежнему передвигается. Впереди появился свет. По крайней мере, он ярче, чем тот, которым располагает группа поиска. Во всяком случае, мне так кажется, но расстояние так велико, что не могу утверждать наверняка. Не знаю, заметила ли его группа Стака, но думаю, что не могла не заметить, ведь ты сказал, что ваши глаза лучше наших видеокамер. — Он на несколько секунд отвернулся от экрана. — Мама, ты не хочешь взглянуть? Может, нужно сообщить обо всем Барленнану? Я буду держать Дона в курсе. — Затем он продолжил: — Да, Стак заметил его, и вся группа остановилась. Свет тоже не двигается. На передатчике Стака громкость включена до предела, но я не понимаю ни слова из того, о чем они говорят. Они сняли передатчик, поставили его на землю, и все столпились перед ним. Теперь я вижу всех шестерых. Почва здесь почти полностью обнажена, льда очень мало. Никаких камней. Сейчас матросы Стака выключили свои прожекторы, и я ничего не могу разглядеть, кроме нового света. Он становится все ярче, но, как мне кажется, это видеоячейки реагируют на общую темноту поля. Я ничего не вижу вокруг,

все как в тумане.

Что-то, вроде, закрыло камеру на мгновение. Нет, все снова в порядке. Я могу различить силуэты и уверен, что это кто-то из поисковой группы, должно быть, он приподнялся, чтобы получше разглядеть, что впереди. А теперь я слышу какие-то звуки, но не могу разобрать слов. Не понимаю, почему… Подожди-ка. Матросы Стака снова включили свои прожекторы. Двое их них возвращаются к передатчику, снова поднимают его и несут к остальной группе. Все огни сейчас перед ним, так что теперь я все вижу достаточно четко. Виден туман, клочья которого несутся на высоте нескольких футов, а может, и дюймов, и новый свет идет откуда-то сверху. На почве нет никаких отметок. Просто голый камень, шесть месклинитов, распластавшихся на нем, их прожекторы и темная линия между ними, которая может быть как каменистой насыпью другого цвета, так и узким руслом, идущим к ним слева и уходящим вправо от меня на экране. А теперь я, вроде, вижу какое-то движение где-то рядом с новым светом. Быть может, это прожектор на вертолете. Я не знаю, как именно они расположены на машинах и как высоко могут находиться над поверхностью, когда машины припаркованы, и

насколько они ярки.

Так, сейчас видно несколько лучше. Да, действительно, что-то движется. Оно надвигается на нас, просто черное пятно в тумане. Оно идет без света. Если мои предположения насчет расстояния имеют какой-то смысл, хотя, скорее всего, я ошибаюсь, то его размеры примерно таковы, как и размеры месклинитов. Может быть, это Кервенсер или Реффел.

Да, я почти уверен, это месклинит, но он все еще довольно далеко, чтобы я мог его узнать. Я плохо знаю и Кервенсера, и Реффела и вряд ли смог бы отличить одного от другого. Он пересекает линию. Должно быть, это поток, потому что брызги на какую-то секунду блеснули в луче прожектора. Сейчас он находится всего лишь в нескольких ярдах, и другие окружают его. Они о чем-то переговариваются, но недостаточно громко, чтобы я мог разобрать что-либо. Если они подойдут чуть ближе к передатчику, я спрошу, кто это, но, как мне кажется, они скоро сообщат об этом сами. Я не могу спросить сейчас, они не услышат меня сквозь гермокостюмы, если только не окажутся рядом с передатчиком. Сейчас все направляются к передатчику, и группа расходится. Двое остановились прямо перед камерой.

Похоже, это Стакенди и тот, кто только что…

Его прервал голос, раздавшийся позади него. Он достиг не только его ушей, но и трех включенных микрофонов, и через них трех различных приемопередатчиков на Дхрауне, где вызвал три весьма различные реакции.

— Кабремм! Где же ты был все эти месяцы?! — вскрикнула Изи.

11. Игра с радио

В действительности вина Кабремма была не так уж велика, хотя Барленнан долго не мог простить его. Передатчик находился вдали от прожекторов. Когда новоприбывший присоединился к группе Стакенди, он не смог разглядеть прибор, а позже просто не заметил его и, лишь очутившись в двух-трех футах от передатчика, понял, что это такое. Но даже и тогда не встревожился: все люди так похожи — не разберешь, кто есть кто; наверное, и его соплеменники столь же неотличимы для людей. Конечно, он предпочел бы не попадать в поле зрения видеокамеры, но раз уж так получилось, лучше не дергаться. Попытка спрятаться только вызовет подозрения.

Когда же из динамика послышался голос Изи, выпалившей его имя, стало очевидно, что действовать поздно; спасительные шестьдесят четыре секунды истекли. Первым побуждением Стакенди было потянуться к шторке видеопередатчика, но месклинит вовремя понял, что это лишь все усложнит.

Чего он не понимал, так это как вести себя даль-

ше. Ни Кабремм, ни Стакенди не умели плести интриги, хотя на Месклине обман был обычным делом как в торговле, так и в политике. К несчастью для заговорщиков, оба они туго соображали. Вопреки опасениям Дондрагмера затея с «Эскетом» развивалась так успешно… А теперь, что ни предприми, только хуже будет. Ведь неизвестно, как поведут себя Барленнан и Дондрагмер. Сговориться, увы, невозможно.

Несколько секунд Стакенди прикидывал, нельзя ли выдать Кабремма за пропавшего Реффела или Кервенсера. Нет, не поверят. Миссис Хоффман произнесла имя так уверенно. Наверняка узнала Кабремма. Да и тот может не найтись сразу, брякнет что-нибудь. Скорее всего, он понятия не имеет о положении пропавших. Человеческое существо молчит, должно быть, ждет ответа. Что она успела увидеть за это время?

Барленнан тоже услышал восклицание Изи и оказался не в лучшем положении. Он мог лишь гадать, почему Кабремм вдруг очутился поблизости от «Квембли», хотя инцидент с Реффелом и подготовил его к чему-то подобному. Только один из трех воздушных шаров использовался для регулярного сообщения между «Эскетом» и Поселком; остальные — ими командовал Дестиг-

мет — обычно находились в исследовательских полетах. И все же Дхраун слишком велик, чтобы появление одного из них по соседству с «Квембли» не оказалось неприятным сюрпризом.

Как ни огорчительно, похоже, как раз это и произошло. На редкость неудачное стечение обстоятельств. И надо же, чтобы единственный человек во Вселенной, который может отличить Кабремма от сородичей, увидел его в самый неподходящий момент!

Итак, люди знают, что команда «Эскета» не погибла. На этот случай у командира не было припасено никакого плана, никакой истории, которую можно подсунуть людям, рассчитывая, что ею воспользуется и Кабремм. Может быть, Дондрагмер что-нибудь придумает? Конечно, капитан постарается, что бы ни думал обо всем этом деле. Но *что, что* он может придумать? Барленнан не имел ни малейшего понятия о том, что скажет Дондрагмер, и лихорадочно соображал, как отвечать на вопросы людей? А вопросов не избежать, стоит ему только достичь Поселка. Пожалуй, самой безопасной тактикой будет прикинуться, будто он в полном неведении, и потребовать полный рапорт у Дондрагмера. Капитану, быть может, удастся, по крайней мере,

помешать Кабремму, свалявшему дурака, окончательно загубить дело.

Барленнан переполошился бы не на шутку, знай он, *где* месклиниты с «Квембли» встретили Кабремма. Изи за несколько секунд до своего восклицания сообщила ему, что Бендж что-то заметил на экране «Квембли». Если бы не это, командир бы непременно предположил, что Кабремм случайно оказался в поле зрения передатчика «Эскета». Его не посвятили в детали поисковой экспедиции Стакенди, и Барленнан вообразил, что инцидент произошел на борту «Квембли», а не в пяти милях от корабля.

Невелика дистанция — пять миль, но это ничуть не лучше пяти тысяч, потому что и на таком расстоянии связь можно поддерживать только через людей. Дондрагмер, таким образом, имел столько же шансов прикрыть провал, сколько и сам Барленнан. Тем не менее, сам того не подозревая, капитан «Квембли» ухитрился сделать это.

Он тоже услышал восклицание Изи, и гораздо явственнее, чем Барленнан, из-за того что женщина в волнении отодвинулась от своего микрофона и оказалась ближе к другому. Капитан не придал ее возгласу особого значения, поскольку был поглощен обдумыванием слов, которые несколь-

ко секунд назад пробормотал Бендж. Эти слова так его обеспокоили, что Дондрагмер допустил промах, которого все после первых же сеансов связи между планетой и орбитальной станцией научились избегать. Он послал срочный вызов на станцию, прервав Бенджа на полуслове:

— Пожалуйста, прежде чем продолжишь, сообщи мне дополнительные данные об этой жидкости. Как я понял из твоих слов, в русле реки, в поле зрения видеопередатчика Стакенди, движется поток. Если это так, пожалуйста, передай следующий приказ: «Стак, вместе с двумя матросами отправляйся вверх по течению, и немедленно! Сообщайте все свои наблюдения, в особенности о размерах и скорости течения. Трое других матросов пусть следуют вниз по течению и посмотрят, насколько близко поток подходит к «Квембли». Определив это, они должны немедленно вернуться к крейсеру. Кого нашли, сообщите позже. Пока я просто рад, что один из пропавших нашелся. Если поток — начало следующего паводка, лучше всего прекратить работы и как можно быстрее перенести оборудование системы жизнеобеспечения из корабля в безопасное место». Пожалуйста, проверь и немедленно передай эти приказы Стакенди!

Сообщение Дондрагмера начало поступать, едва Изи закончила предложение, задолго до того, как Кабремм или Барленнан могли бы ответить на ее реплику. Мерсерэ и Аукойн по-прежнему отсутствовали, так что Бендж, не мешкая, передал приказ Дондрагмера по назначению. Изи, отвлекшись от размышлений о Кабремме, сообщила о приказе Барленнану. Если Дон тревожится, значит, для этого есть основания, ему там, внизу, виднее. И все-таки она не отрывала взгляда от экрана, пытаясь объяснить себе появление Кабремма.

Как и капитан, Изи, сама того не желая, помогла Барленнану: закончив излагать распоряжение Дондрагмера, она добавила:

— Не знаю, насколько полной и точной информацией ты располагаешь, Барл. Все меняется так быстро. Дон выслал партию с передатчиком на поиски Кервенсера и Реффела. Она-то и обнаружила поток, который так сильно беспокоит Дона, а потом наткнулась на Кабремма. Не представляю, как он очутился в тысячах миль от «Эскета», но мы постараемся разузнать и передадим тебе, как только сможем. Признаюсь, мне приходило в голову, что он и все остальные могли уцелеть, но я не очень-то на это надеялась. Конечно, оборудо-

вание систем жизнеобеспечения переносное, и его можно прихватить с собой, покидая корабль. Но на «Эскете» все оставалось на своих местах, с него ничего не забрали. Появление Кабремма — прекрасная новость, мне кажется. По-видимому, на Дхрауне есть такие зоны, где месклиниты могут обходиться без оборудования землян.

Слова Изи многое прояснили командиру. Он подтвердил получение данных и поблагодарил, почти машинально, думая о своем. Предположение Изи повернуло ход его мыслей в новом направлении.

Бендж пропустил мимо ушей слова матери, поскольку сам вел переговоры. Он передал приказания Дондрагмера поисковой партии, увидел, что она, как и было велено, разделилась на две части, но не заметил заминки, вызванной тем, что Кабремм объяснял Стакенди, каким образом добрался до места их встречи. Докладывая о действиях группы капитану, юноша не удержался от комментария:

— Капитан, я надеюсь, транспортировка системы жизнеобеспечения не потребует участия всей команды? Конечно, это адова работа, но, сдается мне, вы управитесь и малыми силами до начала таяния, которое освободит «Квембли». Вы

не бросите корабль, правда? Там, под ним, Битч и его друг. Вы не можете вот так просто оставить их. Неужели управление нагревателем требует много матросов?

Дондрагмер успел изучить характер Бенджа, хотя некоторые мелкие черточки по-прежнему были выше его понимания, поэтому он отвечал, осторожно подбирая слова:

— Конечно же, я не брошу «Квембли», пока есть хоть какой-то шанс на спасение. Но всего в нескольких милях отсюда поток. Это заставляет предположить вероятность еще одного паводка, и вероятность весьма высокую. Я отвечаю за всю команду. Металлический стержень, который мы срезали с корпуса, через несколько минут спустят на поверхность. Как только это будет сделано, Бордендер и один матрос останутся, чтобы заняться нагревателем. Все остальные, за исключением группы Стакенди, немедленно начнут переносить цистерны с растениями и прожекторы к склону долины. Я не хочу бросать в беде рулевых, но, если сообщат, что приближается наводнение, мы направимся к наивысшей твердой точке поверхности, вне зависимости от того, найдем мы этих двоих или нет. Ты недоволен, я понимаю, но иного выхода нет — ты же видишь.

Капитан замолчал, не особо беспокоясь, что ответит Бендж и ответит ли вообще. У месклинита имелось много других поводов для беспокойства.

Он молча наблюдал за тем, как тяжелый металлический стержень, призванный послужить нагревателем, если получится, осторожно подтаскивают к правому борту «Квембли». К стержню были прикреплены канаты, концы которых обмотали вокруг скоб для захвата. Матросы, находившиеся на поверхности, осторожно стравливали канаты, повинуясь приказам Праффена. Расположившись на крышке шлюза для вертолетов и приподняв дюйма на четыре переднюю часть тела, Праффен наблюдал и жестами отдавал указания, по мере того как один конец стержня ускользал от него, а другой — медленно приближался. Дондрагмер собрался вмешаться: ему показалось, что матроса вот-вот сметет с корпуса корабля, но Праффен позволил стержню проскользнуть под ним, поочередно поднимая пары конечностей и цепляясь то за пластик корпуса, то за скобы для захвата. Когда ему больше уже ничего не угрожало, Праффен позволил матросам работать чуть быстрее; и через пять минут стержень уже лежал на льду.

Дондрагмер снова влез в гермокостюм и вы-

брался наружу, на корпус, чтобы отдать новые приказания. Все находившиеся снаружи, повинуясь ему, тут же направились к главному шлюзу, чтобы выносить оборудование системы жизнеобеспечения. Капитан вернулся на мостик, собираясь связаться с Бенджем и Стакенди.

Юноша не проронил ни слова за все то время, что спускали стержень. То, что он видел, объяснений не требовало. И все-таки Бендж расстроился, когда команда занялась другим делом. Дондрагмер прав, тысячу раз прав. Но оставить корабль… Появление двух месклинитов с переносным энергоблоком отвлекло его от мрачных мыслей. Теперь было за чем наблюдать, помимо двигающегося вверх по течению Стакенди на соседнем экране.

Бендж не знал, который из двоих матросов — Бордендер. Однако действия месклинитов интересовали его больше, чем выяснение их личности, особенно хлопоты вокруг нагревателя.

Стержень оказался достаточно жестким, чтобы сохранить форму при транспортировке. Теперь, отделенный от корпуса, он лежал на льду, точно гигантская шпилька для волос с парой изгибов у центра, где стержень проходил над шлюзом для вертолета. Расстояние между концами стержня

составляло фута два. Первоначальная кривизна, повторявшая форму корпуса, сейчас исчезла: стержень распрямился под собственным весом. Лебедку развернули во время спуска, чтобы зажимы, прикреплявшие ее к корпусу, смотрели вверх; это обеспечивало хороший контакт со льдом.

Несколько минут месклиниты копошились возле стержня; у Бенджа создалось впечатление, что они хотели развести концы и расположить стержень как можно ближе к корпусу корабля. Наконец до них дошло, что концы все равно должны оказаться близко друг к другу при подключении к энергоконвертеру, так что они оставили стержень в покое и поволокли энергоблок к корме. Один из них внимательно осмотрел отверстия в блоке и концы стержня, другой ждал рядом.

Бендж не мог хорошенько разглядеть энергоблок: изображение его на экране было очень маленьким, однако он успел познакомиться со схожими приборами, стандартными модулями, нуждавшимися в незначительной модификации для использования на Дхрауне. Помимо магнитного ротора, приводящего в действие механический двигатель, у аппарата было несколько других энерговыходов. Электриче-

ство, которым хотел воспользоваться Бордендер, можно было получить с любого из нескольких выходов; на противоположных концах блока имелись контактные пластины, к которым при необходимости подводились потенциалы. Кроме того, месклиниты могли воспользоваться двухполюсными разъемами-ячейками и простыми однополюсными разъемами.

Пластины, пожалуй, использовать было легче всего, но месклиниты, как позже узнал Бендж, отказались от них, сочтя слишком опасными; они решили использовать оконечные разъемы. Концы «шпильки» необходимо было вставить в разъемы на противоположных концах блока. Бордендер уже знал, что стержень чуть-чуть толстоват для разъемов и должен быть подпилен, и для этого прихватил с собой инструменты. Подпилить концы оказалось несложно, а вот согнуть их под прямым углом — потруднее. Пока Бордендер бился над этой проблемой, остальные члены команды показались из шлюза, нагруженные гидропоническими цистернами, насосами, прожекторами и энергоблоками, и направилась на север, к склону долины. Бордендер не отрывался от работы, только бросил короткий взгляд в их сторону.

Мучения Бордендера объяснялись не физической немощью, хотя объект приложения его усилий, человеку представлявшийся проволокой полукруглого сечения, полдюйма в диаметре, для месклинитов был толстым металлическим стержнем. Сплав оставался прочным даже при ста семидесяти кельвинах, так что Бордендер не опасался сломать стержень. Тем не менее, силы месклинитам хватало; чего им не хватало, так это трения.

Лед, державший в плену корабль, был замерзшей водой с незначительной примесью аммиака. Температура его приближалась к точке плавления, а кристаллическая структура была не столь далека от идеальной, так что лед оказался отменно скользким. Передвигаться по нему, пусть и с грехом пополам, месклинитам помогали клешни и когти, вгрызавшиеся в скользкую твердь, горизонтальная структура тела и многочисленность конечностей. Однако когда Бордендер и его помощник попытались применить внушительное боковое усилие, двадцати фунтов их веса оказалось недостаточно для зацепления когтей. Металл отказывался сгибаться, а длинные тела месклинитов скользили в полном соответствии с третьим законом Ньютона. Это выглядело так

забавно, что даже Бендж, обеспокоенный судьбой рулевых, не смог подавить смех, усмехнулся и Сайлас Макдевитт, только что спустившийся из метеорологической лаборатории.

Наконец Бордендер решил инженерную проблему. Он притащил оборудование для бурения, проделал во льду около полудюжины дырок глубиною примерно в фут. Установив в них поддерживающие буровую башенку фермы, он получил якорь для своих мускулов.

Чтобы подсоединить концы стержня к разъемам энергоблока на двухдюймовой высоте, потребовались такелажные работы, но тут не играли роли ни трение, ни сила, поэтому месклинитам потребовалось всего полминуты. Бордендер приблизился к ручкам управления энергоблоком. Люди, наблюдавшие за ним, если и не ощущали его замешательства, разделяли напряжение; Дондрагмер не был до конца убежден уверениями людей, что эта операция безопасна для его корабля. Бендж и Макдевитт также испытывали сомнения насчет наспех сооруженного нагревателя.

Сомнения, увы, оказались не беспочвенными. Системы защиты, встроенные в энергоблок, обеспечивали главным образом безопасность этой

машины; тем не менее, они могли анализировать внешнюю нагрузку в деталях. Они позволили блоку выдавать ток, а не напряжение, до уровня, — установленного ручным управлением. Естественно, Бордендер установил минимально допустимое значение. Сопротивление протянуло несколько секунд, а могло бы продержаться неограниченно долгое время, если бы концы стержня находились подо льдом.

Вокруг стержня бурлила вода и мгновенно превращалась в облачко микроскопических кристалликов льда в плотном холодном воздухе. Облачко скрывало из виду стержень.

Однако последний фут стержня не защищало весьма специфическое, латентное тепло нагревавшейся воды, и в этом месте металл незаметно накалялся. Естественно, что сопротивление стержня росло с увеличением температуры. Энергоблок, силясь поддержать постоянный ток, увеличил напряжение и еще больше нагрел металл, в основном в уже накаленных секторах. Края «шпильки» побагровели, потом исходящее от них белое свечение озарило облако, заставив Дондрагмера помимо воли отпрянуть на дальний конец мостика, в то время как Бордендер и его спутник попытались расплющиться и слиться

со льдом.

Лицо Бенджа исказила гримаса беззвучного крика, а Макдевитт прошептал:

— Эта штука не может взорваться!

Конечно же, их переживания несколько запоздали. К тому времени, как сигнал достиг спутника и был развернут в картинку, один край металлической петли расплавился, а энергоблок автоматически отключился. Бордендер, скорее удивленный, чем обрадованный, тут же переключил управление с автоматического на ручное и, не тратя время на разговоры с капитаном, начал разбираться в происшедшем.

Это не потребовало много времени; Бордендер был последовательным мыслителем и успел вобрать гораздо больше инопланетных познаний, чем рулевые. Он разбирался в принципах действия и конструкции энергоблоков примерно так же, как студент высшей школы — в принципах действия и конструкции телевизионного приемника: сам он не мог построить такое устройство, однако был в состоянии отыскать причину крупной неисправности. В оправдание Бордендеру надо сказать, что из него готовили скорее химика, чем физика.

Люди наблюдали за ним с удивлением, а

Дондрагмер — с некоторым беспокойством. Бордендер и его помощник снова придали стержню нужную форму. С помощью бурильного оборудования углубили рытвину, вытопленную нагревателем во льду, настолько, чтобы в ней уместилась коробка энергоблока. Затем месклиниты опустили блок в яму, снова подсоединили концы стержня и все забросали осколками льда, образовавшимися при бурении, оставив открытыми только ручки управления. Бордендер снова включил подачу энергии, на этот раз отступив гораздо быстрее.

Снова появилось белое облако, но теперь оно стало расти и расплываться по сторонам. Облако обволокло правый борт «Квембли», капитанский мостик, закрыло поле обзора Дондрагмеру и видеокамере передатчика. Подсвеченное лучами прожекторов снаружи, оно привлекло внимание тех месклинитов, что сейчас уже приближались к склону долины, а также партии Стакенди, находившейся еще дальше, на десять миль западнее. Погруженная в тающий лед петля заставляла его испаряться. Горячий пар, преодолев расстояние в долю миллиметра, собирался в капли и снова испарялся, хотя и менее интенсивно, с поверхности расползающегося во все стороны бассейна,

и опять обращался в лед от соприкосновения с воздухом. Дымящееся озерцо, длиной примерно в три четверти корпуса «Квембли» и шести футов в ширину, начало мелеть, поскольку его содержимое, ставшее ледяной пылью, ветер уносил быстрее, чем оно восполнялось таянием.

Один край озерца достиг крейсера, и Дондрагмера, заметившего проблеск воды сквозь прореху в облачной завесе, обожгла пугающая мысль. Он торопливо надел гермокостюм и устремился к главному шлюзу. Здесь капитан замешкался; гермокостюм мешал ему определить на ощупь, не перегревается ли корпус корабля, а термометры на борту были только в лаборатории. Он решил было отправиться туда, но побоялся упустить время. Вместо этого месклинит открыл верхние трубопроводы безопасности на внешнем шлюзе, которыми управляли изнутри с помощью специальных канатов, проходивших через жидкую ловушку для газов. Он не знал, сколь долго продержится тепло снаружи — достаточно ли долго, чтобы нагреть аммиак в шлюзе и довести его до кипения. Корпус «Квембли» хорошо изолирован, и поэтому просачивание будет очень медленным, успокаивал себя капитан. А что, если кипящий аммиак попадет внутрь корабля? Это был как

раз тот случай, когда малые познания рождают большое беспокойство. Тем не менее, открыв трубопроводы, капитан не причинил особого вреда судну, зато несколько приободрился. Он торопливо вернулся на мостик посмотреть, что происходит снаружи.

Мягкий ветер с запада, стараясь отогнать ледяной туман, рвал его в клочья, и сквозь просветы Дондрагмер смог рассмотреть, что уровень воды стал ниже. Правда, площадь озерца возросла немного, но, понаблюдав за ним, капитан решил, что достигнут некоторый предел. Иногда ему удавалось разглядеть двоих своих подчиненных, перебирающихся с места на место в поисках точки наилучшего обзора. Наконец месклиниты разместились почти под самым мостиком, по ветру.

Какое-то время уровень воды словно застыл на одной отметке, хотя никто из наблюдающих не мог понять почему. Позже они решили, что кипящая вода проплавила себе путь до все еще жидкого пласта под «Квембли», на испарение которого ушло не менее пятнадцати минут. По истечении этого времени в бурлящем озерце показались верхушки камней, лежащих на дне, и Дондрагмер неожиданно сообразил, что

необходимо отключить энергоблок до того, как стержень расплавится снова.

Теперь-то он знал, что опасности взрыва нет; однако несколько дюймов проволоки уже расплавились, и будет не так-то просто восстановить рефрижератор. А если стержень будет плавиться дальше, хлопот не оберешься. Раз уровень воды достиг камней на дне, петля перестала следовать за тающим льдом. Надо выйти и достаточно быстро подобраться к ручкам управления, чтобы предотвратить новую аварию. Капитан не стал тратить время на упреки ученым за то, что не привязали шнур к ручкам управления; он и сам об этом не побеспокоился.

Дондрагмер надел гермокостюм и вышел наружу через шлюз командного поста. Изгиб корпуса скрывал озеро, и он начал спускаться вниз, придерживаясь за скобы, настолько быстро, насколько позволял густой туман. Все еще спускаясь, он прокричал Бордендеру:

— Не позволяй стержню расплавиться снова! Выключи энергию!

Ответный невнятный рев дал понять, что он услышан, однако больше из белой пелены не донеслось ни звука. Он продолжал спуск, осторожно нащупывая путь, пока наконец не достиг само-

го низа изгибавшегося корпуса. Теперь только толстая прослойка демпфера и две трети высоты тележек отделяли месклинита от дымящейся поверхности воды. Конечно же, она не кипела при таком давлении, однако была горячей даже по меркам землян. Капитан поежился, понимая, что гермокостюм — плохая защита. Однако он отмахнулся от неприятной мысли; работа есть работа, и ее надо делать.

Энергоблок находился у кормы, довольно далеко от того места, где сейчас находился капитан, и, скорее всего, был окружен горячей водой. Дондрагмер не видел иного выхода, как двигаться вперед по корпусу: если уж придется прыгать, захваты на корпусе только помешают. И месклинит направился вперед.

Почти сразу же он выбрался на чистый воздух и увидел, что Бордендер и его помощник исчезли, очевидно, пробирались к дальнему концу озерца в надежде выполнить приказ. Капитан продолжал двигаться вперед и через ярд-другой заметил, что можно спуститься на нерастаявший лед. Он так и сделал и заторопился по следу, оставленному, как он предполагал, его матросами.

Но почти сразу же пришлось сбавить темп, потому что он снова очутился в ледяном тумане,

слишком близко к воде, чтобы рисковать. По мере продвижения он несколько раз позвал матросов и успокоился, услышав отклик. Значит, они пока еще не провалились в воду.

Капитан нагнал их почти под самой кормой крейсера, обогнув озерцо. Его поджидало ужасное разочарование: энергоблок находился не только вне пределов досягаемости, но и вне пределов видимости. Прыгать в воду было бы полным безумием, даже для месклинитов, равнодушных к опасности. Рассудительному Бордендеру подобная мысль даже не пришла в голову, но она посетила Дондрагмера, пережившего необычайные приключения в экваториальной зоне Месклина с низким тяготением много лет назад.

Времени оставалось совсем немного. Заглянув за кромку льда, все трое смогли разглядеть в просветах округлые верхушки камней, разделяемые водой, которая убывала на глазах. Очевидно, петля уже почти полностью обнажилась; рассчитывать на то, что, по счастливой случайности, она застряла между камней и все еще скрыта водой, не приходилось. Пару минут капитан взвешивал разнообразные рискованные меры, а потом внезапно, не отдав никаких приказаний, скользнул вниз, за край, и с высоты двух футов

упал на верхушку камня.

Это было равносильно падению с восьмого этажа на Земле, и даже месклинита, привычного к высокой гравитации, здорово тряхнуло. Тем не менее он быстро обрел самообладание и оповестил оставшихся наверху, что цел и невредим, а также строго-настрого запретил следовать его примеру, на случай, если гордость возьмет верх над благоразумием. Отдав приказ, капитан на время забыл о сородичах и сосредоточился на следующем шаге.

Ближайший камень, на котором он смог бы разместить свое тело, отстоял от него почти на два фута, то есть на длину его тела, но, по крайней мере, он был виден. И, что еще лучше, чуть в стороне торчал другой камень — примерно квадратный дюйм открытой поверхности. За две секунды прикинув, что к чему, Дондрагмер уже на два фута приблизился к энергоблоку и теперь высматривал новую точку для остановки. Квадратного дюйма промежуточного камня коснулась примерно дюжина его ног, когда длинное черно-красное тело метнулось на второй камень.

Следующая стадия оказалась сложнее. Как определишь направление, если главный ориентир — корпус корабля — едва заметен из-за пара.

И ни одного крупного камня поблизости. Дондрагмер помешкал, озираясь вокруг и соображая, что делать дальше. Но прежде чем он нашел решение, необходимость в нем отпала. Бульканье, которое сопровождало переход в пар воды, соприкасающейся с раскаленным стержнем и почти мгновенно опадающей под действием мощного атмосферного давления Дхрауна, неожиданно прекратилось, и Дондрагмер понял, что опоздал: металл уже не спасти. Он тут же расслабился и стал ждать; пусть остынет вода, уляжется пар и рассеется ледяной туман. Капитану уже стало жарковато, и он подумывал, не возвратиться ли назад, тем же путем, но, представив, каково карабкаться по отвесной ледяной стене, да еще когда под тобой горячая вода, Дондрагмер легко подавил искушение.

Он все еще был жив, когда воздух очистился и кристаллы льда начали расти на камнях. От энергоблока его отделяло примерно шесть футов, и капитан добрался до него, передвигаясь зигзагами по камням, благо путь теперь хорошо просматривался. Он выключил энергоблок и только после этого осмотрелся вокруг.

Бордендер и его напарник уже пробрались вдоль ледяного уступа туда, где торчал стержень.

Под громадой корпуса виднелась черная каверна, которая не освещалась прожекторами «Квембли». Капитану не хотелось приближаться к ней — он боялся обнаружить тела рулевых. Его замешательство заметили наверху, на станции.

— Чего он ждет там, у энергоблока? — пробормотал Макдевитт. — Наверное, лед еще недостаточно тверд.

— А мне почему-то кажется, что причина не в этом. — Тон, каким Бендж произнес эти слова, заставил метеоролога резко повернуться к нему.

— А в чем дело? — спросил он.

— Не притворяйтесь, будто не знаете. Там, внизу, были Битч и его друг. Как они могли спастись от горячей воды? Готов поклясться, что капитан только сейчас подумал об этом; он бы никогда не позволил им использовать нагреватель, если бы предвидел, что может произойти. Вы можете представить, что случилось с Битчем?

Макдевитт задумался. Единственное, что успокоит парня, это здравые суждения, а если рассуждать здраво, то дело — табак. И все же Макдевитт попробовал урезонить Бенджа:

— Все это выглядит довольно скверно, но отходную справлять рано. Непохоже, чтобы вода проникла глубоко под корпус корабля. Хотя и это

могло случиться. В любом случае надежда есть: они могли выбраться на другую сторону, которую мы не видим, а может, их спас лед. Кроме того, они вообще могли находиться в другом месте.

— Водяной лед спас их? Как мне помнится, вы, вроде, говорили, что вода замерзла потому, что из нее начал выделяться аммиак, а не из-за снижения температуры. Водяной лед, температура которого приближается к точке плавления — нулю градусов Цельсия, грозит тепловым ударом месклиниту.

— Это было только предположение, — пошел на попятную метеоролог. — Слишком мало данных, чтобы делать выводы. Я признаю, что твой маленький друг мог погибнуть; но мы знаем так мало о том, что произошло внизу, и было бы глупо перестать надеяться. Даже Дондрагмер не теряет надежды. Могу поспорить, он все проверит тщательнейшим образом, как только это станет возможным.

Бендж снова взял себя в руки и старался гнать черные мысли, но, вместо того чтобы следить за Стакенди, юноша нет-нет да и переводил взгляд на изображение капитана.

Несколько раз Дондрагмер пробовал опуститься на лед и снова возвращался, чем довел Бенджа

до белого каления. Наконец капитан убедился, что лед выдержит его вес, дюйм за дюймом начал опускать свое длинное тело на свежезамерзшую поверхность и двинулся к кораблю. Люди продолжали внимательно следить за ним, Бендж сжал кулаки, и даже Макдевитт сидел как на иголках.

Наблюдатели не могли слышать звук, неожиданно разнесшийся над ледяной поверхностью, он не проник сквозь корпус к акустическим рецепторам передатчика. Оставалось только строить догадки о том, почему вдруг Дондрагмер неожиданно повернул назад от корпуса, когда, казалось, вот-вот должен был исчезнуть под ним. Люди видели, как он устремился к тому месту, над которым стояли двое других месклинитов, и возбужденно помахал им, совершенно, очевидно, забыв о рулевых.

12. Направленные экстраполяции

Дондрагмеру была небезразлична участь сородичей, но ему казалось вполне нормальным сконцентрировать внимание на том, что требует немедленных действий, в ущерб тому, что бессилен изменить. Когда ветер донес до него: «Здесь конец потока», намерения капитана круто изменились.

Он не мог видеть, откуда прилетел голос, поскольку находился на два фута ниже уровня поверхности, но Бордендер доложил о проблесках света примерно в полумиле от них. По приказу капитана ученый взобрался на корпус, откуда открывался лучший обзор, а его помощник отправился на поиски каната, чтобы вытащить капитана из ледяной ямы. Последнее заняло изрядное время. Вышколенные Дондрагмером матросы вернули канаты, использованные при спуске стержня радиатора, на прежние места внутри крейсера; и, когда Скендра, помощник Бордендера, попытался пробраться через главный шлюз, обнаружилось, что тот покрыт

четвертьдюймовым слоем чистого льда. Пары, курившиеся над водой, осаждались влагой на корпусе, так что весь правый борт обледенел. По счастью, скобы захватов выступали над коркой льда, и матрос смог взобраться наверх и воспользоваться шлюзом командного поста.

А тем временем Бордендер сообщил, что огни приближаются через ложе реки. По приказу капитана он собрал всю мощь своего голоса и послал зов через тысячу ярдов пространства. Оба тщательно прислушались, не придет ли отклик: даже месклинитским голосам было трудно преодолеть такую дистанцию, да еще две оболочки гермокостюмов. К тому времени когда Дондрагмер выбрался на поверхность, они знали, что приближаются матросы из партии Стакенди, которым было приказано продвигаться вниз по течению; они достигли конца потока менее чем в миле от корабля. Этим новости пока исчерпывались; надо было дождаться матросов, чтобы узнать детали.

Впрочем, и состоявшийся позднее разговор скорее все запутал, чем прояснил.

— Река осталась в прежних пределах на всем протяжении, — доложили матросы. — Она ниоткуда не подпитывается и, похоже, не испаряется.

Правда, здорово петляет между камней — вниз по течению их множество. А затем мы начали натыкаться на странные препятствия. Например, встретилось что-то вроде дамбы из льда, которую поток огибал то с одного, то с другого края. Через полкабельтовых показалась другая дамба. Впечатление такое, словно часть потока замерзла, встретившись со льдом среди камней, но только передовая часть потока. Вода, следовавшая по пятам, обходила дамбы до тех пор, пока *сама* не сталкивалась со льдом. Дамбы вырастали в высоту примерно на половину длины тела, прежде чем текущая следом вода отыскивала обходной путь. Мы достигли последней преграды, где такое происходило всего лишь несколько минут назад. Мы видели, что светлое облако, поднимавшееся над кораблем, рассеялось, хотели послать кого-нибудь одного назад, на случай, если что-то не так, но потом решили исполнять приказ, по крайней мере, до тех пор, пока река не станет снова уводить нас от «Квембли».

— Хорошо, — ответил капитан. — Вы уверены, что река не становится шире?

— Насколько мы можем судить, нет.

— Очень хорошо. Быть может, у нас в запасе несколько больше времени, чем я думал, и проис-

ходящее вовсе не прелюдия к тому, что привело нас сюда. И все-таки хотел бы я знать, почему вода замерзала таким странным образом.

— Нам лучше всего спросить об этом у людей, — дипломатично предложил Бордендер, который не имел никаких идей на сей счет, но предпочитал не обнаруживать этого.

— Хорошо. И они захотят получить результаты замеров и анализов. Как мне кажется, вы не прихватили с собой образчик льда из замерзшей реки, — скорее констатировал, чем спросил капитан.

— Нет. Нам не в чем было его нести.

— Ладно. Борн, возьми контейнеры и принеси образцы. Хорошенько проанализируй их, и как можно быстрее. Пусть кто-нибудь проводит тебя. Я вернусь на мостик и свяжусь с людьми, сообщу им последние новости. Все остальные пусть скалывают лед, чтобы мы могли пользоваться главным шлюзом.

Дондрагмер начал взбираться по обледенелому корпусу к командному посту. Он предполагал, что за ним наблюдают, и не ошибся.

Бендж и Макдевитт и в самом деле смогли проследить за ним, хотя с трудом различали месклинитов. Они ожидали с нетерпением рассказа

капитана. Особенно изнывал Бендж, не находивший себе места с тех пор, как поиски под днищем крейсера оборвались. Что, если рулевых там все-таки нет? Может, они находились среди новоприбывших, которые и прервали эти поиски.

Даже невозмутимый Макдевитт ерзал от нетерпения, к тому времени как голос Дондрагмера достиг станции.

Доклад удивил метеоролога и огорчил его младшего коллегу. Бендж хотел было прервать капитана вопросом о Битчермарлфе, но вовремя понял, что это бесполезно; а когда закончил говорить Дондрагмер, начал Макдевитт:

— Это пока не больше чем предположения, капитан, хотя, наверное, ваш ученый сможет проверить их, когда проанализирует образцы. Вполне возможно, что жидкость вокруг вашего корабля изначально была водным раствором аммиака (мы это и прежде подозревали), который замерз, но не потому, что температура стала понижаться, а потому, что из раствора испарилось значительное количество аммиака и температурная точка замерзания раствора повысилась.

Туман, замеченный вами как раз перед началом неприятностей, еще там, на снежном поле, состоял из кристалликов аммиака — об этом

сообщили ваши ученые. Я предполагаю, что он пришел с запада, где значительно холоднее. Аммиак вступил в реакцию со льдом и частично его расплавил, образовалась смесь, и выделилось тепло от реакции. Вы боялись чего-то подобного, прежде чем это произошло, как мне помнится. Вот что привело к первому паводку.

Когда аммиачное облако прошло в Нижнюю Альфу, раствор вокруг вас начал испарять аммиак, образовалась новая смесь, температура которой оказалась ниже точки замерзания. Я предполагаю, что облако, с которым столкнулся Стакенди, также состояло из аммиака и служило питающей средой для ручья, который он обнаружил.

Когда туман соприкасается с водяным льдом, они смешиваются до тех пор, пока смесь не окажется слишком насыщенной аммиаком, чтобы оставаться в жидкой фазе (так образовались дамбы, описанные вашими матросами), а жидкий аммиак продолжает течь и отыскивать обходные пути. Я предполагаю, что если вы найдете возможность отвести поток к вашему кораблю и если жидкости окажется достаточно, то проблема с освобождением «Квембли» может быть решена.

Бендж, прислушивавшийся к словам Макдевитта, несмотря на дурное расположение духа, подумал о воске, который стекает с коптящей свечи и застывает сперва с одной стороны, потом — с другой. Он прикинул, а нельзя ли на этой аналогии построить для компьютера модель распространения.

— Вы хотите сказать, что мне не нужно бояться паводка? — наконец задал вопрос Дондрагмер.

— Предполагаю, что нет, — ответил Макдевитт. — Если описанная мною общая картина верна — здесь, наверху, мы не раз ее обсуждали, — туман, с которым столкнулся Стакенди, должен пройти над снежной долиной, откуда вас принесло, или над тем, что от нее осталось. Вызови он к жизни новый паводок, поток уже давно вас достиг бы. Я подозреваю, что толстый слой снега, который, растаяв, ринулся в проход и смыл вас, почти весь исчез во время первого паводка. Именно поэтому вы оказались там, где и находитесь теперь. Кажется, я знаю, почему новый туман вас еще не настиг. Место, где с ним столкнулся Стакенди, на несколько футов выше того, где находитесь вы, и потоки воздуха, текущие с запада, струятся вниз. Высокое тяготение Дхрауна и специфический состав воздуха

должны обусловливать исключительно сильный эффект фена (адиабатическое нагревание с ростом давления). Аммиак, наверное, испаряется к тому моменту, как туман доходит до места, где Стакенди его наблюдал.

Дондрагмеру потребовалось какое-то время, чтобы переварить услышанное. Когда истекло несколько секунд после нормальной задержки сигнала, Макдевитт уже засомневался, достаточно ли четко все объяснил; и как раз в этот момент пришел еще один вопрос.

— Но, если аммиак просто испарился, он должен находиться в воздухе вокруг нас. Почему же газообразный аммиак не плавит лед столь же эффективно, как его жидкие капли? Не действует ли здесь какой-то физический закон, который я не изучал?

— Я не уверен, что состав жидкости и концентрация аммиака оказывают решающее влияние, во всяком случае, не рискую утверждать, — признался метеоролог. — Когда Бордендер получит новые данные и передаст их сюда, наверх, я заложу все в машину, чтобы посмотреть, не упущены ли какие-то факты. Те, которыми я сейчас располагаю, не опровергают этой гипотезы, но, признаюсь, в ней есть нечеткие аспекты. Слиш-

ком много переменных; если рассматривать воду без примесей, их число практически бесконечно — прошу простить мне вольное использование этого слова. А для смеси воды и аммиака — это бесконечность, возведенная в квадрат.

Кстати, перейдем от абстракций к конкретике: я наблюдаю на экране Стакенди. Он по-прежнему движется вдаль потока в тумане, еще не достиг источника, но я не заметил притоков, насыщающих реку. Ширина потока не превосходит нескольких длин ваших тел и довольно долго остается в таких пределах.

— Это уже легче, — в конце концов пришел ответ. — Думаю, если бы надвигался настоящий паводок, поведение реки указало бы на это. Очень хорошо, я снова свяжусь с вами, как только у Бордендера появится информация. Пожалуйста, продолжайте наблюдать за Стакенди. Я снова выйду наружу, чтобы проверить положение дел под корпусом. Мне помешали сделать это.

Метеоролог хотел сказать что-то еще, но замолчал, поняв, что Дондрагмера уже не будет на месте, когда его слова достигнут командного поста «Квембли». Сочувствуя переживаниям Бенджа, ученый разделял волнение, с каким его помощник следил за появлением месклинита

в пределах обзора видеокамеры передатчика. Правда, часть пути до поверхности ускользнула от их взгляда, поскольку Дондрагмеру пришлось ползти вперед, а значит, прямо под командным постом и вне поля зрения камеры; но они снова увидели месклинита, неподалеку от того места, где все еще оставался канат, который помог капитану выбраться из ямы. Конец каната был обмотан вокруг опоры, использованной для сгибания стержня.

Люди наблюдали, как капитан спустился по канату вниз, в яму. Месклинит висел на тонком канате — не толще, чем шестифутовая рыболовная леска, и раскачивался, подобно маятнику, при сорока земных «g». Это было впечатляющее зрелище, хотя расстояние, которое предстояло преодолеть Дондрагмеру, немногим превышало длину его тела. Даже Бендж на время перестал думать только о Битчермарлфе.

Капитана уже не беспокоил лед: скорее всего, озерцо успело промерзнуть до самого дна. Поэтому он направился прямо к крейсеру. Он несколько замедлил движение, когда приблизился к каверне, и задумчиво разглядывал ее.

«Квембли» по-прежнему оставался в плену у льда, от которого освободились только тележки

по правому борту на расстоянии примерно в шестьдесят футов от носа, но за пределами этой зоны лед, как и раньше доходил до демпфера, и даже выше. И даже там, где лед стаял, гусеницы на один-два дюйма оставались под водой, когда нагреватель расплавился. Контрольные канаты, которыми манипулировал Битчермарлф, в основном высвободились, но самого рулевого капитан не обнаружил. Дондрагмер не питал никакой надежды найти своих матросов живыми под «Квембли»: если бы они уцелели, давно бы уже появились. Капитан не особо рассчитывал найти там и мертвые тела. Как и Макдевитт, он не исключал возможности того, что обоих матросов не было под корпусом, когда вода замерзла. Еще один случай необъяснимого исчезновения: даже капитан ума не мог приложить, куда делись Реффел и Кервенсер.

Под корпусом было темно, свет прожекторов сюда не проникал. Дондрагмеру это не мешало (его зрительный аппарат не реагировал на неожиданное изменение освещенности — результат адаптации к восемнадцатиминутному периоду обращения Месклина), но некоторые детали он упустил. Он заметил разорванные гусеницы двух тележек — рулевые пытались спа-

стись — и груды камней, наваленных в попытке преградить путь теплой воде, но от его внимания ускользнул разрез в демпфере, где рулевые и нашли прибежище.

Одно стало ясно капитану: пропавшие рулевые какое-то время находились здесь. Очевидно, лед перекрыл им пути к отступлению, когда работа подходила к концу. Но как же такое могло произойти? Капитан обмерил длину гнезда, сложенного из камней, осмотрел со всех сторон каждую из тележек. Но ему так и не пришло в голову заглянуть выше. Все-таки он принимал участие в строительстве этого огромного механизма и знал, что выше уже просто некуда деваться.

Он снова вышел на свет и оказался в поле зрения передатчика. Бендж напрягся: он уже разделял мнение капитана, что если бы рулевые находились под корпусом корабля, они бы не остались в живых, и теперь ожидал увидеть, как Дондрагмер вытаскивает их тела. Не увидев этого, он вздохнул с облегчением, но радость его быстро померкла, потому что мозг сверлил вопрос: где же Битчермарлф? Капитан начал выбираться наверх и скрылся из виду. Может быть, он направляется на командный пост, чтобы сообщить

все в деталях? Бендж, теперь уже погруженный в апатию, ждал, сжав кулаки.

Но голос Дондрагмера так и не прозвучал. Капитан собирался сообщить людям, что обнаружил, но по пути наверх остановился, чтобы поговорить с одним из матросов, откалывавшим лед.

— Миссис Хоффман сообщила мне, что вы кого-то нашли, когда достигли потока, — сказал Дондрагмер. — Можешь добавить какие-то детали? Кого вы встретили там, где суша скрывается в тумане? Реффел это или Кервенсер? Который из них? И все ли в порядке с вертолетами? В связи произошел перебой; кто-то наверху, очевидно, заметил Кабремма на «Эскете». Затем я сам вступил в разговор, потому что найденный вами поток меня встревожил. Именно поэтому я и разделил группу. Так кого же вы нашли?

— Это был Кабремм.

Дондрагмер чуть не выпустил захваты.

— Кабремм?! Старший офицер Дестигмета? Здесь? И человеческое существо его узнало; значит, он появился и был замечен на *вашем* экране?

— Вроде бы так. Он не разглядел наш передатчик, а потом было уже поздно. Кто мог подумать, что человеческое существо сумеет различать

нас? Мы сами-то только что его узнали.

— Но что он там делал? Эта планета втрое больше Месклина. И как это его угораздило появиться именно там! Я знал, что командир рано или поздно сядет на мель, решившись на уловку с «Эскетом», чтобы дурачить людей, но никогда не ожидал такой глупой неудачи.

— Это не случайность, капитан. Кабремм не успел все рассказать нам. Мы решили использовать приказ разделиться, чтобы вывести его из поля зрения передатчика. Но, как я понимаю, больше всего беспокойства ночью принесла эта река. Примерно в пяти миллионах кабельтовых отсюда, вниз по течению, нагромождение льда. Это не очень далеко от «Эскета». Что-то вроде ледяной реки медленно течет в теплые районы. «Эскет», шахты и фермы расположены как раз на ее пути.

— Фермы?

— Так их называет Дестигмет. А в действительности это еще один Поселок с гидропонными цистернами. Огромная система жизнеобеспечения. Однако баланс у нее не такой, как у системы на крейсерах. В общем, Дестигмет выслал «Гвельф» под командой Кабремма, чтобы исследовать верховье потока и узнать, чем угрожает ледяная

— до поры до времени — река. Они сели там, где мы их встретили, как раз из-за тумана; они легко могли пролететь над ним, но тогда не разглядели бы ложе реки.

— Значит, они прибыли раньше, чем нас принес сюда поток. Исследуя реку, они должны были пролететь прямо над нами. Как же Кабремм не заметил наших огней?

— Не знаю, капитан. Если Кабремм и сказал что-то Стакенди, то я этого не слышал.

По телу Дондрагмера прошла волна — так люди в недоумении пожимают плечами.

— Может быть, он и заметил, но предпочел оставаться подальше от человеческих глаз. Наверное, Кервенсер и Реффел наткнулись на «Гвельф», и Реффел отключил видеообзор, чтобы люди не заметили воздушный шар. Но почему Кервенсер не вернулся и не доложил?

— Боюсь, я и об этом ничего не знаю, — ответил матрос.

— Стало быть, река, которая нас несла, должна заворачивать к северу, раз она достигает того места, где расположился «Эскет».

Матрос сообразил, что Дондрагмер просто размышляет вслух, и молчал. Капитан задумался.

— Но вот еще вопрос: слышал ли командир,

как человек — я предполагаю, это была миссис Хоффман, она единственная из людей хорошо нас знает — назвал Кабремма по имени. Если слышал, то, наверное, как и я, подумал, что кто-то свалял дурака на «Эскете». Ее возглас слышали вы и я. Это вполне объяснимо: оба наших прибора — передатчики «Квембли», и, скорее всего, сигналы с них поступают на один и тот же пульт. Но вот Поселок… Я слышал, что на станции весь комплекс связи расположен в одном большом отсеке, должно быть, достаточно большом, чтобы экраны не располагались вплотную друг к другу. Барл мог услышать, а мог и не услышать ее.

В общем, все сводится к тому, что человеческое существо узнало одного из членов команды «Эскета», который не только жив, хотя вся его команда предположительно мертва уже более шести месяцев, но и находится в пяти-шести миллионах кабельтовых от места гибели. Мы не знаем, насколько уверено человеческое существо в том, что узнало Кабремма. Во всяком случае, этой уверенности хватило, чтобы назвать его по имени вслух, но, быть может, ее окажется недостаточно, чтобы поделиться догадкой с другими людьми без проверки. Насколько я понимаю, они не любят выглядеть глупо, ничуть не меньше

нас. Итак, мы не знаем, услышал ли ее возглас Барленнан и понял ли, что это провал. Хуже всего то, что нам неизвестно, как он будет отвечать на вопросы людей. Безопаснее всего было бы прикинуться, что он находится в полном неведении, изумлен. Мне кажется, он это поймет. Но хотелось бы с ним побеседовать — без участия человеческих существ.

— Может, и для вас неведение — это выход? — спросил матрос.

— Я не смогу сыграть на этом. Люди уже знают, что ваша группа вернулась, и я не смогу убедить их, что ничего такого за время вашего путешествия не случилось. Я бы, конечно, хотел внушить миссис Хоффман, что она обозналась и вы встретили Реффела или Кервенсера. Но, пока мы не найдем хотя бы одного из них, это будет трудно организовать. И как она узнала Кабремма? Как вообще она распознает нас? По окраске и привычному положению ног? Как ты думаешь?

Что же сталось с этой парой? Если действительно Реффел, наткнувшись на «Гвельф», выключил передатчик, он бы давно уже вышел на связь. Хотелось бы мне, чтоб он больше походил на Кабремма. Я мог бы рискнуть и утверждать, что она видела именно Реффа. Все-таки освещение

было плохое, даже для видящих машин. Только вот я не знаю, что предпримет Барл. Я даже не знаю, слышал ли он ее или нет. Такого рода случайности как раз меня и беспокоили, когда началась операция с «Эскетом». Эта связь через станцию человеческих существ просто неизбежно затрудняет координацию. Боюсь, после такого промаха мы уже не успеем обзавестись собственной системой связи. Сейчас наш плотик без киля несет прямиком на рифы. — Он сделал паузу. — Договорился ли Кабремм с вашей группой насчет дальнейшей связи, когда вы убрали переговорный ящик подальше?

— Ничего такого я не слышал. Приказ разделиться и двигаться в разные стороны поступил гораздо раньше, чем что-либо могло быть сказано.

— Хорошо. Продолжай работать, а я что-нибудь придумаю.

— Меня вот что все время беспокоит, — ответил матрос, снова принимаясь скалывать лед, — что же произойдет, когда они наконец *узнают?* Я все твержу себе: не бросят же нас здесь, в самом деле! Не кажутся они настолько жестокими, даже в деловых соглашениях. Хотя могут. У нас ведь нет собственного космического корабля.

— Подобные мысли и заставили нашего командира начать проект, как ты знаешь, — заметил Дондрагмер. — Они кажутся вполне доброжелательными существами, честными, насколько позволяет их недолгая жизнь. Лично я доверяю им. И все же они *другие*, и никогда нельзя быть полностью уверенным, как они себя поведут. Их мотивы — загадка для нас. Именно поэтому Барленнан и хотел, чтобы мы освоились в этом мире как можно скорее, и без помощи их знаний. Некоторые из людей предпочли бы держать нас в зависимости.

— Я понимаю.

— Шахты стали первой ступенью на пути к независимости, а воздушные шары — триумфом, но мы еще безмерно далеки от того момента, когда сможем обойтись без человеческих энергоблоков. Иногда я задумываюсь, понимает ли командир, насколько недоступны пока для нас некоторые — да что там некоторые! — многие вещи.

Однако хватит рассуждений — это не решит наших проблем. Я должен снова поговорить с людьми. Надеюсь, умолчав о Кабремме, я не разбужу их подозрений, по крайней мере, это может сыграть на версию об ошибочном опознании,

если нам придется ее использовать. Продолжай и помаши мне — я буду на мостике, — когда шлюз очистится.

Матрос жестом выразил понимание и повиновение, и Дондрагмер наконец добрался до командного поста.

Ему было что сообщить людям и без упоминания Кабремма, и капитан начал говорить сразу же, как только снял гермокостюм.

— По крайней мере один из рулевых находился под корпусом некоторое время, а возможно, они там были оба, но я не нашел ни одного, ни другого — только свидетельства того, что они пытались выбраться наружу. Иначе не объяснишь то, что они поломали — или почти поломали — две тележки. Большая часть пространства под корпусом корабля не оттаяла, и я боюсь, что они, скорее всего, в толще льда. Мы постараемся еще поискать их, с помощью прожекторов, когда вернется остальная часть команды и у меня будут свободные матросы. Вода… эта жидкость, испаренная нагревателем, покрыла ледовой оболочкой весь корпус и блокировала главный шлюз. Мы должны как можно скорее освободить его ото льда. Большую часть оборудования можно вынести наружу не иначе как через главный шлюз, ведь

нам, возможно, придется оставить «Квембли». А если все же не придется, есть много такого, чего нельзя иначе внести внутрь.

Кроме того, стержень, использованный для нагревателя, расплавился примерно на длину тела. И я не знаю пока, как восстановить рефрижератор и вновь запустить его, если удастся освободить «Квембли». Возможно, эта забота и не столь важна сейчас. Но, если мы продолжим исследования, придется дважды подумать, прежде чем отправиться в Нижнюю Альфу без охлаждения. Похоже, ваши специалисты уверены, что пониженное давление обусловлено там высокой температурой в результате выхода внутреннего тепла, и вам очень важно установить, так ли это. На корабле почти нет металла, а внешний радиатор, насколько я понял, должен обладать высокой электропроводимостью. Правильно?

Капитан ждал ответа с интересом. Он надеялся, что технические проблемы отвлекут внимание людей от Кабремма и «Эскета»; с ним, Дондрагмером, это бы не сработало, но Бендж Хоффман молод; хотя, наверное, он не один в отсеке связи.

Ответил Бендж. Его, казалось, не интересовали ни технические проблемы, ни Кабремм, ни «Эскет».

— Если ты думаешь, что они во льду, почему не пошлешь матросов прямо сейчас посмотреть? Быть может, гермокостюмы помогли им выжить? Некоторое время назад ты сказал, что отложил их поиск, потому что они не задохнутся. Мне кажется, чем дольше ты будешь откладывать, тем меньше у них шансов выжить. Разве это не самая важная проблема сейчас?

Изи вмешалась раньше, чем Дондрагмер начал говорить. Казалось, она обращалась как к своему сыну, так и к капитану:

— Это не самое главное. Спасение «Квембли» — вопрос жизни и смерти для всей команды, Бендж. И капитан вовсе не беспечно относится к своим подчиненным. Я знаю, что ты ощущаешь, думая о своем друге, и это совершенно естественно; но ответственная личность должна думать, а не только чувствовать.

— А я считал, что ты на моей стороне.

— Я очень тебе сочувствую; но это не мешает мне признать правоту капитана.

— Готов спорить, Барленнан согласился бы со мной. Ты не спрашивала у него, что следует предпринять Дондрагмеру?

— Я не спрашивала, однако он в курсе. Если ты думаешь иначе — вот микрофон. Сообщи ему

собственную точку зрения на происшедшее. Не думаю, чтобы он отменил приказы Дондрагмера или еще кого-нибудь из капитанов крейсеров, тем более когда его самого нет поблизости.

Повисло молчание. Бендж подыскивал возражения. Он был слишком молод, чтобы смириться с холодной трезвостью, с какой капитан планировал свои поступки. После десяти секунд молчания Дондрагмер предположил, что передача со станции закончилась, и начал отвечать:

— Миссис Хоффман — кажется, я узнал ее голос — совершенно права, Бендж. Я не меньше твоего тревожусь о Битчермарлфе и Такуурче, но я в ответе за множество жизней. И боюсь, у меня нет времени на споры. Изи, ты не могла бы подключить кого-нибудь из ваших инженеров к решению проблемы с рефрижератором? Наверное, вы видите Бордендера, взбирающегося по корпусу с образцами; доклад о природе потока должен поступить с минуты на минуту. Если мистер Макдевитт еще в отсеке связи, пожалуйста, попроси его не уходить. Если же он ушел, не могла бы ты пригласить его?

Наблюдатели заметили месклинита, на которого указал капитан, хотя даже Изи не узнала Бордендера. Опередив Бенджа, Макдевитт от-

ветил:

— Я здесь, капитан. Мы подождем, и как только результат анализа окажется здесь, я введу его в компьютер. И хорошо бы, чтобы Бордендер заодно переслал данные о давлении и температуре, вместе с химической информацией.

Бендж хмурился, но больше не вмешивался, понимая, что сейчас не время для пререканий. Кроме того, в отсек связи вошел его отец, сопровождаемый Аукойном и Мерсерэ. Бендж тактично соскользнул с кресла, стоявшего перед центральным экраном, чтобы уступить место планировщику. Юноша был так раздосадован, что не опасался даже нагоняя за несдержанность в разговоре с капитаном. Он не испытал облегчения, когда Изи, вводя новоприбывших в курс дела, ни словом не обмолвилась о пропавших рулевых.

Ее отчет был прерван голосом Дондрагмера:

— Бордендер говорит, что проверил плотность и температуру кипения жидкости из потока. Она примерно на три восьмых состоит из аммиака и на пять восьмых — из воды. Он также говорит, что наружная температура семьдесят один градус, давление двадцать один и шесть десятых стандартной атмосферы — естественно, нашей

стандартной, ветер северо-северо-западный — двадцать один градус от северного направления, если быть точным, скорость сто двадцать кабельтовых в час. Очень легкий бриз. Это удовлетворит ваш компьютер?

— Это поможет. Я немедленно отправляюсь, — ответил Макдевитт, понимаясь с кресла. Возле двери он оглянулся и позвал:

— Бендж, не хочется отвлекать тебя от экранов именно сейчас, но, пожалуй, тебе лучше пойти со мной. Проверишь, правильно ли я ввел данные, а затем передашь предварительные результаты сюда, чтобы сообщить о них Дондрагмеру, пока я буду занят перепроверкой.

Бендж молча последовал за начальником. Изи взглядом поблагодарила Макдевитта, направившего энергию юноши в безопасное русло, и сына, владевшего собой куда лучше, чем она предполагала.

Аукойн не обратил никакого внимания на эту немую сцену; он все еще пытался уяснить положение дел.

— Насколько я понимаю, еще ни один из пропавших членов команды не нашелся, — сказал он, — и Барленнан уже оповещен обо всем, о чем мы договорились несколько часов назад.

Произошло ли еще что-нибудь такое, о чем ему сообщили, а мне — нет?

Изи взглянула на него, пытаясь отыскать следы недовольства на лице администратора, но он, казалось, не осознавал, что его слова можно истолковать как критику. Она подумала, прежде чем ответить:

— Да. Примерно три часа назад Кавано доложил, что на одном из экранов «Эскета» что-то движется. Он заметил пару объектов, которые весьма странным образом перемещались по полу лаборатории, от одного края экрана к другому. Я сразу же начала наблюдение, но более ничего не происходило. Затем, примерно через час или около того, группа, отправленная Доном на поиски пропавшего вертолета, встретила месклинита. Сначала мы, естественно, предположили, что это один из пилотов. Но, когда он приблизился к передатчику, я узнала Кабремма, старшего офицера с «Эскета».

— В шести тысячах миль от того места, где предположительно погибла команда «Эскета»?

— Да.

— Каковы же были комментарии Барленнана?

— Ничего особенного. Он подтвердил, что доклад принял, но не выдвинул никаких особых

теорий.

— Даже не спросил, уверены ли вы в том, что узнали месклинита? Или на чем основано ваше утверждение?

— Нет.

— Что ж, если вы не возражаете, то это хотел бы сделать я. Насколько хорошо вы знаете Кабремма и насколько уверены в том, что были правы?

— Я знала его достаточно хорошо, чтобы не ошибиться; он очень выделялся среди остальных, по окраске, манере держаться и двигаться. Я могу узнать его, как вас, Иба или Бойда.

— Освещение было достаточным, чтобы различить цветовой рисунок? Сейчас ведь там уже ночь.

— Рядом с передатчиком располагались прожекторы, хотя большинство из них находились спереди, в поле зрения, и в основном высвечивался силуэт Кабремма.

— Вы хорошо знали двух пропавших? Это точно, что ни один из них не похож на Кабремма?

Изи покраснела.

— Это, определенно, не Кервенсер, первый офицер Дона. Боюсь, я не слишком хорошо знаю Реффела, чтобы быть уверенной. Эта возможность мне в голову не приходила. Я просто увидела

матроса и назвала его по имени, не задумываясь, повинуясь рефлексу. И уже не могла умолчать об этом в своем докладе; в тот момент микрофон связи с Поселком был подключен, и Барленнан или тот, кто был на вахте, едва ли могли не услышать меня.

— Значит, можно допустить, что Барленнан воздержался от комментариев из вежливости, чтобы не ставить вас в неловкое положение, уличая в глупой ошибке?

— Полагаю, это вполне возможно, — не слишком уверенно ответила Изи. Она ясно понимала, что ее мнение не могло быть полностью объективным.

— Тогда я думаю, — также медленно и задумчиво произнес Аукойн, — что мне лучше поговорить с Барленнаном самому. Вы говорите, что более ничего не происходило на борту «Эскета» после того, как Кавано увидел те предметы?

— Я ничего не заметила. Конечно, передатчик, установленный на командном посту, смотрит во тьму, но три других размещаются в отлично освещенных отсеках, а они ничего не показывали, кроме того, о чем я говорила.

— Хорошо. Барленнан знает наш язык достаточно хорошо, как я имел возможность убедиться,

так что мне не потребуется ваша помощь в переводе.

— О нет. Он вас поймет. Вы хотите сказать, что мне лучше уйти?

— Нет, нет, конечно же, нет. Было бы лучше, если бы вы послушали и предупредили меня, если почувствуете, что возникает какое-то взаимное непонимание.

Аукойн потянулся к переключателю микрофона, чтобы связаться с Поселком, но еще раз взглянул на Изи, прежде чем щелкнул им.

— Вы не будете возражать, если я поинтересуюсь мнением Барленнана насчет Кабремма? Конечно, сейчас наша основная проблема — «Квембли», но желательно прояснить и этот момент. Я бы не хотел, чтобы у Барленнана создалось впечатление, будто мы скрываем информацию.

Он отвернулся и послал вызов вниз, на Дхраун.

Барленнан находился в отсеке связи Поселка, так что не пришлось тратить время на оповещение. Аукойн представился, как только удостоверился в том, что командир находится на другом конце канала связи, и начал свою речь.

Хотя Изи, Иб и Бойд скучали, во второй раз слушая одно и то же, им пришлось отметить ма-

стерство, с которым планировщик выражал свои идеи. По сути, он пытался предвосхитить просьбу послать другой крейсер на спасение «Квембли», в то же время ничего не предлагая. Аукойн искусно жонглировал фразами. Несмотря на то что он ни о чем другом не говорил с самого совещания, это была вдохновенная импровизация, мастерская работа, как позже заметил Иб. Планировщик упомянул об опознании Кабремма, но сделал это мимоходом, так что Изи чуть не прослушала. Аукойн не утверждал, что она ошиблась, но, совершенно очевидно, не придавал этому случаю никакой важности.

Жаль, что такое отточенное красноречие пропало зря. Конечно же, Аукойн, как и остальные люди, не мог знать, что Кабремм не выходит из ума у Барленнана и что командир уже два часа не мог думать ни о чем другом. Оказавшись перед лицом неминуемого крушения своих хитроумных планов, не в силах отыскать реальной альтернативы, он провел эти часы в яростных и целенаправленных раздумьях. К тому времени как его вызвал Аукойн, Барленнан предпринял первые шаги по реализации другого плана. Его пожирало нетерпение, так что месклинит не оценил словесные кружева, которые плел пла-

нировщик. Когда подошла пауза, Барленнан уже имел наготове собственную речь, которая имела весьма далекое отношение к только что сказанному.

Пауза в действительности не была ожиданием ответа, просто Аукойн собирался с мыслями. Однако Мерсерэ вовремя задержал его, когда он вознамерился возобновить речь:

— Перерыв был слишком долгим, и Барленнан предположил, что вы закончили и ждете ответа. Лучше погодите. Он, наверное, уже начал говорить.

Администратор покорно ждал; все-таки это была беседа, а не монолог. Он уже приготовил ироническую реплику на тот случай, если Мерсерэ ошибся, но голос месклинитского командира пришел даже раньше, чем они могли предположить.

— Я долго обдумывал то, что миссис Хоффман сообщила о Кабремме, — говорил он, — и смог прийти лишь к одной теории. Как вы знаете, мы допускаем возможность существования разумных существ на Дхрауне. Ваши ученые были уверены в том, что здесь существует высокоорганизованная жизнь, еще до того, как мы высадились, — благодаря богатому кислородом

воздуху. До сих пор мы натыкались только на простейшие растения и микроскопические организмы, но «Эскет» углубился в районы Нижней Альфы дальше любого другого крейсера. Условия там весьма специфичны, температура выше, и мы не знаем, каким образом это может изменить другие факторы.

До сих пор возможность того, что «Эскет» встретился с разумным противодействием, считалась всего лишь гипотезой, одной из многих, которые мы могли бы придумать. Тем не менее, как неоднократно указывали ваши сотрудники, никто из команды не мог выжить в течение такого периода без поддержки системы жизнеобеспечения крейсера или чего-либо подобного. И конечно же, они не могли добраться от того места, где, насколько мы знаем, по-прежнему находится «Эскет», до района по соседству с Дондрагмером. Появление Кабремма мне кажется убедительным свидетельством того, что команда Дестигмета встретилась с аборигенами Дхрауна или была захвачена ими в плен. Я не знаю, почему Кабремм оказался на свободе. Может быть, просто сбежал, хотя трудно понять, как он осмелился сделать это в таких обстоятельствах. Скорее всего, аборигены намеренно послали его, чтобы установить

контакт. Я бы очень хотел, чтобы вы передали эти соображения Дондрагмеру, выслушали его мнение и попросили разузнать все у Кабремма, если с ним еще можно переговорить. Он все еще с поисковой партией или нет?

Несколько фрагментов одновременно встали на свои места в мысленной мозаике-головоломке Иба Хоффмана. Его беззвучные аплодисменты остались незамеченными даже Изи.

13. Факты странны, вымысел убедителен

Барленнан был вполне доволен своей речью. Он не произнес ни одного лживого слова; самое худшее, в чем его можно обвинить, так это в заблуждении. И если только кто-кто из людей уже не подозревает его, не может быть никакой причины для того, чтобы не передать «теорию» капитану «Квембли», подсказав тому, какой линии Барленнан предлагает придерживаться. На Дондрагмера вполне можно рассчитывать. Он подыграет, особенно, если поймет намек на невозможность связи с Кабреммом. Конечно, плохо, что пришлось раньше времени разыгрывать карту «аборигенов». Он планировал сделать это позднее. Было бы гораздо приятнее, если бы люди дошли до всего сами. Но плох тот план, который невозможно изменить в соответствии с новыми обстоятельствами, напомнил себе Барленнан.

Говорливый Аукойн не находил слов от изумления. Он не сомневался, что Изи обозналась, поскольку уже давно скинул «Эскет» со счетов. И то, что Барленнан принял ее точку зрения, оказа-

лось для него неожиданностью. Администратор понимал, что Изи, как никто другой, знала месклинитов, но не ожидал, что сами месклиниты это заметят. Он винил себя в том, что в последние несколько месяцев не обращал внимания на обычные беседы между наблюдателями (особенно Изи) и месклинитами и оказался оторванным от хода событий, впал в самый страшный грех для руководителя.

Аукойн не смог найти никакой причины для отказа в просьбе Барленнану и посмотрел на остальных. Изи и Мерсерэ выжидательно глядели на него. Женщина держала руку на переключателе микрофона, словно собиралась вызвать Дондрагмера. Ее муж слегка улыбался, что озадачило Аукойна, но, когда их глаза встретились, Хоффман кивнул, словно проанализировал теорию месклинитов и нашел ее правдоподобной. Планировщик помешкал немного и проговорил в микрофон:

— Мы немедленно сделаем это, командир.

Он кивнул Изи, которая тут же включила свой микрофон и начала говорить. Бендж вернулся как раз в тот момент, когда она произнесла первые слова, и было заметно, что его просто распирает от информации, но он взял себя в ру-

ки, когда заметил, что беседа с «Квембли» уже в полном разгаре. Отец наблюдал за ним, пока Изи передавала теорию Барленнана, и втихомолку потешался. Совершенно ясно, что Бендж заглотил идею целиком. Что ж, он еще молод, но некоторые из присутствующих, старше его по возрасту, настроены столь же некритично.

— Барленнан хотел бы знать, что ты думаешь на этот счет и что удалось узнать от Кабремма, — заключила Изи. — Это все. Хотя нет, подожди. — Ее внимание привлек Бендж. — Мой сын только что вернулся из аэрологической лаборатории, и, похоже, у него кое-что есть для вас.

— Мистер Макдевитт прогнал через компьютер данные новых измерений, добавив их к полученным ранее, и сейчас проводит второй пересчет, — без предисловий начал Бендж. — Он оказался прав насчет причин таяния и замерзания вашего озера, а также природы облаков, с которыми столкнулся Стакенди. Весьма велика вероятность того, что выпадение конденсированных осадков из этих облаков увеличится, и поток рядом с вами станет еще мощнее. Он предлагает, чтобы вы следили за приближением облаков к «Квембли». По-видимому, они образуются из-за адиабатического нагревания, поскольку несущий

их воздушный поток движется вниз по склону поверхности. Макдевитт утверждает, что чем позже эти облака доберутся до вас, тем сильнее окажется разлив, когда он вас настигнет. Сам я не знаю, почему должно произойти именно так, но на это указывает компьютер. Макдевитт также попросил меня напомнить, что это всего лишь еще одно экспериментальное вычисление, и поэтому весьма вероятно, что оно может оказаться ошибочным, как и прежние. Он привел весьма длинное объяснение все тех причин, по которым не может быть уверен в непогрешимости вычислений, но ты, впрочем, все это уже слышал и ранее.

Ответ от Дондрагмера поступил почти сразу же после истечения обычной паузы, он затратил всего секунду-две на принятие решения.

— Очень хорошо, Бендж. Пожалуйста, передай Барленнану, что его мысль кажется разумной. По крайней мере, она объясняет исчезновение двух моих пилотов. У меня не было возможности побеседовать с Кабреммом — если это действительно был он, — я его не видел. Он не вернулся на «Квембли». Вам проще узнать, остался ли он со Стакенди или присоединился к тем, кто отправился вниз по течению. Я приму меры

предосторожности на тот случай, если предположения командира правильны. Если бы эта мысль пришла мне голову несколько раньше, я бы, конечно, не послал практически всю свою команду для подготовки безопасной базы в долине.

А может, даже и хорошо, что я так поступил. Не вижу никаких возможностей быстро освободить крейсер, и, если мистер Макдевитт предрекает еще одно наводнение, нам нужно как можно быстрее закончить переход. Стоит потоку, вроде того, что принес нас сюда, ударить по «Квембли», как обломки корпуса окажутся разметанными на миллионы кабельтовых вниз по течению. Когда мои матросы вернутся, мы прихватим с собой еще одну порцию оборудования и временно оставим корабль. Мы остановимся на склоне долины, и, как только оборудование системы жизнеобеспечения заработает, я начну посылать группы матросов назад, сюда, чтобы вести работы по освобождению «Квембли», при условии, конечно, что не идет поток. Таков мой твердый, основной план; я разработаю задания для групп с вашей помощью, и, если теория Барленнана потребует специфических действий, предприму их, но у меня нет времени на обсуждение основных решений. Я могу уже разглядеть не севере

движущиеся огни; кажется, возвращается моя команда. Я разверну камеру так, чтобы вы могли их увидеть.

Изображение на экране помутнело, затем картина резко изменилась, когда капитан развернул ящичек передатчика.

Если капитан заботился об удобстве людей, у него были весьма своеобразные представления на сей счет. Освещенное пространство вокруг «Квембли», где детали не только можно было рассмотреть, но сравнить и интерпретировать, сменилось почти полной тьмой, оживленной лишь несколькими точками света. И потребовалось пристальное, внимательное наблюдение, чтобы убедиться в справедливости утверждения Дондрагмера, что эти точки движутся. Изи уже собиралась попросить, чтобы камеру развернули в прежнее положение, когда заговорил Бендж.

— Вы что, поставили крест на Битчермарлфе и Такуурче и просто собираетесь уйти и оставить их там? Я знаю, что у тебя под началом сотня матросов, о которых надо позаботиться, но вы же не испробовали всех средств для спасения!

Изи была поражена и напугана запальчивостью сына и едва не вмешалась в беседу с выговором парню и извинениями Дондрагмеру.

Но она замешкалась, пытаясь найти подходящие слова; к тому же сердцем Изи была на стороне Бенджа. Аукойн и Мерсерэ не следили пристально за беседой, поскольку оба сосредоточились на Барленнане, кроме того, Бендж выпалил свою тираду на стеннийском. Иб Хоффман сохранял невозмутимость — только уголки его рта предательски подергивались, но никто, кроме Изи, не мог бы догадаться, что он веселится от души. Макдевитт только что вошел, слишком поздно, чтобы исправить положение, и заметил лишь смятение на лице Изи.

Пауза затянулась сверх положенного времени, но люди терпеливо ждали ответа Дондрагмера. Когда же ответ поступил, ни в тоне, ни в словах не оказалось и следа раздражения; Изи жалела, что не видит Дона и не может судить о его чувствах по положению тела.

— Я не бросил их, Бендж. Оборудование, которое мы планируем прихватить с собой, включает энергетические конвертеры, так что я пошлю матросов под корпус с прожекторами, чтобы вытащить конвертеры — сколько получится — из незамерзших тележек. И распоряжусь заодно внимательно осмотреть все вокруг. Если рулевых найдут, отряжу матросов освободить их ото льда

— спасатели будут работать до последней возможности. Но я не могу бросить всю команду на скалывание льда, пока не покончено с другими делами. К тому же кто поручится, что рулевые не обнаружили, что происходит, прежде чем озерцо промерзло до самого дна. Может, они оказались в ловушке, когда искали дыру во льду.

Бендж кивнул и покраснел от смущения. Изи извинилась за сына:

— Спасибо, капитан. Мы поняли. Бендж погорячился и неудачно выбирал слова. Ты не мог бы снова направить камеру на освещенную площадь? Мы ничего не можем разглядеть.

— Кстати, — попросил Макдевитт, — хотя вы и собираетесь покинуть «Квембли», нельзя ли оставить один конвертер на борту — для подпитки прожекторов — и нацелить камеры капитанского мостика так, чтобы нам был виден корпус? Это позволит наблюдать за потоком, когда он появится, а он появится — я уверен — часов через пятнадцать, если не раньше. Кроме того, мы будем знать, есть ли смысл разыскивать крейсер и *где* его разыскивать. Конечно, в этом случае у вас остаются только два передатчика, но, мне кажется, идея стоящая.

И снова Дондрагмер принял решение мгновен-

но; его ответ прозвучал из динамика почти сразу же после шестидесятичетырехсекундного гонга.

— Да, мы так и сделаем. Все равно пришлось бы оставить источники света и энергоблоки для них, чтобы команды могли вернуться и работать; и я хотел бы иметь с ними надежную связь. Я снова развернул передатчик, так чтобы камера показывала правый борт, который вы уже, без сомнения, наблюдаете. А сейчас я должен покинуть капитанский мостик; через минуту-две команды уже будет здесь, и я хочу каждой группе сообщить, чем заняться, как только они прибудут на место.

И снова Бендж заговорил, ни с кем не посоветовавшись:

— Капитан, если мои слова успеют достичь тебя, не мог бы ты подать знак, например помахать, если обнаружишь Битчермарлфа живым? Или, может, он сделает это сам? Я не прошу взбираться обратно на капитанский мостик, чтобы поведать детали.

Ответа не последовало. Очевидно, Дондрагмер надел гермокостюм и вышел наружу, едва закончил говорить. Людям оставалось только ждать.

Аукойн с помощью Изи передал ответ Дондрагмера в Поселок и получил подтверждение от Барленнана. Командир попросил держать его в

курсе всего происходящего с «Квембли», сообщая все детали, особенно соображения Дондрагмера, если таковые появятся. Аукойн согласился, попросив Изи довести эту просьбу до сведения капитана, но Изи напомнила, что придется подождать, пока месклинит возобновит связь.

— Хорошо, — кивнул планировщик. — По крайней мере, они хоть не просят выслать спасательный корабль. Хорошо, что это не пришло в голову никому из нас.

— Лично я, — возразила Изи, — отправила бы «Каллифф» или «Хуурш» давным-давно, когда «Квембли» вмерз в лед.

— Знаю, знаю, — проворчал Аукойн. — И ценю вашу лояльность, помешавшую подбросить сию идею Барленнану, вопреки моим возражениям. Эх, только бы ему это не взбрело на ум. Всякий раз, когда вы объединяетесь против меня, я оказываюсь на лопатках.

Изи искоса взглянула на Аукойна, а затем уставилась на микрофон. Ее муж решил рассеять напряженность и нарушил неловкое молчание вопросом:

— Алан, а что вы думаете о теории Барленнана?

Аукойн нахмурился. Он отлично понял, почему

Иб вмешался в разговор, но вопрос, который тот задал, был не из разряда риторических и требовал серьезного ответа. Изи же просто обрадовалась, что избавлена от утомительных споров.

— Теория поразительная, — нехотя произнес планировщик, — но абсолютно невероятная. Дхраун — огромная планета, если это вообще планета. Не странно ли, что мы встретили разумную жизнь так скоро, и произошло это — заметьте! — только с одним крейсером. Здешняя цивилизация — если она существует — не использует электромагнитную энергию; мы бы засекли это, когда впервые приблизились к планете. Стало быть, уровень ее развития невысок. Но тогда как объяснить случившееся с командой «Эскета»?

— Не обладая знаниями о физических и мыслительных способностях аборигенов, не говоря уже об их культуре, я не берусь даже строить предположения, — улыбнулся Хоффман. — Но разве не закончили свои дни в Испании некоторые из тех индейцев, что встретились с Колумбом?

— Ну, это сравнение притянуто за уши. Можно выдвинуть бесконечное множество версий того, что произошло с «Эскетом», и не ссылаясь на разумное противодействие. Вы это знаете не хуже меня — сами ломали над этим голову, пока не

бросили бессмысленное занятие. Если в теории Барленнана и есть крупица истины, ее надо искать под микроскопом.

— Вы по-прежнему считаете, что я ошибалась насчет Кабремма? — спросила Изи.

— Боюсь, что так. Более того, я просто не верю, что мы наткнулись на разумную жизнь. Не считайте меня твердолобым, но некоторые вещи просто невозможны по сути своей.

Хоффман усмехнулся.

— Способность людей проводить аналогии — ее можно назвать статистической интуицией — всегда была весьма обманчивой, даже если опустить такие классические примеры, как Луис Лэйн. Но вероятность, от которой вы отмахиваетесь, не столь уж незначительна. Вы знаете не хуже меня, что в очень небольшом пространстве — в пределах пяти парсеков от Солнца, — заключающем в себе всего лишь семьдесят четыре звезды и примерно двести планет, мы обнаружили двадцать рас почти одного с нами уровня развития, безопасно преодолевших энергетический кризис. Восемь других, включая обитателей Тенебры и Месклина, пока не столкнулись с энергетической проблемой; еще восемь с ней не справились и вымерли, и три потерпели поражение, но идут на

поправку. И каждая из них находится примерно в ста тысячах лет от ключевого момента. А ведь возраст планет колеблется в пределах от девяти миллиардов лет — у Панеша — до девятисот миллионов — у Тенебры. Это больше чем совпадение, Алан.

— Может быть, Панеш, Земля и более старые планеты родили и похоронили не одну цивилизацию; может быть, это случается со всеми мирами каждые несколько десятков миллионов лет.

— Но этого бы не произошло, окажись древние расы настолько разумными, чтобы никогда не пользоваться ископаемым топливом. Не думаете ли вы, что о присутствии человека на Земле через миллиард лет будут напоминать только опустошенные угольные выработки и жестянки из-под пива, залегающие в глубинных пластах, как теперь — кости ящеров? Я в это не верю. Алан.

— Как знать… Я в достаточной степени мистик, чтобы поверить, будто какие-то сверхсущества направляют расы, существующие в этой части космоса, к одному великому свершению.

— Нравится ли вам демоническая гипотеза или вы предпочитаете теорию Эсфа — не имеет значения. Здесь, определенно, замешано нечто большее, чем простая случайность. Вы не можете

использовать одни лишь статистические законы для критики того, что предположил Барленнан. Вам не надо принимать на веру его теорию, но я настоятельно рекомендую относиться к нему серьезно. Как я.

Дондрагмеру было бы интересно присутствовать при этой беседе, так же как и на совещании персонала, несколькими часами ранее. Но даже будь такое физически возможным, капитану помешала бы гора дел. После возвращения большей части команды (несколько матросов остались на новом месте устанавливать оборудование) двадцать его подчиненных присоединились к тем, кто уже скалывал лед с главного шлюза, примерно столько же направились под корпус с прожекторами и инструментами для поиска и доставки энергоблоков. Капитан сдержал обещание, приказав обшарить все закоулки в поисках Битчермарлфа и Такуурча. Но он велел главным образом обследовать толщу льда, и в результате матросы ничего не обнаружили. Они появились спустя несколько минут с двумя энергоблоками, которые вынули из тележек, использованных рулевыми, и еще двумя, которые освободил ото льда импровизированный нагреватель. Под корпусом, насколько помнилось Дондрагмеру, должно было

оставаться еще шесть конвертеров, но до них не добрались, хотя матросы и знали, где их искать.

Свободные от поисков и скалывания льда проникли в крейсер через доступные шлюзы: малый, что вел на командный пост, несколько больших, для вертолетов, и пару аварийных, располагавшихся по обоим бортам, неподалеку от носа и кормы. Оказавшись внутри, каждый сразу же начинал заниматься своим делом. Одни собирали запасы еды на то время, пока не заработает система жизнеобеспечения и не возобновится нормальная переработка; другие готовили бухты канатов, фонари, энергоблоки и прочее оборудование для переноски.

Многие мастерили приспособления для переноски. Поскольку «Квембли» приводился в движение термоядерной энергией, обнаружилась отчаянная нехватка колес. Многочисленные крошечные блоки, передающие усилия управляющих канатов через углы, были слишком малы, чтобы использовать их для волокуш или схожих приспособлений, и Дондрагмер строго-настрого запретил разбирать устройства. На борту не нашлось ничего напоминающего грузоподъемник или тележку. Подобные устройства, приводившиеся в движение силой мышц, использовались

на Месклине для перевозок на средние и большие дистанции, но на «Квембли» не попадалось ничего такого, что не мог бы перенести из одного конца корабля в другой любой месклинит. А теперь, когда предстояло преодолеть не одну милю с тяжелым грузом, пришлось импровизировать. Начали появляться носилки. Коридоры, ведущие к главному шлюзу, быстро заполнялись припасами и оборудованием.

Однако шум не проникал сквозь демпфер, в котором по-прежнему находились Битчермарлф и Такуурч. Как стало известно позже, они забрались в это убежище буквально за несколько минут до того, как заработал нагреватель. Прочный, толстый резиноподобный материал демпфера с трудом поддавался даже ножу, который пустили в ход месклиниты, и глушил все звуки. Конечно, если бы матросам, работавшим под корпусом, пришлось связаться с кем-либо вдалеке, их резонирующие возгласы вполне могли проникнуть сквозь толстый материал; но матросам было не до разговоров, и они четко знали свою задачу. Края разреза, через который рулевые проникли в демпфер, сошлись, благодаря эластичности материала, так что сквозь него не проникал свет. Наконец, стоицизм и покорность судьбе настоль-

ко доминировали в характере месклинитов, что только удушье могло заставить Битчермарлфа и его спутника выглянуть наружу.

Так что Дондрагмер, если и услышал призыв Бенджа, вряд ли мог ему посигналить. Всего три фута отделяло рулевых от их товарищей, но пропавших так и не нашли.

Но не вся команда «Квембли» занималась подготовкой к переходу: двум матросам Дондрагмер дал особое поручение:

— Отправляйтесь к потоку, затем двигайтесь на северо-запад, пока не найдете Кабремма и «Гвельф». Сообщите, чем мы здесь занимаемся и где разобьем лагерь — вы уже на том месте побывали. Мы установим приборы так, чтобы хорошо просматривалась местность. Он сможет привести «Гвельф» и посадить его где-нибудь вне освещенной зоны, не боясь, что увидят человеческие существа. Скажите, что командир, похоже, начал часть игры, касающуюся аборигенов, несколько ранее, очевидно, из-за Кабремма. Он не вдавался в детали и, возможно, будет действовать так и дальше — пусть люди изобретают собственные предположения.

Когда поговорите с Кабреммом, направляйтесь вверх по руслу потока, пока не найдете Стакенди.

Сообщите ему то же самое. И смотрите не попадите в поле зрения передатчика. Когда решите, что партия Стакенди уже недалеко, выключите прожекторы и высматривайте его. Конечно же, я буду поддерживать с ним связь через людей, но это сообщение не для человеческих ушей. Вы поняли?

— Да, — ответили в один голос оба матроса и тут же исчезли.

Прошло несколько часов. Наконец главный шлюз освободили ото льда и открыли. Почти все, что необходимо было вынести наружу, вынесли, когда сверху поступил вызов. Передатчик, раньше находившийся в лаборатории, сейчас был снаружи, так что с Дондрагмером связались напрямую. У микрофона на другом конце сидел Бендж.

— Капитан, Стакенди докладывает, что поток, за которым он следует, становится заметно шире и быстрее, а из туч начинает идти дождь. Я передал, чтобы он возвращался, под мою ответственность.

Капитан посмотрел вверх, на безоблачное небо, а затем в западном направлении, туда, откуда мог показаться туман, скрывавший Стакенди, если бы сейчас был день.

— Спасибо, Бендж. Именно это я бы и сам приказал. Мы сейчас покидаем «Квембли», а то поток станет слишком мощным, чтобы переправляться через него с оборудованием. Я установлю передатчик на командном посту и оставлю включенными прожекторы, как и просил мистер Макдевитт. Надеюсь, скоро вы сообщите, что можно спокойно вернуться назад. Пожалуйста, дай знать об этом Барленнану и скажи, что мы будем очень осторожно и внимательно — насколько возможно — высматривать аборигенов. Если, как командир предполагает, они используют Кабремма в качестве посредника, я сделаю все от меня зависящее, чтобы установить с ними сотрудничество. Сам я Кабремма пока не видел, а ты больше не упоминал о нем, так что я в полном неведении.

Информируй меня, пожалуйста, обо всех предположениях и планах Барленнана, да и я постараюсь держать тебя в курсе. Но разное может произойти, и так быстро, что будет не до разговоров. Наблюдай за своими экранами. Пока все. Мы выходим.

Капитан издал резонирующий трубный зов, который, к счастью для человеческих ушей, не был усилен передатчиком. Месклиниты вытяну-

лись в линию и спустя две минуты исчезли из поля зрения передатчика, оставшегося на капитанском мостике.

Другой передатчик несли в хвосте колонны, так что экран наверху показывал вереницу огней, которые покачивались в ее начале. Кроме этого мало что было видно. Ближайшие к передатчику матросы, находившиеся в двух-трех ярдах от камеры, просматривались довольно отчетливо: они то и дело огибали валуны. Вереницу месклинитов могли преследовать легионы аборигенов, и ни один человек этого бы не заметил. Аукойн уже в который раз проклинал 1500-часовой период обращения Дхрауна. Оставалось больше шестисот часов до того, как холодное тусклое свечение Лаланда-21185 возвестит о начале дня.

Поток был еще слаб, когда месклиниты пересекли его, хотя Стакенди, находившийся в нескольких милях западнее, подтвердил, что поток набирает мощь. Бендж предложил, чтобы группа Стакенди также пересекла поток и встретилась с товарищами на другой стороне долины. По счастью для месклинитов, он посоветовался сперва с Дондрагмером. Капитан, вспомнив о двух посланцах, продвигающихся вверх по руслу потока, торопливо велел повременить с пере-

ходом. Пусть Стакенди и его люди проверят, не изменилась ли ширина русла в тех местах, где они уже проходили, распорядился Дондрагмер. Бендж и Изи приняли этот предлог. Иб Хоффман, отлично знавший, что у группы нет при себе приборов и толку от измерений не будет никакого, тихонько присвистнул, а потом долго боролся с искушением расхохотаться.

В эти минуты, растянувшиеся на часы, мало что можно было наблюдать. Команда взобралась по каменному склону туда, где осталась первая партия груза, и начала разбивать лагерь. Конечно же, в первую очередь занялись оборудованием жизнеобеспечения. Запас дыхательной смеси в гермокостюмах был еще достаточным, но рано или поздно его придется пополнять. Кроме того, организм месклинитов, расточающий энергию, требовал пищи.

Наконец группа Стакенди пересекла поток и, несколько позже, достигла лагеря. Переход был одобрен Дондрагмером, после того как в сообщение Бенджа совершенно случайно вкралось имя одного из посланцев капитана.

Таким образом, никто из экипажа «Квембли» и людей не видел нарастания потока. А это было довольно любопытное зрелище. Мелкий ручеек,

извивающийся между камнями и ныряющий под них, вбирал в себя другие крошечные ниточки воды, смешанной с аммиаком, и, по мере того как капли влаги концентрировались и оседали, становился все глубже и резвее. Теперь он яростно бился о камни, затоплял ложбины. Тут и там жидкость на некоторое время замерзала, потому что полузамерзшая грязь, уносимая течением, и аммиак из тумана заставляли колебаться концентрацию раствора. Аммиак переходил в жидкую фазу при обычной для Дхрауна температуре — сто семьдесят четыре градуса по шкале Кельвина, или семьдесят один градус по шкале, используемой месклинитскими учеными.

По мере приближения потока к «Квембли», он набирал среди камней все больше водяного льда, и течение его замедлялось. Какое-то время аммиак растворялся в воде, и их смесь текла дальше, как только попадала в температурную зону, где становилась жидкой. Наступил момент, когда поток остановился и стал обрастать наплывами, как свеча — воском; смесь временно застыла из-за возрастающей концентрации аммиака. Но затем он снова обратился в жидкость, как только находящийся под смесью чистый водяной лед начал активно реагировать с ней.

Наконец поток достиг ямы, которая была выплавлена у правого борта «Квембли». Здесь его могли наблюдать люди. Сейчас он представлял собой сложную композицию из различных жидкостей, льда и полузамерзшей грязи и разлился мили на две. В этом нескончаемом соревновании твердой и жидкой фаз последняя, похоже, брала верх. Далеко внизу по течению воздух был по-прежнему свободен от тумана и насыщен аммиаком, конечно, насыщен по отношению к чистой жидкой поверхности аммиака. Давление газообразного аммиака опустилось ниже того, что необходимо для равновесия смеси аммиак-вода. Таким образом, конденсация в основном протекала на льду — водяном льду и льду с низким содержанием аммиака.

Поверхность льда расплавлялась и освобождала следующий, еще твердый слой для испарения. Жидкость снова стремилась затвердеть, поскольку абсорбировала пары аммиака, но течение бросало ее на водяной лед.

В пространстве под корпусом «Квембли» лед плавился, соприкасаясь с жидкостью, и образовывалась густая жижа; но аммиак, диффундирующий с поверхности у борта корабля, тут же плавил и ее. Постепенно хватка льда, удержи-

вавшего огромную машину, ослабевала, но так медленно, что ни люди, наблюдавшие за происходящим с орбиты, ни месклиниты, затаившиеся в темном убежище, не заметили перемены, когда корабль освободился и поплыл свободно.

К этому времени уже вся смесь в русле стало жидкой — осталось лишь несколько пятен ледяного крошева. Новый поток совершенно отличался от потока, пронесшегося примерно сотней часов ранее, когда три миллиона квадратных миль водяного снега оказались в соприкосновении с аммиачным туманом.

Итак, незаметно для всех заинтересованных лиц «Квембли» пришел в движение вместе с потоком. Движение это не было отмечено людьми из-за отсутствия ориентиров, точек отсчета, а рулевые не ощутили его потому, что ни покачивание, ни наклон не потревожили их.

Эта сезонная река, осушающая большое плато, на котором застрял «Квембли», проходила между горами, точнее, холмами — в масштабах Дхрауна. Она текла четыре тысячи миль в северо-западном, а потом юго-восточном направлении. «Квембли» большую часть своего пути до начала паводка проделал параллельно этому направлению. Дондрагмер, его рулевые, воздушные

разведчики — большая часть команды — хорошо знали небольшое возвышение слева от них, где-то рядом. Иногда его можно было разглядеть с командного поста, иногда — только из кабины пилотов.

Паводок пронес крейсер через ущелье на юго-восточной оконечности гряды в низменные области, ближе к краю Нижней Альфы, где корабль и застрял. Первый паводок был стремительным, хотя и робким началом нового климатического сезона. Дхраун приближался к своему неяркому холодному солнцу, и по мере этого приближения менялась широта субзвездного пояса. Второй же паводок мог закончиться, только когда все плато окажется осушенным: примерно через земной год или более. Первые движения «Квембли» были осторожны и незаметны, потому что он высвобождался из ледяного плена очень медленно. Это объяснялось тем, что жидкость под кораблем содержала взвесь кристаллов; кроме того, течение замедлялось из-за значительной ширины и глубины. Быть может, Битчермарлф и Такуурч уже смутно осознавали происходящее из-за недостатка водорода для дыхания, но, даже если они и находились в полном сознании, легкие движения корпуса «Квембли» могли замаскировать

собственные перемещения мягкой поверхности, поддерживавшей их.

Нижняя Альфа была не самым теплым регионом на Дхрауне, но парниковый эффект, который заставляет концентрироваться радиоактивные элементы на любой планете, нагрели ее до точки плавления водяного льда, что на двести градусов превышало температуру, которую обеспечивал Лаланд-21185 без помощи озонового слоя. Человек мог бы выжить в этом регионе, пользуясь незначительной искусственной защитой, если бы не колоссальное давление атмосферы и сила тяжести. По-настоящему жаркий регион — Нижняя Бета — располагался в сорока тысячах миль дальше, к северу; протекающие в нем процессы определяли изменение климата на Дхрауне.

«Квембли» дрейфовал в области с высокой температурой, которая поддерживала реку в жидком состоянии, несмотря на то что теперь аммиак, содержавшийся в жидкости, начал испаряться. Направление потока почти полностью определялось особенностями рельефа, а не наоборот; просто в геологических масштабах река была слишком молодой, чтобы сильно изменить ландшафт. Кроме того, большая часть поверхности планеты в этом районе была образована твердой

коренной породой вулканического происхождения, а не наносами осадочного характера, в которых поток мог бы легко проложить себе русло.

Примерно в трехстах милях от точки, в которой судно было оставлено, «Квембли» вынесло в широкое мелкое озеро. Вернее, в мягкую грязевую дельту реки. Огромный корпус замедлил движение, с трудом преодолевая грязевые потоки, но спустя примерно полчаса «Квембли», на мгновение резко накренившись, скользнул на просторы озера и, сразу же выправившись, свободно поплыл. Именно это покачивание, сопутствующее окончательному освобождению, привлекло внимание рулевых и заставило их выйти наружу, чтобы осмотреться.

14. Спасательная команда

Было бы неправдой сказать, что Бендж узнал Битчермарлфа с первого взгляда. На самом деле первым гусеницеподобным существом, вынырнувшим из воды и взобравшимся на корпус корабля, оказался Такуурч. И все же именно имя молодого рулевого прозвучало в четырех передатчиках на Дхрауне.

Один из передатчиков, расположенный на покинутом командном посту «Квембли», никем не был услышан. Два других находились в лагере Дондрагмера, в нескольких сотнях ярдов от широкой быстрой реки, которая сейчас заполняла долину. Четвертый стоял в вертолете Реффела, припаркованном рядом с корпусом «Гвельфа».

Летательные аппараты оставались примерно в миле к западу от лагеря Дондрагмера, так как Кабремм не осмеливался подойти ближе, опасаясь повторения своей прежней ошибки. Наверное, он вообще бы не сдвинулся с места, где Стакенди обнаружил его, если бы не поднявшийся уровень реки. Кроме того, его задержал туман, и сейчас он не испытывал ни малейшего желания лететь.

Еще менее хотел куда-нибудь двигаться Реффел.

Тем не менее, выбора не было, и Кабремм позволил своему аппарату спокойно подыматься вверх, в восходящих потоках, пока тот не оказался в чистом воздухе, над туманом. Реффел завис на своем вертолете так близко от позиционных огней другой машины, как только осмелился. Достигнув высоты в несколько ярдов над туманом, представляющим собой скопление крошечных капелек аммиака, они почувствовали, что машины поддаются управлению, и полетели в сторону огней лагеря Дондрагмера, пока командир вертолета не решил, что они уже находятся достаточно близко.

Позволить «Гвельфу» попасть в зону, доступную для наблюдения людям наверху, на орбитальной станции, было бы еще более серьезной ошибкой, чем та, которую он уже допустил. Кабремм по-прежнему пытался сообразить, что же он скажет Барленнану, когда они увидятся.

Кабремм и Реффел провели несколько неприятных часов, прежде чем пришли к заключению, что, похоже, Реффел, оказавшись в пределах видимости «Гвельфа», «захлопнул» свой передатчик достаточно быстро, не успев «засветить» Кабремма.

В любом случае Дондрагмер и Кабремм наконец-то обрели возможность почти прямого общения, и теперь могли, таким образом, скоординировать свои сообщения и действия на тот случай, если проявятся какие-нибудь последствия наблюдений Изи. Один груз свалился с плеч капитана. Тем не менее, он продолжал предпринимать шаги, связанные с этой ошибкой.

Выкрик Бенджа «Битч!» отвлек капитана от очередного такого занятия: он проверял, нет ли среди команды матроса, более или менее похожего на Кабремма. Поиски затруднялись еще и тем, что он не видел этого офицера уже несколько месяцев, да и вообще знал его не очень хорошо. Дондрагмер до сих пор еще не мог найти времени, чтобы посетить «Гвельф», а Кабремм тоже не подошел бы к лагерю близко, не желая обнаружить себя.

Придуманный Дондрагмером план состоял в том, чтобы все члены команды, которых издали можно было бы принять за Кабремма, как бы ненароком, время от времени появлялись в поле зрения камеры передатчика. Стоило испробовать любые попытки, могущие хоть как-то подорвать уверенность Изи Хоффман в том, что она видела именно Кабремма.

Однако ни разу за истекшие двенадцать часов — с тех пор, как растворились в ночи огни крейсера, судьба «Квембли» и его рулевых не переставала занимать мыслей Дондрагмера. И, услышав прозвучавшее из динамика имя, он замер.

— Капитан! — продолжал голос Бенджа. — Только что из реки вынырнули два месклинита, и сейчас они карабкаются вверх по корпусу «Квембли». Наверное, все это время они просидели где-то там, под кораблем, даже когда вы не смогли их найти. Это не может быть никто, кроме них — Битча и Така. С ними не удастся переговорить, пока они не доберутся до командного поста, но, похоже, в конце концов вы получите обратно свой корабль. Двое матросов ведь справятся с управлением, не так ли?

Мысли Дондрагмера лихорадочно заметались. Он не винил себя за решение оставить крейсер, несмотря на то что паводок стал для него причиной стольких неприятностей. В то время, с той информацией, какая имелась в их распоряжении, такое решение было единственно верным. И лишь позже, когда стала ясна природа потока, они поняли, что могли в полной безопасности оставаться на борту крейсера, но вернуться на

борт «Квембли» уже не представлялось возможным. Будучи месклинитом, капитан не стал зря тратить времени на мысли типа «а что, если?». Покидая свой корабль, он сознавал, что шансы вернуть его весьма малы, а когда тот поплыл вниз по руслу потока в целости и сохранности, не превратившись в кучу бесформенного хлама, эти шансы стали еще меньше, и серьезно рассчитывать на них не приходилось.

А теперь неожиданно шансы сильно возросли. Не только «Квембли» оказался в порядке, но рулевые, оба, остались в живых, и к тому же находились на борту корабля. Что можно сделать, если…

— Бендж! — сказал Дондрагмер, приняв решение. — Не мог бы ты переговорить с вашими техниками, чтобы они постарались определить, и по возможности точнее, как далеко от нас находится сейчас «Квембли»? Вполне вероятно, что Битчермарлф справится с ним в одиночку, хотя есть кое-какие проблемы управления, которые будут держать его и Такуурча в постоянном напряжении. И все-таки они должны справиться с ними. В любом случае надо выяснить, какое примерно расстояние нас отделяет — пятьдесят миль или тысяча? Не думаю, что тысяча: вряд ли

река успела унести их так далеко за двенадцать часов, но все же мы должны это знать. Пусть ваши люди этим займутся, и, пожалуйста, сообщи Барленнану, что происходит.

Бендж повиновался и быстро приступил к делу. Апатия сменилась подъемом. Он больше не чувствовал себя разбитым и усталым, забыл обиды и тревоги. Когда двенадцать часов назад экипаж оставил «Квембли», Бендж, окончательно потеряв надежду увидеть своего друга живым, покинул отсек связи, чтобы хоть немного выспаться. Он, правда, не думал, что сможет уснуть, но организм взял свое, и девять часов спустя юноша, отлично выспавшись, вернулся к обычным обязанностям в лаборатории аэрологии. И лишь чистая случайность привела его в отсек связи, к экранам, за несколько минут до появления рулевых. Его послал Макдевитт — собрать общие данные, полученные от других крейсеров, но он задержался на несколько минут, чтобы взглянуть на экран «Квембли». Метеоролог привык полагаться на Бенджа во всем, что касалось знания языка месклинитов.

Сон и неожиданное «воскресение» Битчер-марлфа — все вместе заставило Бенджа забыть старые обиды, вызванные политикой Дондраг-

мера. Поэтому, выслушав просьбу капитана, он немедленно вызвал свою мать — сменить его у экрана — и поспешил на тот уровень станции, где располагались лаборатории, преодолевая ступени со всей доступной для его мышц скоростью.

Изи, которой тоже удалось немного поспать, связавшись с Дондрагмером, сообщила, что заступила на дежурство вместо Бенджа, потом, как было обещано, вызвала Барленнана, а затем снова переключилась на капитана, чтобы задать собственный вопрос:

— Дон, нашлись двое из пропавших. Тебе не кажется, что еще остается какой-то шанс найти пилотов вертолетов?

Дондрагмер чуть не сболтнул лишнее, хотя старался очень аккуратно выбирать слова. Он, конечно, знал, где находится Реффел, поскольку курьеры постоянно сновали между лагерем и «Гвельфом»; но вот никаких следов Кервенсера, к глубокому сожалению капитана, так до сих пор и не было замечено. Он действительно исчез, и вероятность того, что он еще жив, капитан считал очень низкой. Еще час назад он считал, что даже у «Квембли» больше шансов уцелеть. Конечно, говорить об этом можно было совершенно открыто, не делая секрета; промах заключался в том,

что, разговаривая, он имел в виду одного лишь Кервенсера, забыв включить в число пропавших Реффела. Стеннийские формы, определяющие эквиваленты единственного и множественного числа, столь же различались, как и в языке людей. И Дондрагмер несколько раз ловил себя на том, что использует единственное число, говоря о своих пропавших пилотах. Казалось, Изи ничего не заметила, но впоследствии он много думал над этим.

— Трудно судить. Я не видел никого, из них. Если он отправился вниз, в область, где сейчас разгулялся паводок, то не вижу, как они могли бы остаться в живых. Очень жаль, конечно, — и не только парней, но и машины, потому что даже с одним вертолетом удалось бы перебросить больше парней на «Квембли» и вернуть корабль назад гораздо быстрее. Естественно, большую часть оборудования таким путем переправить невозможно; с другой стороны, если окажется, что двое рулевых не смогут привести крейсер сюда по какой-то причине, обладание хотя бы одним из вертолетов имело бы большое значение для *них.* Очень жаль, что ваши ученые не могут засечь передатчик, который взял с собой Реффел, как они засекли тот, что на «Квембли».

— Не один ты испытываешь сожаление, — согласилась Изи, подумав, что этот вопрос начали обсуждать вскоре после исчезновения Реффела. — Я не слишком хорошо разбираюсь в машинах, чтобы понять, почему сила сигнала зависит от яркости изображения; я всегда считала несущую волну просто несущей. Но похоже, дело обстоит так: или передатчик Реффела находится в полной темноте, или он уничтожен. А ваша система жизнеобеспечения, как я вижу, уже установлена и работает?

Последняя фраза Изи не являлась попыткой сменить тему. Просто она впервые хорошенько разглядела оборудование, о котором так много говорили, и потому испытывала любопытство. Система жизнеобеспечения состояла из множества — более сотни — квадратных прозрачных цистерн, занимающих площадь примерно в дюжину квадратных ярдов, и каждая на треть была заполнена жидкостью, в которой пузырился почти чистый водород, служащий месклинитам для дыхания, — месклинитский «воздух», пузырьки которого, рождаясь в жидкости, поднимались наверх. Энергоблоки питали лампы, освещающие цистерны, но насосы, поддерживающие циркуляцию газа, приводились в движение му-

скульной силой. Растения, которые окисляли насыщенные гидрокарбонатами биологические отходы жизнедеятельности месклинитов и отдавали свободный водород, были представлены несколькими разнообразными одноклеточными организмами, соответствующими земным одноклеточным водорослям. Их отобрали для системы жизнеобеспечения также и потому, что они годились в пищу, но, как дали Изи понять, их вкусовые качества оставляли желать лучшего. Те секции оборудования, где выращивали растения более высокого порядка — эквиваленты фруктов и овощей, — оказались слишком громоздкими, и их нельзя было снять с крейсера.

Изи не знала, каким образом негазообразные продукты биологического цикла вводились в цистерны и выводились из них, но она с любопытством проследила, как заряжают патроны для гермокостюмов. Сначала с помощью мускульной силы приводили в движение насосы, а те, в свою очередь, нагнетали водород в цистерны, где лежали куски пористого твердого материала. Этот материал имел совершенно не месклинитское происхождение, по молекулярной структуре он, хотя и весьма отдаленно, напоминал цеолит, который адсорбировал во-

дород на внутренних стенках, своих волосяных каналов, и в широком диапазоне температур поддерживал нужное парциальное давление водорода в газе, используемом месклинитами для наполнения гермокостюмов.

Дондрагмер ответил на замечание Изи:

— Да, нам, хоть и скромно, хватает еды и воздуха. Но что делать? — вот в чем настоящая проблема. Нам удалось спасти слишком мало вашего планетологического оборудования, и мы не можем продолжать работу для вас. Возможно, мы и смогли бы проделать обратный путь до Поселка — пешком, но пришлось бы поэтапно нести на себе оборудование жизнеобеспечения. Это означало бы, что через каждые несколько миль пришлось бы создавать новый лагерь, перебрасывать оборудование, перезаряжать патроны для дыхания, восстанавливать биоцикл — и так бесконечно. А так как расстояние до Поселка примерно тридцать тысяч… то есть, по-вашему, — двенадцать тысяч миль, то дорога заняла бы у нас годы. И это не метафора, я вовсе не имею в виду ваши короткие годы. Вот и получается: чтобы в дальнейшем мы смогли принести какую-то пользу для вашего проекта, надо постараться любым образом привести «Квембли» сюда, назад.

Изи осталось только согласиться, хотя она ясно видела альтернативу, о которой капитан не упомянул. Конечно же, Аукойн не одобрит этого, но, кто знает, может, и одобрит: ведь обстоятельства сильно изменились. Хорошо подготовленная команда исследователей — мощная и гибкая сила, в случае спора это нельзя упускать из виду.

Прошло несколько минут, прежде чем Бендж вернулся. Его информация вызвала прилив энтузиазма в ученых.

— Капитан, — позвал он, — «Квембли» по-прежнему движется, хотя и не очень быстро, его скорость где-то около двадцати кабельтовых в час. Он был засечен шесть минут назад в трехстах десяти наших милях от вашего передатчика. В вашем исчислении это примерно двести тридцать четыре тысячи кабельтовых, из-за довольно значительной разницы в уровнях между вами и «Квембли» надо ввести небольшую поправку. В общем, «Квембли» описал огромную дугу, и мы пока не располагаем данными о длине реки, хотя наши ученые засекли уже двадцать позиционных точек с тех пор, как ваш корабль начал дрейфовать, так что в лаборатории уже составлена приближенная, грубая карта русла.

— Благодарю, — пришел в должное время ответ

капитана. — Вы уже вступили в устный контакт с рулевыми?

— Пока еще нет, но мы не спускаем с них глаз, они уже забрались внутрь. Я уверен, очень скоро они обнаружат передатчик на командном посту, хотя, подозреваю, имеются некоторые другие места, которые они захотят посетить в первую очередь. Запас воздуха в гермокостюмах, должно быть, уже весьма мал.

Предположение оказалось верным. Всего лишь несколько минут ушло у рулевых на то, чтобы удостовериться: крейсер покинут, большая часть оборудования системы жизнеобеспечения исчезла. Следовало немедленно проверить состав воздуха на борту корабля: не проник ли туда кислород снаружи? Ни один из них не знал никаких, хотя бы самых приблизительных тестов, позволяющих убедиться в наличии кислорода, не знал, какие меры в подобном случае предпринимались Бордендером и его коллегами. Они уже были готовы проверить содержание кислорода весьма отчаянным способом — по запаху, когда до Битчермарлфа дошло, что, по чисто научным соображениям, на борту могли оставить один из передатчиков и что человеческие существа чем-то смогут помочь. В лаборатории его не

оказалось, но командный пост — следующее наиболее вероятное место, и голос Битчермарлфа спустя всего десять минут после того, как рулевые оказались на борту корабля, уже мчался сквозь пространство к орбитальной станции людей.

Бендж не стал спешить с поздравлениями, когда услышал вопрос Битчермарлфа, и сразу же передал его Дондрагмеру. Капитан, созвав ученых, обрисовал ситуацию, и в последующие полчаса связь была исключительно насыщенной: Бордендер все объяснял Бенджу, Бендж — Битчермарлфу, Битчермарлф, повторив объяснения, отправлялся в лабораторию для проверки материалов и оборудования, затем возвращался обратно на командный пост, чтобы уточнить кое-какие детали…

В конце концов, все стороны, участвующие в беседе, почувствовали себя уверенными, что все инструкции поняты правильно. Во всяком случае, Бендж, оказавшийся центром переговоров, определенную уверенность испытывал. Он достаточно разбирался в химии и физике, чтобы понять: ничего, в принципе, взорваться не должно, даже если Битчермарлф и допустит какую-то ошибку. Единственно, о чем он беспокоился, так это о том, что его друг может провести

тесты немного неаккуратно и не заметить опасную концентрацию кислорода. И какова степень риска — только опасность от отравления? Или смесь водорода с кислородом таила в себе еще что-нибудь? Да, Бендж был полностью уверен: смесь кислорода с водородом обладала и другими качествами.

И Бендж оставался в весьма сильном напряжении, пока Битчермарлф не вернулся на командный пост с сообщением, что оба теста завершены. Катализатор, связывающий свободный кислород путем ускорения его реакции с аммиаком, по-прежнему активно действовал, и концентрация паров аммиака в воздухе корабля оставалась достаточно высокой. Рулевые уже сняли гермокостюмы и не чувствовали запаха кислорода, хотя, конечно, это не слишком надежный показатель. Люди вот, например, не всегда ощущают запахи.

По крайней мере, оба рулевых могли прожить на борту корабля какое-то время. Прежде всего они вручную привели в действие насос, подающий в ферментную цистерну водород, и испытали громадное удовлетворение от того, что большая часть растений жива. Следующей проблемой была навигация.

Бендж сообщил своему другу все, что знал, об

их нынешнем местоположении, о местоположении команды, а также о направлении и скорости движения «Квембли». Никаких проблем с использованием этой информации не возникло. Битчермарлф определил направление дрейфа достаточно легко, поскольку были видны звезды и он располагал отличным магнитным компасом. Магнитное поле Дхрауна, в значительной степени более сильное, чем магнитное поле Земли, повергало в ужас ученых, разбивая устоявшиеся представления об определенном соотношении между магнитным полем и периодом обращения для обычных планет.

Дискуссия, вызванная разработкой детального плана действий, оказалась короче предыдущей, касавшейся теста на кислород, хотя и она прерывалась довольно длинными паузами. И Дондрагмер, и рулевые отлично понимали, что надлежало сделать и каким образом.

Битчермарлф был намного моложе Такуурча, но вопрос о том, кто занимает руководящее положение на борту, ни у кого не возникал. К тому же Бендж всегда обращался к Битчу по имени, а не просто формально вызывал «Квембли», что тоже добавляло авторитета молодому рулевому. Изи и некоторые другие подозревали, что Та-

куурч, несмотря на свою готовность обсуждать свои собственные прошлые достижения, вовсе не выказывал большого желания принимать на себя ответственность. Он более склонялся к тому, чтобы принимать предложения Битчермарлфа — или сразу же, или после не очень настойчивых возражений.

— Мы все еще дрейфуем, и если только у этой реки нет каких-нибудь странных изменений русла ниже по течению, мы так никогда и не приблизимся к остальным для оказания помощи, — наконец заключил младший рулевой. — Первейшая наша задача — установка лопастей на некоторые из тележек с энергоблоками. Если устанавливать лопасти на все тележки, мы никогда не закончим, так что возьмем пару тех, что поближе к корме, да несколько в центре — для контроля за движением. А поскольку энергоблоки останутся и на других тележках, у нас будет выбор: либо спокойно плыть, либо, подплыв к берегу, выбраться на сушу. Так и я немедленно выходим наружу и начинаем работать. Присматривай за нами, как сможешь, Бендж. Передатчик мы оставляем там же, где он сейчас.

Битчермарлф не стал ждать ответа. Он и его спутник тут же надели гермокостюмы и достали

лопасти, специально сконструированные для надевания на гусеницы. Их проверили на Месклине, но на Дхрауне еще никогда не использовали, поэтому никто не знал, как они будут работать в действительности. Площадь их была невелика, поскольку рабочее пространство для них ограничивалось небольшим зазором над тележками, и часть этого пространства занимал пластиковый щит, упираясь в который, лопасти, когда они скользили по верхней стороне тележки, опускались вниз, образуя плоскую поверхность. Тем не менее, считалось доказанным, что они обеспечивают какую-то тягу, какую именно — предстояло еще узнать. «Квембли», который сейчас дрейфовал в водоаммиачном растворе, имел более высокую посадку, чем в океане мира, где его собирали.

Установка лопастей и щита для двоих рабочих была делом весьма долгим и нелегким. Детали можно было брать лишь по одной за раз, поскольку не имелось места, куда бы их положить, — крейсер был на плаву. И страховочные фалы тоже постоянно мешали. Клешни месклинита не так удобны, как человеческие пальцы, хотя неудобство это частично восполнялось тем, что их обладатель мог использовать три пары од-

новременно и полностью согласованно: у него не существовало такой асимметрии, как правосторонняя или левосторонняя ориентация у людей.

Еще одной из причин беспокойства явилась необходимость в искусственном освещении. Как оказалось, установка двенадцати лопастей и одного щита на каждую из трех тележек заняла у них пятнадцать часов. А если бы на каждой из тележек работать вчетвером, то, как заверил Битчермарлф Бенджа, на все ушло бы два часа, не больше.

К этому времени стало ясно, что «Квембли», несмотря на то что продолжает двигаться, уже не удаляется от лагеря. Очевидно, судно попало в некое подобие водоворота диаметром около четырех миль. Битчермарлф воспользовался этим, когда полностью подготовился к включению моторов: он выждал, пока люди-аналитики точно не подтвердили, что его уносит на юг, после чего запустил все три килевых двигателя. В течение нескольких секунд вроде бы ничего не происходило, но затем рулевые и люди вместе с ними заметили, как огромный корпус корабля мало-помалу начал двигаться вперед. Месклинитам, находящимся на мостике, была видна небольшая волна, расходящаяся от носа движу-

щегося корабля, люди же, наблюдая за кормовой частью, различили легкую рябь сразу позади корпуса судна.

Битчермарлф заложил руль круто влево, нацеливая нос на Сол и Фомальгаут. Почти с полминуты он гадал, получилось или нет, но потом звезды над головой устремились вправо — длинный корпус корабля начал свой величественный разворот. Однако теперь пришлось приложить немало усилий, чтобы его остановить. Битчермарлф повторял эту процедуру не один раз, выворачивая руль то в одну, то в другую сторону, прежде чем почувствовал: судно слушается. Затем, в течение почти целого часа, ему удавалось удерживать движение корабля в южном направлении, хотя сначала он даже понятия не имел, каким курсом они идут. Исходя из информации, поступившей ранее, он мог лишь догадываться, что водоворот сначала нес бы «Квембли» в том же самом направлении, после чего, вероятнее всего, завернул его на восток.

Прошло какое-то время, — и вот антенны направленного действия, установленные на спутниках, и компьютеры на станции смогли подтвердить это предположение. Но едва лишь это подтверждение поступило, как нос «Квембли»

мягко врезался в землю.

Битчермарлф тут же переключил тягу на два дальних носовых мотора, которые обладали своими источниками энергии, что позволяло не занимать лопастные двигатели, и крейсер тяжело выбрался на берег.

— Я выбрался из озера, — доложил он. — Теперь новая проблема. Если я двинусь вперед по суше, не снимая лопастей, они быстро износятся. Если же выяснится, что я на острове, или мне еще по какой-то причине придется вернуться на воду, уйдет чертова уйма времени снимать их, а потом снова устанавливать. Я могу отправиться на разведку пешком, оставив судно на месте, чтобы выяснить, есть ли какие-нибудь шансы остаться на берегу. Это займет какое-то время, но, конечно, не столько, как если бы мне пришлось ждать рассвета. Я с удовольствием выслушаю советы от вас, люди, или приказы от капитана. Мы будем ждать.

Дондрагмер, как только ему передали сообщение, ни секунды не медлил с ответом:

— Никуда не выходи. Подожди, пока картографы там, наверху, не решат, на той ли ты стороне реки, что и мы, или нет. Насколько я представляю себе карту по их описаниям, существует боль-

шая вероятность, что водоворот отнес тебя на восточную сторону, и тогда ты на правом берегу, тогда как мы — на левом. Даже если они будут не совсем уверены в этом, спускайся обратно на воду и двигайся на запад, пока они не решат, что ты миновал реку… нет, подожди. Есть еще одна идея. Следуй на запад, пока они не решат, что ты находишься прямо напротив самого устья реки, а затем вновь поворачивай на юг. Мне хотелось бы выяснить, сможешь ли ты хоть с какой-нибудь скоростью двигаться вверх по течению. Я знаю, это будет довольно медленно, вполне может оказаться, что в некоторых местах у берега ты вообще не сможешь пройти.

— Я все передам, капитан, и Битчу, и картографам, — ответил Бендж. — Я также попытаюсь достать копию карты, его поможет нам спасти уйму времени.

Определить направление оказалось задачей не из легких. Вопрос о местоположении «Квембли» решился довольно быстро, но вот направление реки, по которой судно спустилось к озеру, осталось загадкой. Замеры были сделаны во многих местах, но они лишь показали, что река чрезвычайно извилиста. После некоторого обсуждения все сошлись на том, что Битчермарлфу лучше

вернуться на воду и взять курс на запад, держась как можно ближе к берегу, предпочтительно не выпуская его на виду, насколько позволят прожекторы и наклон дна. Если ему самому удастся найти устье реки, то, как и сказал Дондрагмер, он должен идти вверх по течению; если же нет, следовало продолжать путь вдоль берега до тех пор, пока люди наверху не уверятся, что он миновал устье, после чего необходимо повернуть на юг.

Как выяснилось, не составило особого труда провести «Квембли» вдоль берега, и без всяких приключений через два с лишним часа судно достигло устья. Сама река, вытянувшись в западном направлении, образовывала широкую излучину, которую, пока отслеживали путь крейсера вниз по течению, почему-то совершенно выпустили из виду. Потом река снова поворачивала и впадала в озеро со стороны западного склона, в результате чего, вероятно, и появлялся тот самый, движущийся против часовой стрелки водоворот. Один из планетографов заметил, что в данном случае кориолисово ускорение ни при чем: озеро находилось всего лишь в семи градусах от экватора, да к тому же на южной стороне планеты, период оборота которой составляет два месяца.

В дельте, где береговая линия резко сворачива-

ла на север, пришлось помучиться. Битчермарлф у руля и Такуурч на левом крыле мостика развернули судно, обходя то появляющийся, то исчезающий полуостров. Несколько раз, когда машины зарывались в мягкий донный ил, приходилось резко сбрасывать скорость, но, в конце концов, преодолев трудности, корабль вышел на чистую воду и устремился вверх по течению.

Течение на проверку оказалось не таким уж быстрым, но все же «Квембли» пока не давали полный ход. Месклиниты не спешили: Дондрагмер отпустил шесть часов, а если понадобится, и больше, чтобы определить истинную силу течения. За это время они продвинулись вперед на десять миль. При такой скорости крейсер должен был достигнуть лагеря через день или два, то есть где-то через неделю по земному времени.

Все планы рухнули из-за обыкновенного нежелания чуточку подождать. И в этом, естественно, ни в коем случае не следовало винить месклинитов. Именно Аукойн, от лица всех людей, решил, что полторы мили в час — скорость плавания — это, в общем-то, слишком мало. Дондрагмер так не считал, но согласился, что, так и быть, пусть крейсер выбирается на твердую почву и заодно проводит исследования. На основании общего

решения, он приказал Битчермарлфу поворачивать на запад, к виднеющейся там земле, которая, очевидно, была берегом реки. На первый взгляд, земля казалась проходимой. Терзаемый дурными предчувствиями, капитан отдал рулевому приказ убирать лопасти.

Снимать лопасти было куда легче, чем ставить их, тем более что теперь крейсер находился на земле. Детали можно было складывать рядом, и автоматически отпадала надобность в страховочных фалах.

Бендж, когда в следующий раз посетил отсек связи, обнаружил, что «Квембли» уже плавно движется на юг со скоростью десять миль в час. Окружающий ландшафт был ровным, лишь изредка попадались случайные выходы на поверхность скальных пород, да еще то тут, то там виднелись группки низкорослого кустарника — наивысшей формы жизни, пока обнаруженной на Дхрауне. Почва в основном состояла из затвердевших осадочных пород — планетологи сочли, что равнина раньше была сокрыта водами озера или реки, и даже Бенджу это показалось довольно правдоподобным.

Как и прежде, Битчермарлф горел желанием поговорить, но сразу было видно, что теперь

он стал каким-то рассеянным. И он, и Такуурч постоянно всматривались вперед, насколько позволяли их зрение и прожекторы «Квембли». Не было никакой гарантии, что сейчас впереди вдруг не возникнет огромный камень или какое-нибудь другое препятствие; без радара они могли позволить себе максимум десять миль в час. Чуть быстрее — и они ничего не успеют рассмотреть в свете прожекторов. Когда же возникала необходимость в ремонтных работах, например в починке генератора воздуха, они останавливали крейсер и совместными усилиями справлялись с возникшей проблемой. Одной пары глаз, как они считали, недостаточно, чтобы уследить за всем.

Но часы шли, и постепенно ими начинала овладевать предательская уверенность, что опасности никакой быть не может; что позади уже много миль, а они ни разу не сменили курс, разве что подошли поближе к реке, чтобы случайно не упустить ее из виду. Человек потихоньку начал бы прибавлять скорость. Но для месклинитов это был знак, что надо остановиться и немного передохнуть. Даже Такуурч понимал, что, когда им начинает овладевать искушение пойти против законов элементарного здравого смысла, значит, с ним происходит что-то не то.

Как-то, подойдя к экранам и увидев судно замершим на месте, Аукойн предположил, что это обычная остановка для починки в очередной раз вышедшего из строя генератора воздуха. Однако вскоре он заметил одного из месклинитов, лениво раскинувшегося на мостике; моторы все были выключены, вокруг раскинулась пустынная равнина. На вопрос, почему судно не движется, Такуурч, не долго думая, ответил, что он начал привыкать. Администратор покинул отсек связи в весьма задумчивом расположении духа.

Тем не менее, все эти меры до сих пор оправдывали себя, или, во всяком случае, так казалось.

Через несколько десятков миль на их пути все чаще стали встречаться выходы скальных пород, правда, не такие большие, как раньше, но теперь они теснились друг к другу и стали непонятно заостренными на вид. Планетологи строили догадки — ни на чем, как правило, не основанные из-за отсутствия элементарной информации о стратиграфии планеты. Основную часть ландшафта все еще составляли затвердевшие осадочные породы, но наблюдатели подозревали, что слой их вскоре может резко уменьшиться и что спустя некоторое время «Квембли» выйдет на тот же голый камень, на котором и был разбит

лагерь Дондрагмера.

Теперь рулевому приходилось периодически сворачивать то вправо, то влево, чтобы объехать скальные обнажения, зачастую приходилось даже сбрасывать скорость.

Несколько раз за прошедшие пару часов планетологи жалобно просили остановиться, пока не поздно, и собрать образцы осадочной породы, по которой движется крейсер, и ничего, если камни будут слишком большие. Аукойн, сославшись на то, что прежде чем образцы достигнут станции, пройдет минимум год, а то и два, отказал в просьбе. Ученые возразили, что все-таки куда лучше ждать год, чем не получить образцов никогда.

Но в следующий раз «Квембли» остановился только по инициативе Битчермарлфа. Причиной остановки послужил, на первый взгляд, незначительный факт: почва впереди по курсу казалась чуточку темнее, однако граница между нею и поверхностью земли под судном была весьма четкой. На экране это практически было не видно, но месклиниты, одновременно заметив перемену в ландшафте, без лишних слов сошлись на том, что здесь следует провести небольшую разведку. Битчермарлф вызвал станцию и, сообщив людям и своему капитану, что он и Такуурч на время

покидают корабль, кратко обрисовал ситуацию. Едва послание было переведено, как тут же два планетолога кинулись к Изи и попросили ее буквально *настоять* на том, чтобы месклиниты, возвращаясь на борт, захватили с собой образцы. Она признала, что в данных обстоятельствах даже Аукойн не стал бы возражать, и согласилась передать просьбу ученых, когда снова свяжется с Дондрагмером.

Тем временем капитан дал свое согласие на вылазку, внеся при этом две поправки: чтобы за месклинитами наблюдали через экран с мостика и чтобы прожекторы были включены на полную мощь. Отменить намеченную вылазку никто не решился: Аукойн при этом не присутствовал.

Как оказалось позднее, вылазка себя полностью оправдала. Примерно в сотне ярдов впереди, чуть дальше того места, куда достигал свет прожекторов, их путь пересекал небольшой ручей, впадающий затем непосредственно в реку. Переместив свет прожекторов вправо, рулевые заметили, что приток этот, появляясь откуда-то с севера, некоторое время идет параллельно курсу крейсера, потом огибает его и исчезает из виду на северо-западе. Таким образом, «Квембли» оказался на полуострове в двести ярдов шири-

ной и примерно столько же длиной. С востока, то есть слева, несла свои воды река, а со всех других сторон судно окружал тот самый ручеек. И месклиниты, и люди пришли к выводу, что изменение в цвете почвы, которое, собственно, и привлекло внимание рулевых, произошло в результате ее увлажнения потоком.

Снаружи, даже при нескольких дополнительных прожекторах, линия раздела была еще меньше заметна, чем с мостика. Как рассудил Битчермарлф, во всем виновата ограниченность поля зрения. Команда, состоящая из Битчермарлфа и Такуурча, наскребла и рассовала по контейнерам взятые с той и с другой стороны границы образцы почвы, а затем рулевые направились взглянуть на поток. Он оказался довольно быстрым, но небольшим — шириной всего в три-четыре длины тела, уровень жидкости находился дюйма на два ниже почвы, в которой он пробивал свой путь. Быстро посовещавшись, двое месклинитов развернулись спиной к реке и пошли вверх по течению ручья. По виду они ничего не могли сказать о составе жидкости в ручье, но бережно наполнили бутылочку для дальнейшего исследования.

Спустя некоторое время они подошли к месту,

где ручей сворачивал, и сразу поняли, что появился он здесь лишь недавно: даже невооруженным глазом было видно, как ручей буквально вгрызается в берега, унося с собой кусочки осадочных пород. Теперь, стоя на самом повороте, они не только увидели, но и ощутили, как ручей подтачивает их берег Битчермарлф, встав на самый край, вдруг почувствовал, что почва под ним начала обваливаться, кусок берега отделился, и мгновение спустя месклинит очутился в ручье.

Протока оказалась глубиной около дюйма, поэтому он воспользовался случаем и, прежде чем выбраться на сушу, взял еще один образец, теперь с самого дна ручья. Месклиниты решили еще минут десять пройти вверх по течению: Битчермарлф пошел прямо по воде, Такуурч следовал за ним по берегу. Еще до исхода отпущенного ими самим себе времени они наткнулись на источник, откуда брал свое начало поток. Это был родник, бьющий примерно в полумиле от «Квембли» и закручивающий яростные водоворотики там, где его подпитывало подземное течение. Битчермарлф, неосторожно решив исследовать центр источника, был сбит с ног и отброшен назад.

Итак, их маленькую экспедицию можно было считать законченной: камеры у них не было, а

все возможные образцы уже собраны, поэтому они вернулись на «Квембли» и на словах описали увиденное ими.

Даже ученые согласились, что теперь пора возвращаться в лагерь, где Бордендер и его команда могли бы заняться образцами. Битчермарлф привел крейсер в движение.

Судно приблизилось к ручейку и начало переваливать через него, корабль слегка содрогнулся, когда двигатель угодил в зону родничка, но на мостике этого даже не почувствовали.

Следующие восемь секунд прошли спокойно.

«Квембли» уже почти перевалил через ручей, когда твердая почва вокруг него вдруг начала превращаться в грязь. Мостик слегка подкинуло, на экранах орбитальной станции это выглядело так, будто детали окружающего ландшафта чуть подпрыгнули.

Движение вперед почти сразу же прекратилось. И хотя винты продолжали работать, толку от них было мало: они беспомощно завязли в той липкой грязи, в которую вдруг превратилась почва. Ни тяги, ни опоры не было. «Квембли» начал оседать. Так он опускался до тех пор, пока полностью не исчезли двигатели, затем, плюхнувшись днищем, корабль начал тонуть, пока

почти целиком не ушел в полужидкую трясину. Остановили движение судна два скальных обнажения — одно из них подцепило судно за корму, другое же врезалось справа по борту в десяти футах от главного шлюза. Раздался громкий скрежет, корпус крейсера качнулся вперед, потом налево и застрял окончательно.

В тот же миг, как вовремя предупредило Битчермарлфа его обоняние, где-то лопнула обшивка. Внутрь заструился кислород.

15. Суть

— В общем, все сводится к тому, — заявил Аукойн со своего места во главе стола, — что у нас есть выбор: послать баржу вниз, на поверхность планеты, или не послать. Если не пошлем, «Квембли» и два месклинита, оставшиеся на борту, потеряны для нас, а Дондрагмер и его команда будут пребывать в бездействии до тех пор, пока спасательный крейсер, например «Каллифф», не доберется до них из Поселка. К сожалению, если мы и попытаемся посадить баржу, велика вероятность, что это не поможет: мы не знаем, почему почва не выдержала веса «Квембли», и нельзя быть уверенным, что то же самое не произойдет с баржей где-нибудь поблизости. Потеря баржи была бы совершенно некстати. Даже если сначала сделать посадку у лагеря Дондрагмера и переправить его с командой на крейсер, мы все же рискуем потерять баржу, а ведь неизвестно, сможет ли команда отремонтировать свой корабль. Доклады Битчермарлфа в этом смысле не обнадеживают: они нашли и законопатили места основных протечек, но по-прежнему, время от

времени, кислород проникает внутрь корпуса, и уже несколько цистерн системы жизнеобеспечения непоправимо отравлены. До сих пор рулевые справлялись с очисткой, а также латали дыры с помощью других, уцелевших деталей, но это не может длиться до бесконечности, пока существуют протечки. И кроме того, ни Битчермарлф, ни Такуурч ничего не предложили насчет того, как высвободить крейсер из этой жижи, в которой они застряли.

Есть и еще один веский аргумент против высадки баржи на Дхрауне. Если использовать дистанционное управление, придется учитывать шестидесятисекундное запаздывание на любую команду — тогда о каком же управлении вообще можно говорить? Так что этот вариант исключается. Можно, конечно, запрограммировать бортовой компьютер на автоматическое управление, но, как уже было в свое время доказано — когда кое-кто пытался совершить автоматическую посадку вдали от Земли, — риск очень велик. С таким же успехом можно преподать быстрый урок управления этой штукой месклинитам!

— Только не надо упирать на то, что последнее предложение выглядит нелепым. Алан, — мягко

сказала Изи. — «Квембли» — просто первый из крейсеров, который, кажется, попал в непоправимую беду. Дхраун — очень большой мир, нам мало известно о нем, и, подозреваю, скоро, рано или поздно, у нас не останется лэнд-крейсеров для проведения спасательных и любых других работ. Кроме того, даже я знаю, что управление баржей сдублировано с компьютером, то есть с управлением типа «нажми-на-ту-кнопку-куда-хочешь-лететь». Я признаю, что даже и в этом случае шансы на успех невелики — один к десяти или даже ниже, что любой, кто попытается на этой машине совершить перелет от одного места к другому на Дхрауне, да еще не имея при этом никакого опыта полетов, скорее всего погибнет, но есть ли у Битчермарлфа и Такуурча хотя бы и такие шансы остаться в живых, не располагая ничем другим?

— Мне кажется, есть, — тихо ответил Аукойн.

— Какие же, во имя всего сущего? — не выдержал Мерсерэ. — Мы уже здесь немало…

Изи подняла руку, и либо жест, либо выражение ее лица заставили Бойда замолчать.

— Вы можете порекомендовать другой способ, дающий реальные шансы на спасение? И кому — «Квембли», или двум его рулевым, или коман-

де Дондрагмера?

Аукойн имел совесть, поэтому густо покраснел, однако голос его прозвучал твердо.

— Я уже упоминал об этом ранее, если Бойд помнит, — заявил он. — Надо послать «Каллифф» из Поселка, чтобы подобрать их всех.

Последовало несколько секунд молчания. На лицах сидевших за столом мелькнуло выражение удивления. Наконец заговорил Иб Хоффман.

— Вы полагаете, Барленнан одобрит это решение? — с невинным видом спросил он.

— В общем, все сводится к тому, — сказал Дондрагмер Кабремму. — Что мы можем оставаться здесь и ничего не делать, пока Барленнан не пришлет спасательный крейсер из Поселка. Полагаю, он сумеет придумать причину, которая не покажется людям слишком притянутой за уши, поскольку он не поступил точно так же в случае с «Эскетом».

— Ну, это нетрудно, — согласился первый офицер «Эскета». — Тогда одно из человеческих существ было против посылки крейсера, и командир просто позволил ему выиграть спор. На этот раз он может повести себя тверже.

— Похоже, тогда у некоторых из людей зародились кое-какие подозрения. Впрочем, неважно.

Если ждать здесь, то неизвестно, сколько продлится ожидание: ведь мы не знаем, имеется ли наземный путь от Поселка к этому месту. Ты прибыл сюда с шахт по воздуху, а мы часть пути проплыли.

Если же мы решим не ждать, то нам остаются две возможности. Во-первых, можно поэтапно передвигаться к «Квембли», неся оборудование систем жизнеобеспечения на себе, останавливаясь для его установки и подзарядки. Думаю, со временем мы доберемся до корабля. Вторая возможность — двигаться таким же образом к Поселку, чтобы встретить спасательный крейсер, если таковой выйдет нам навстречу, или добраться до Поселка пешим порядком, если спасательного крейсера не будет. Уверен, когда-нибудь мы доберемся даже туда, *в конце концов.* Но если мы и достигнем «Квембли», что толку? Нет никакой уверенности, что удастся отремонтировать его; если люди полностью адекватно передали ощущения Битчермарлфа, это кажется сомнительным. В общем, мне не нравятся обе эти возможности, потому что они подразумевают огромные затраты времени впустую. Есть кое-что получше, чем тащиться по поверхности этого мира.

— Что ты имеешь в виду? — оживился Кабремм.

— По-моему, было бы гораздо лучше использовать твой воздушный шар — либо для спасения моих рулевых, если будет принято решение бросить «Квембли», либо для переправки моей команды и оборудования к тому месту, где он сейчас находится.

— Но это…

— Конечно, это, так сказать, «потопит весь плот», поскольку напрямую коснется «Эскета». Но использование вертолета Реффела произведет то же впечатление: какую бы ложь мы ни придумали, как объяснить, что произошло с передатчиком, установленным на вертолете, чтобы люди не поняли, что случилось? И я просто не уверен, что наш план стоит такой *жертвы*, как жизни месклинитов, хотя и признаю, что он стоит *риска*, конечно; в ином случае я бы не согласился с планом.

— Я слышал об этом, — ответил Кабремм. — Никто так и не смог убедить тебя, что существует весьма серьезная опасность оказаться в полной зависимости от существ, которые просто не могут, наверное, воспринимать нас как разумный вид, как себе подобных.

— Совершенно верно. Но помни и то, что некоторые из них так же отличаются друг от друга, как они сами — от нас. У меня уже сложилось свое мнение о чужаках к тому времени, когда один из них ответил на мой вопрос о дифференциальном подъемнике четко, в деталях, и подготовил для меня первый урок по использованию математического аппарата в науке — даром. Я понимаю, что люди различаются между собой, как и мы сами. И, конечно же, тот, кто отговорил Барла от посылки помощи «Эскету», должен весьма отличаться, в пределах вида, от миссис Хоффман или Чарльза Лэкленда, но никогда и ни за что я не стану испытывать к ним недоверия, как, похоже, испытываешь ты. И если уж на то пошло, Барленнан, по-моему, тоже не испытывает такого недоверия; он не раз уже менял свое мнение по этому поводу, вместо того чтобы спорить со мной, а Барленнан — просто не Барленнан, если не уверен, что он прав. И мне кажется, что самая правильная идея — «прикрыть парусами» весь наш план и прямо попросить помощи у людей в деле с «Квембли». По крайней мере, можно рискнуть обнаружением всех трех воздушных шаров неподалеку от крейсера.

— Их больше уже не три.

Кабремм, хоть и понимал, что это не относится к делу, был рад сменить тему.

— Карфренгин и четверо матросов пропали на «Элше» вот уже два дхраунских дня назад, — добавил он.

— Эти новости до нас еще не дошли, — произнес Дондрагмер. — И как же прореагировал командир? Я склонен думать, что, если мы начнем терять персонал по всем точкам карты, у него появится соблазн попросить помощи у людей.

— Он сам еще об этом не слышал. Мы направили поисковые наземные партии, используя тележки, которые сняли с «Эскета», и, пока все тщательно не проверим, пока не подготовим подробный и полный доклад, не хотим ничего сообщать.

— И сколько же ждать, пока он не станет полным? Карфренгин и его экипаж к этому моменту уже могут погибнуть. На воздушных шарах оборудование жизнеобеспечения не протянет так долго.

Кабремм сделал волнообразное движение, соответствующее человеческому пожиманию плечами:

— Поговори об этом с Дестигметом. У меня хватает и своих забот.

— А почему твой воздушный шар не использовали для поисков?

— Использовали. Вплоть до наступления темноты. Надвигается какая-то новая река, очень медленно, но скоро она все-таки накроет весь второй поселок, если только не остановится. Она уже достигла «Эскета», и тот начал заваливаться, именно поэтому мы смогли так быстро и легко снять тележки. Дестигмет послал меня назад, чтобы я проследовал по маршруту ледника и попытался определить, будет ли он наступать долгое время или это наступление кратковременное. Мне, по всей видимости, не следовало забираться так далеко, но я не смог заставить себя остановиться. И на всем протяжении река ведет себя с завидным постоянством: то она твердая, то жидкая; это самое поразительное, с чем до сих пор мне приходилось сталкиваться на этой планете. Нет никакого шанса на то, что лед остановит свое наступление, и с поселком у «Эскета» практически покончено.

— И, конечно же, Барленнан об этом тоже еще не слышал?

— Не было никакой возможности сообщить ему. Мы обнаружили, что лед надвигается, лишь перед самым наступлением ночи. А до тех пор он

был всего лишь утесом в нескольких дюжинах кабельтовых от шахты.

— Другими словами, мы потеряли не только моего первого офицера и вертолет, но еще и воздушный шар с пятью членами экипажа, а заодно уж и весь проект с «Эскетом», и, наверное, мой «Квембли» впридачу. И ты по-прежнему считаешь, что мы не должны прекратить этот обман, не должны рассказать всю правду людям и попросить у них помощи?

— Да. Стоит им узнать, что у нас здесь столько разных неприятностей, они, наверное, решат, что мы бесполезны для них и бросят нас здесь.

— Чепуха. Никто не бросает вот так, на ветер, проекты, в которые вложена такая уйма затрат. Впрочем, ладно, не стоит спорить: так или иначе, это бесполезно. Я хотел бы…

— Что ты действительно хотел бы, — перебил его Кабремм, — так это найти какой-то предлог, чтобы «выплеснуть всю бочку» своим кислорододышащим друзьям.

— Ты же знаешь, я бы этого не сделал. Я полностью готов полагаться на свои собственные суждения, однако достаточно разбираюсь в истории, чтобы с опасением относиться к сиюминутным изменениям самых основ утвержденной

политики.

— И то хорошо. Ничего плохого нет в том, что тебе нравится кое-кто из людей, но не все они такие, как Хоффман. Ты сам это признал.

— В общем, все сводится к тому, — обратился Барленнан к Бендивенсу, — что мы здорово поторопились с посылкой Дисленвера к «Эскету» с приказом «захлопнуть» все передатчики, находящиеся на его борту. Казалось, вопрос с «Эскетом» как-то утих, но это снова вдохнет в него жизнь. Мы все еще пока не готовы для основного дела, и этот момент наступит через год, не ранее. Я не сожалею о том, что пришлось вынудить людей задуматься об опасности со стороны аборигенов, однако команда Дестигмета не сможет сыграть свою роль, пока они не изготовят как можно больше механического и электрического оборудования собственной конструкции — оборудования, которого, как считают люди, у нас нет. И, конечно, пока опасность со стороны аборигенов не станет казаться вполне реальной, вряд ли люди предпримут шаги, которых мы от них хотим. Если бы имелась какая-то возможность отправиться вслед за Дисом и отменить приказ, я бы это сделал. И еще я сожалею о том, что не осмелился одобрить твои эксперименты с радио

и установить передатчик на «Диди».

— Ну, последнее вполне поправимо, и я буду рад поработать над этим, — ответил Бендивенс. — Конечно, люди могут засечь радиоволны, но если мы ограничимся короткими и редкими передачами и будем использовать простые коды типа «да — нет», то они, наверное, не сумеют определить источник радиоволн. Тем не менее, уже поздно: Дисленвера не догнать.

— Правда. Хотелось бы мне знать, почему никто там, наверху, более ни слова не сказал о Кабремме. Последний раз, когда я разговаривал с миссис Хоффман, у меня создалось впечатление, что она уже не так сильно уверена, что и в самом деле видела именно его. Ты не думаешь, что она действительно сделала ошибку? Или, быть может, человеческие существа пытаются проверить нас, как я хотел проверить их? Или Дондрагмеру удалось сделать нечто такое, что сняло нас с этого рифа? Если она действительно ошиблась, то нам снова придется обдумывать все с самого начала…

— А как насчет того, другого, сообщения, о котором мы более ничего не слышали, — о том, что по палубе «Эскета» что-то прокатилось? — вопросом на вопрос ответил ученый. — Что, если это был

еще один тест? Или, быть может, там действительно происходит нечто подобное? Помнишь, у нас же не было никакого контакта с этой базой в течение ста пятидесяти часов? И если на «Эскете» в самом деле что-то передвигается, то очень плохо, что у нас нет никаких сведений и мы не можем предпринять никаких разумных действий. Знаешь, я не имею ничего против самого плана с «Эскетом», но все-таки ужасно надоедает, когда не можешь доверять своим данным.

— Если с «Эскетом» что-то случилось, нам просто придется положиться на суждения Диса, — ответил командир, игнорируя последнюю фразу ученого. — На самом деле главная проблема — «Эскет». Настоящий вопрос в том, что делать с Дондрагмером и с «Квембли». Думаю, у него имелась весьма веская причина покинуть корабль и позволить ему дрейфовать дальше, но результаты этого решения оказались несколько неуклюжими. Тот факт, что пара его матросов осталась на борту, еще более осложняет ситуацию. Если бы не это, мы могли бы просто забыть о «Квембли» и выслать «Каллифф», чтобы он подобрал всех.

— А почему нельзя выслать его сейчас? Разве человек Аукойн не предложил это?

— Предложил. Я ответил, что должен подумать.

— Почему?

— Потому что один шанс из десяти, а может быть, один из ста, что «Каллифф» доберется туда вовремя, что для двух матросов будет от этого какая-то польза. Помнишь то снежное поле, которое пересекал «Квембли» еще до первого паводка? Как ты полагаешь, на что похоже вся та территория сейчас? И как долго, ты думаешь, двое месклинитов, хотя и компетентных в своем деле, но не имеющих специального технического или научного образования, смогут протянуть в этом постоянно протекающем корпусе? Конечно, мы могли бы признаться во всем, рассказать людям, как связаться с Дестигметом через вахтенных, которых он держит у передатчиков «Эскета»; тогда люди могли бы сказать ему, чтобы он послал на помощь воздушный шар.

— Могли бы. И выкинули бы на ветер огромную проделанную работу. И разрушили бы то, что по-прежнему кажется многообещающей операцией, — задумчиво ответил Бендивенс. — И ты не хочешь этого. Во всяком случае, ничуть не больше, чем я сам. Но, конечно же, нельзя бросить и этих двух рулевых.

— Нельзя, — медленно согласился Барленнан, — но я вот о чем подумал: не слишком ли мы будет велик риск, если подождать еще одной возможности?

— Какой же?

— Если люди будут убеждены, что мы не в состоянии провести спасательную операцию, то, возможно, особенно если участие в обсуждении примут *оба* Хоффмана, они решат предпринять какие-то действия сами.

— Какие действия? Корабль, который они называют «баржей», может приземлиться только здесь, у Поселка, с помощью своего автоматического управления, если я правильно понял Спасательный План Номер Один. И, конечно же, баржа не может облететь всю планету, вылетев с орбитальной станции: если на исправление ошибок будет уходить по целой минуте, она тут же разобьется. И люди не могут спуститься на ней лично: баржа приспособлена для того, что спасти *нас*, там наш воздух и температура, да и тяготение на Дхрауне просто размажет человеческое существо по палубе.

— Только не недооценивай этих чужаков, Бен. Может быть, они и на самом деле не слишком изобретательны, но у их предков имелось

предостаточно времени на то, чтобы продумать множество годных к употреблению идей, о которых мы вообще не имеем никакого представления. Я бы не стал рисковать матросами, если бы не чувствовал, что есть реальная возможность заставить людей воспринять мысль, будто они сами должны провести спасательную операцию. Это гораздо лучше, чем отказаться от нашего плана.

— В общем, все сводится к тому, — сказал Битчермарлф Такуурчу, — что каким-то образом мы должны найти время между затыканием дыр и очисткой нашего воздуха от отравы, чтобы убедить людей, что «Квембли» стоит спасения.

Лучше всего было бы привести его в движение нам самим, но сомневаюсь, что у нас это получится. И именно крейсер окажет решающее влияние на принятие решения. Твоя жизнь и моя не слишком много значит для людей, за исключением, быть может, Бенджа, который не командует там, наверху. Если корабль уцелеет, если мы сможем удержать в рабочем состоянии все эти цистерны, чтобы они снабжали нас едой и воздухом, и сами каким-то образом удержимся от случайного отравления кислородом, да еще при этом совершим что-нибудь невозможное в деле ремонта

и высвобождения крейсера, только тогда, может быть, они убедятся, что стоит предпринять спасательную операцию. Если же спасательной операции не будет, нам придется проделать все это самим, хотя бы ради себя. Но если мы сможем через людей сообщить Барленнану, что «Квембли» на свободе и в полном порядке, это осчастливит многих, и особенно командира.

— Ты считаешь, что мы справимся? — спросил Такуурч.

— Ты и я — первые, кого необходимо убедить в этом, — ответил более молодой рулевой. — После этого убедить весь остальной мир будет куда как легче.

— В общем, все сводится к тому, — обратился Бендж к своему отцу, — что мы не станем рисковать баржей для спасения двух жизней, даже если именно для этого она здесь и находится.

— Ну, не совсем так, как ни смотри, — ответил Иб Хоффман. — Все-таки это часть аварийного оборудования, она предназначалась для использования в случае провала всего проекта, если придется эвакуировать Поселок, и такая вероятность не исключена. Есть также и много всякого другого, чего нельзя было проверить заранее. Например, выравнивание давления внутри крей-

серов и в гермокостюмах путем добавки аргона казалось вполне оправданным решением, но мы не могли быть полностью уверены в том, что при этом сами месклиниты не будут испытывать какие-нибудь побочные эффекты. Аргон инертен по земным стандартам, но то же касается и ксенона, являющегося довольно эффективным анестезирующим средством для людей. Живые организмы слишком сложны для безоговорочной экстраполяции, хотя месклиниты, кажется, имеют гораздо более простую физиологию, чем мы сами. Это может служить одной из причин, по которой они в состоянии переносить столь большие температурные перепады.

Но, главное, баржа настроена так, что может совершить посадку, только нацелившись на лучевой маяк рядом с Поселком; она не сможет приземлиться где-нибудь еще на Дхрауне. Конечно, ею можно управлять с помощью дистанционного управления, но только не с такого расстояния.

— Но разве нельзя изменить программу бортового компьютера баржи, так, чтобы он мог посадить корабль и в других местах, по крайней мере на достаточно плоской поверхности? Ответь мне: если бы речь шла о твоем друге, ты посадил

бы баржу с помощью введенной программы или с помощью дистанционного управления, с такой задержкой?

— Помни, что на барже стоят протонные реактивные двигатели, ее масса покоя двадцать семь тысяч фунтов, и это создаст довольно-таки значительный всплеск даже при очень аккуратной посадке — при сорока-то «g», особенно если учесть, что реактивные двигатели настроены для уменьшения разброса.

Бендж нахмурился, задумавшись.

— Но почему мы не можем хотя бы немного приблизиться к Дхрауну и, таким образом, снизить запаздывание для дистанционного управления? — спросил он после нескольких секунд раздумий.

Иб удивленно взглянул на своего сына:

— Ты же знаешь — почему. Во всяком случае, должен бы знать. Масса Дхрауна примерно в три с половиной раза больше массы Земли, а его период обращения вокруг оси примерно пятнадцать сотен часов. И синхронная орбита, на которой мы находились бы над одной и той же долготой на экваторе, таким образом, чуть превышает шесть миллионов миль. Если, например, использовать орбиту высотой в сто километров над поверхно-

стью планеты, то ты должен был бы двигаться со скоростью порядка девяноста миль в секунду и вращаться вокруг Дхрауна с периодом где-то около сорока минут. И ты смог бы наблюдать какую-то точку на его поверхности в течение одной-двух минут из этих сорока. А поскольку эта планета имеет площадь поверхности, равную примерно восьмидесяти семи площадям поверхности Земли, то сколько контрольных спутников тебе бы потребовалось для выполнения хотя бы одной посадки и взлета?

Бендж нетерпеливо отмахнулся.

— Все это я знаю, но ведь там уже целый рой этих станций — теневых спутников. Даже я знаю, что на них имеется ретрансляционное оборудование, поскольку они постоянно сообщают данные для компьютеров, находящихся здесь, на станции, и в любой момент по меньшей мере половина из них находится по другую сторону Дхрауна. Почему бы контролер, находящийся на одном из них, или корабль, примерно на той же высоте, не мог бы подключиться к их оборудованию и управлять посадкой и взлетом оттуда? Задержка в этом случае была бы не больше секунды или около того, даже если бы спутник и баржа оказались на противоположных сторонах

планеты.

— Потому что… — начал было Иб и умолк.

И молчал он целых две минуты. Бендж не мешал его мыслям, занятый своими, которые проносились у него в голове весьма быстро.

— Придется на несколько минут прервать поток поступления нейтринных данных, пока идет перенастройка ретрансляционного оборудования, — наконец ответил Иб.

— И сколько уже лет они собирают одно и то же? — Бендж обычно не позволял себе проявлять иронию в отношении кого-то из своих родителей, но сейчас его чувства начали накаляться.

Отец молча кивнул, согласившись с замечанием, и продолжал думать.

Прошло, должно быть, минут пять, хотя Бендж мог бы поклясться, что гораздо больше, когда старший Хоффман неожиданно встал.

— Идем, сын. Ты совершено прав. Этого вполне достаточно для посадки с орбиты на поверхность и последующего старта с поверхности на орбиту. Для перелетов над поверхностью, правда, много даже задержки в одну секунду, но мы обойдемся без нее.

— Конечно! — с энтузиазмом подхватил Бендж. — Стартовать на орбиту, перевести дух,

изменить орбиту, чтобы выбрать подходящую точку для посадки, и приземлиться.

— Это сработало бы, но пока говорить об этом преждевременно. Вот если ввести такие старты в привычку, тогда, действительно, произойдет значительный перерыв в поступлении нейтринных данных. И, помимо всего остального, я хотел найти какой-то предлог для подобных действий еще с того момента, как подключился к проекту. А теперь у меня таковой есть, и я собираюсь его использовать.

— Предлог для чего?

— Для исполнения того, ради чего, как мне кажется, Барленнан с самого начала пытался маневрировать нами: дать барже пилотов-месклинитов. Полагаю, со временем он захочет получить и межзвездный корабль, чтобы начать вести ту же жизнь в межзвездном пространстве, к какой он привык на океанах Месклина, но ему придется удовольствоваться лишь одним большим прыжком за раз.

— Так ты думаешь, именно *этого* он намеревался добиться с самого начала? Зачем ему беспокоиться, будут или нет у него собственные пилоты-месклиниты? А если и так, то почему было не реализовать идею сразу? Ведь для мес-

клинитов такая задача вполне по силам?

— Конечно. Нет никаких сомнений, что они могут научиться управлению.

— Тогда почему же было не сделать это с самого начала?

— Не хочу читать тебе лекцию именно сейчас. Я был бы рад испытывать только гордость за свою расу, но, боюсь, объяснение поубавит твое уважение к самой человеческой сути, во всяком случае — к возможностям человека контролировать свои эмоции.

— Что ж, могу себе представить, — заметил Бендж. — Но тогда что заставляет тебя думать, что сейчас мы можем изменить ситуацию?

— Придется для пользы дела сыграть на наименее добропорядочных свойствах человеческого характера. Я направляюсь вниз, в лабораторию планетологии, и затеваю авантюру. Я собираюсь спросить химиков, что именно захватило в тиски «Квембли», и когда они ответят, что не знают, поскольку у них нет образцов этой дряни, я спрошу — как же так? Я спрошу: почему они до сих пор удовольствовались лишь сейсмическими нейтринными данными, когда с таким же успехом можно было анализировать минеральные образцы, доставленные сюда с каждой из точек,

где останавливался, хотя бы минут на десять, месклинитский крейсер?

Если ты предпочитаешь воззвать к более высоким человеческим эмоциям, то заранее подготовь душераздирающие реплики о жестокости людей по отношению к твоему другу Битчермарлфу, оставшемуся по нашей вине медленно задыхаться в чужом мире, находящемся во многих парсеках от родного дома. Мы используем и эти аргументы, если придется вынести спор на более высокий уровень — скажем, на суд общественного мнения. Не думаю, что дело дойдет до этого, но сейчас я не в настроении ограничивать себя цивилизованной борьбой и чисто логическими аргументами.

И если Алан Аукойн начнет ворчать насчет цены управления баржей (мне кажется, он чрезмерно благоразумен), я собираюсь попинать его обеими ногами. Энергия у нас практически даровая — с тех пор, как мы получили термоядерные двигатели, так что о ценности чего идет речь? Может быть, о ценности его личных заслуг? Так или иначе, но ему придется использовать команды месклинитов. Ведь, позволяя барже впустую дрейфовать неподалеку от станции, он попусту растрачивает ее *собственную* стоимость. Я знаю,

что в моей логике имеется маленькая брешь, но если ты укажешь на нее в присутствии доктора Аукойна, я отшлепаю тебя впервые с тех пор, как тебе исполнилось семь лет, а последнее десятилетие, по-моему, не слишком ослабило мою руку. Пусть Аукойн соображает все сам.

— Не нужно раздражаться в отношении *меня*, па.

— Я и не раздражаюсь. В действительности я не столько раздражен, сколько напуган.

— Напуган? Чем же?

— Тем, что может случиться с Барленнаном и его группой, на этой, как твоя мама называет, «ужасной планете».

— Но почему? Почему ты испугался только сейчас?

— Потому, что понемногу начал понимать: Барленнан — разумное, волевое, вдумчивое и честолюбивое существо, к тому же неплохо обученное — примерно такое, каким был мой единственный сын шесть лет назад, и я еще очень хорошо помню твой эксперимент с прибором для подводного плавания. Идем. Нам нужно организовать школу астронавтов и отобрать в нее парочку студентов.

Эпилог: Уроки

На расстоянии в двести миль баржа выглядела как похожий на звезду объект, отражающий слабый свет Лаланда-21185. Бендж наблюдал, как корабль притормозил на этом расстоянии и занял стационарную орбиту, которую его пилот считал подходящей, однако ни Бендж, ни пилот никаких технических деталей не обсуждали. Настолько удобным оказалось разговаривать, не ожидая в течение целой минуты ответов друг друга, что Бендж и Битчермарлф просто болтали без умолку.

Однако такие беседы становились все менее и менее частыми. Теперь Бенджу пришлось по-настоящему вернуться к своей работе и, как он подозревал, наверстывать упущенное. Битчермарлф во время тренировочных полетов частенько забирался так далеко, что вообще не имел возможности разговаривать ни с кем, кроме своего инструктора.

— Время передавать бразды правления, Битч, — закончил Бендж их последнюю беседу, услышав насвистывание Тиббетса, приближающегося из

шахты. — Учитель уже близко.

— Я готов, как только он появится, — тут же пришел ответ. — На этот раз он будет использовать ваш язык или мой?

— Не знаю, он сам тебе скажет. А вот и он, — ответил Бендж.

Однако бородатый астроном, осмотревшись по сторонам, сперва обратился к Бенджу. Сейчас они оба плавали в невесомости, в секции визуального наблюдения, расположенной в центральной части огромной станции, и Тиббетс принял как само собой разумеющееся, что баржа и его студент дрейфуют где-то по соседству. Его цепкий взгляд вобрал в себя все — и тусклый янтарь солнца, и туманный диск Дхрауна, отсюда казавшийся чуть больше Луны, видимой с Земли.

— Где он, Бендж? Кажется, я слышал, как ты с ним беседовал. Надеюсь, он не опаздывает? Пора бы ему уже неплохо разбираться с орбитами перехвата, даже с номограммами вместо высокоскоростных компьютеров.

— Он здесь, сэр. — Бендж показал. — Чуть более чем в двухстах милях, на 17,8-минутной орбите вокруг станции.

Тиббетс поморгал.

— Просто немыслимо. Вот уж не предполагал,

что эта груда железа может проскочить расстояние хотя бы в двести футов за такое время, не говоря уж о двухстах милях. Ему необходимо было использовать форсаж, с ускорением двигаясь в направлении к нам…

— Он так и поступил, сэр. С ускорением около двухсот «g». А время, указанное мной, равно периоду обращения Месклина, в то время как ускорение — сила тяжести в его родном порту. Он говорит, что еще ни разу не чувствовал себя так комфортно с тех пор, как подписал контракт с Барленнаном. Одного лишь ему бы еще хотелось — каким-то образом прибавить солнечного света.

Астроном медленно улыбнулся.

— Так. Мне все ясно. Конечно, в этом есть смысл. Я должен был бы сам догадаться. У меня для него приготовлено множество упражнений, но это ничуть не хуже любого из них. Надо будет сделать упор на маневрах, требующих высоких ускорений. Что ж, займемся делом. Ты не мог бы остаться, чтобы проконтролировать мой стеннийский? Кажется, для сегодняшней работы у меня наготове все стеннийские термины, да и космос достаточно чист, так что его ошибки и мои должны быть относительно безвредны, однако

зачем рисковать?

— И все же очень плохо, что «Квембли» нельзя спасти, — заметил Аукойн, — но команда Дондрагмера добилась неплохих результатов в изучении местности, где они застряли в ожидании спасения. Думаю, лучше всего послать им на выручку «Каллифф», хотя бы и с неполной командой, чтобы дать им возможность спокойно работать, пока не прибудут спасатели, а не переправлять их обратно в Поселок на барже. Так или иначе, это довольно опасно, пока у нас не будет двоих опытных, с практическими навыками пилотов-месклинитов. Та единственная посадка, около «Квембли», когда мы подобрали двух рулевых, была просто чудом, и нельзя рассчитывать на его повторение.

А теперь еще у нас неприятности со «Смофом». Если так будет продолжаться и впредь, мы скоро лишимся всех крейсеров, и даже раньше, чем Нижняя Альфа будет пройдена хотя бы наполовину. Знает ли кто-нибудь командира «Смофа» так, как Изи знает Дондрагмера? Вы ведь, Изи, с ним незнакомы, по-моему, не так ли? Может ли кто-нибудь охарактеризовать его способность выбираться самому из неприятностей? Или все-таки рискнем и пошлем баржу вниз до того, как

два месклинита полностью пройдут обучение?

— Тиббетс считает, что Битчермарлф уже сейчас мог бы спокойно посадить баржу на поверхность, если только нет принципиальных возражений против посадки вообще, — сказал инженер. — Лично я незамедлительно разрешил бы ему сделать это.

— Возможно, вы и правы. Но все дело в том, что нельзя посадить баржу на ледник, а поднять лэнд-крейсер она не в состоянии, даже если бы имелась возможность как-то подцепить корабль, не сажая баржу. На данный момент самое лучшее для Битчермарлфа и Такуурча — продолжать учебу. Теперь вопрос к секции планетологии: в каком направлении надо отправиться команде «Смофа» и какое расстояние им надо преодолеть, если придется оставить крейсер, до ближайшей точки, где баржа *смогла* бы совершить посадку и подобрать их. Если она, эта точка, близка к их нынешнему местонахождению, то, естественно, нет необходимости им что-то говорить: я хочу, чтобы они всеми силами постарались спасти крейсер, и нет никакого смысла смущать их возможностью легкого спасения.

Иб Хоффман слегка шевельнулся, но удержался от комментариев. Наверное, в чем-то Аукойн

был прав.

Администратор продолжал:

— Кроме того, есть ли что-нибудь определенное по тому феномену, в котором увяз «Квембли»? Вы уже получили образцы этой грязи — или что там оно такое? Битчермарлф доставил пробы уже неделю назад.

— Да, — ответил химик. — Это поразительный пример поверхностной активности вещества. Оно весьма чувствительно к природе и размеру частиц содержащихся в нем минералов, к соотношению воды и аммиака со связующей жидкостью, к температуре и давлению. Конечно же, вес «Квембли» явился главной причиной неприятностей. Месклиниты могли бы спокойно разгуливать по его поверхности, что они и проделывали неоднократно, находясь в достаточной безопасности. Но как только вещество оказалось под воздействием резко возросшей нагрузки, его внутренняя структура нарушилась, и оно стало аморфным. Процесс имел волнообразный характер…

— Хорошо, остальное можно изложить на бумаге, — кивнул Аукойн. — Есть какая-нибудь возможность определять подобные места на поверхности без того, чтобы утопить там очередной

лэнд-крейсер?

— Гм-м. Я бы сказал, что да. Радиационная температура должна послужить надежным источником информации… по крайней мере, она предупредит, что необходима еще какая-то проверка. И если уж на то пошло, я бы не стал беспокоиться, что баржа утонет в таком «болоте»: реактивные двигатели просто испарят всю воду и аммиак с поверхности еще до полной посадки.

Аукойн кивнул и перешел к другим вещам: доклады с крейсеров, сообщения для прессы, поставки оборудования, перспективные планы исследований…

И все же он испытывал легкое разочарование. Собственные ошибки не были для него секретом, но, как и большинство людей, он нашел им оправдание и постарался, чтобы никто их не заметил. Однако Хоффман все видел; может быть, и другие кое-что замечали, так что придется быть настороже, если он хочет сохранить этот важный и ответственный пост за собой. «И все-таки, — твердо повторил он про себя, — месклиниты тоже люди, даже если и выглядят похожими на насекомых».

Внимание Иба Хоффмана несколько отвлеклось, хотя он и понимал всю важность данной

работы. Его мысли опять и опять возвращались к «Квембли», к «Смофу» и так хорошо разработанному прибору для подводного плавания, который чуть не погубил его одиннадцатилетнего сынишку. Доклады, сопровождаемые едкими замечаниями Аукойна, все продолжали и продолжали звучать…

Медленно, с мучительными сомнениями, Иб наконец решился.

— Мы идем с небольшим опережением, — сказал Барленнан. — Большая удача, что удалось снять передатчики с «Квембли», поскольку все равно пришлось его оставить. Нет худа без добра: мы работали без всяких ограничений, якобы снимая все, что только понадобится. Мы смогли использовать при этом вертолет Реффела, так как люди уверенны, что и он утрачен. Джемблаки и Дисленвер, похоже, считают, что крейсер можно привести в походное состояние на следующий же день.

Он взглянул на слабенькое солнце, стоявшее почти у них над головами.

— Земные химики весьма помогли нам разобраться с той грязью, в которой застрял крейсер. Но просто удивительно было слушать, когда один из них разговаривал с Дисом насчет этой

штуки: без конца повторяя, что это лишь его предположения, он в то же время давал совет за советом. Очень жаль, что нельзя сказать ему, насколько удачными оказалось большинство из его советов.

— Сомнение, похоже, — неотъемлемая черта людей, — заметил Гузмиин. — А когда поступили новости?

— «Диди» вернулся с час назад и уже улетел обратно. Слишком много работы для одной машины. Плохо, что мы потеряли «Элш», да еще Кабремм с его «Гвельфом» запаздывает, а работы все прибавляется. Может быть, что-то наконец выяснится насчет «Каллиффа»; предполагалось, Кабремм должен разведать маршрут, чтобы крейсер побыстрее добрался до лагеря Дона. Надо узнать, не заметил ли его один из разведчиков Кенанкена. Пока опоздание менее дня, так что еще есть возможность…

— И, учитывая все это, ты утверждаешь, что мы идем с опережением? — перебил Гузмиин.

— Конечно. Если помнишь, вся цель игры с «Эскетом» состояла в том, чтобы убедить людей позволить нам использовать космические корабли. Самообеспечение и самоподдержка — лишь побочные явления, хотя и полезные. Мы, предпо-

лагалось, должны были создать миф о местной жизни, внушив уверенность людям в грозной опасности, — и все это еще до того, как смогли бы убедить Аукойна разрешить нам полеты. На подготовку ушли месяцы, но это гораздо меньше установленного нашим графиком срока, а потеряли мы при этом немного: базу у «Эскета», конечно, «Элш» и его команду и, похоже, Кервенсера с его вертолетом.

— Но ведь Кервенсер и Карфренгин — немалая потеря. Нас ведь не так уж и много. И если Дондрагмер и его команда не смогут протянуть до прибытия «Каллиффа», мы понесем по-настоящему большие потери; по крайней мере, среди экипажа наших воздушных шаров нет ученых и инженеров.

— Ну, Дону не грозит серьезная опасность. Их всегда может подобрать Битчермарлф на человеческом космическом корабле, то есть, я имею в виду, на *нашем* космическом корабле.

— Не забудь: если в *этой* операции что-нибудь пойдет не так, то мы лишимся не только нашего единственного космического корабля, но и наших единственных космических пилотов.

— Следовательно, — задумчиво произнес Барленнан, — надо попытаться вновь вернуть себе

утраченные позиции. Как только «Квембли» будет готов, ему следует начать поиск подходящего места и сразу перебазировать туда поселок у «Эскета». Думаю, найти хорошее место ученым Дона будет нетрудно: Дхраун, похоже, весьма богат металлическими рудами. Возможно, район поиска стоить приблизить к Поселку, чтобы облегчить связь. Кроме того, придется построить еще несколько воздушных шаров: тот единственный, что у нас остался, не справляется с работой. Возможно, придется сконструировать машины, большие по размерам.

— Я уже подумывал над этим, — признался техник, который до сих пор слушал, не произнося ни слова.

— Тебе не кажется, — спросил Гузмиин, — что было бы разумно — осторожно, конечно, — побольше разузнать у людей о воздушных шарах? Мы никогда не обсуждали этот вопрос с ними. Ты прошел обучение давно, многие годы назад, и некоторые из наших восприняли идею использовать в этих машинах энергоблоки как нечто само собой разумеющееся. Но мы не знаем, используют ли их *люди* подобным образом? И что, если не случайно мы так быстро потеряли два из наших трех воздушных шаров? Может быть, есть что-то

фундаментально ошибочное в самой идее?

Командир сделал жест нетерпения:

— Глупости. Я не старался получить полное научное образование у чужаков, поскольку очевидно, что на это потребовалось бы слишком много времени, но одно я понял точно: все основные — базовые — правила по сути своей достаточно просты. Как только люди начали концентрироваться на основных правилах, они прошли путь от парусных кораблей до космических за пару сотен лет. Воздушные шары, с источниками энергии или без них, — простые устройства, и я сам отлично в этом разбираюсь. Установка на борту у них двигателя ничего, в принципе, не меняет: работают те же самые правила.

Техник задумчиво посмотрел на своего командира и подумал об электронно-лучевых трубках и телевизионном оборудовании, прежде чем ответить.

— Как мне кажется, — медленно произнес он, — кусок материи, унесенный порывом ветра, и корабль, захваченный воздушным потоком, являются примерами проявления одних и тех же правил.

Барленнан, почувствовав какой-то подвох, не хотел согласиться с этим замечанием, но и возра-

зить ничего не смог.

Он все еще пытался выбросить из головы слова своего техника, хотя и безуспешно, когда, примерно часов двадцать спустя, курьер вызвал его в отсек связи. Барленнан отправился туда, терзаясь сомнениями, чувствуя, что ситуация перестала быть однозначной и грозит выйти из-под контроля. Едва он появился, Гузмиин что-то коротко произнес в микрофон, и минутой позже на экране возникло лицо человека, которого ни один из месклинитов не знал.

— Я — Иб Хоффман, муж Изи и отец Бенджа, — без всякого предисловия начал незнакомец. — Я говорю только с вами двумя — с Барленнаном и Дондрагмером. Вся остальная часть команды наблюдателей занята другими экранами в связи с новой тревогой: еще на одном из крейсеров что-то случилось. Я использую ваш язык, насколько могу, и рядом стоит жена; она знает, что я хочу сказать, и поправит меня, если я сильно ошибусь. Я решил, что пришло время устранить некоторое взаимонепонимание, но пока не хочу посвящать в это всех здесь, и вы поймете, почему, еще до того как я закончу, если уже не сообразили, в чем дело. Меня это волнует прежде всего потому, что я не хотел бы называть кого-нибудь лжецом на

любом языке.

Прежде всего, Барленнан, примите мои самые сердечные поздравления. Я почти абсолютно уверен в том, что, передав месклинитским пилотам нашу баржу, мы выполнили один из главных пунктов вашего плана, и, наверное, задолго до того, как ты надеялся его осуществить. И с этим все в порядке. Я хотел, чтобы так произошло. Возможно, несколько позже у вас возникнет желание самим совершать межзвездные полеты. Это меня также вполне устраивает. И я помогу.

Вы, похоже, чувствуете, что множество людей попытаются помешать вам, и я должен признать, что некоторые действительно предпримут такие попытки, хотя, как мне кажется, наиболее влиятельный из них сейчас находится под полным контролем. Кстати, вы не можете быть вполне уверены, даже сейчас, что я с вами откровенен: вы сами достаточно хитроумны, так что вполне резонно ожидаете того же и от других. И это плохо. Многому ли из того, что я говорю, вы верите — не знаю, и все же я должен сказать все.

Какова в действительности ситуация, сложившаяся у вас там, на Дхрауне, — можно только гадать. И я выскажу предположения. Я почти уверен, что исчезновение «Эскета» не было

настоящим, — раз. Я не уверен, что нынешнее состояние «Квембли» безнадежно, — два. Вы, возможно, знаете о Дхрауне гораздо больше, чем сообщили, — три. Я бы не сказал, что это меня не волнует, потому что на самом деле меня это волнует *очень*. Мы находимся здесь, чтобы как можно больше узнать о Дхрауне, и тот факт, что вы о многом умалчиваете, — потеря для всего проекта. Я не могу угрожать вам наказаниями за нарушения контракта, поскольку не совсем уверен в том, что вы его нарушили, да и не занимаю такого положения, чтобы угрожать вам. И, в любом случае, еще меньше мне хочется вам угрожать. Но все же я намерен убедить вас, что будет лучше для нас всех, если далее обходиться без секретов. Мы сейчас в таком положении, что малейшая неоткровенность, скорее всего, нам обойдется весьма дорого, а вы потеряете все. И чтобы как-то подкрепить свою мысль, я расскажу вам одну историю.

Вы знаете, люди дышат кислородом — примерно так же, как вы дышите водородом. Но, являясь существами гораздо большими по размерам, мы нуждаемся в более сложной системе дыхания, чтобы ввести кислород в наши тела. И из-за особенностей этой системы мы задыхаемся,

если сказываемся лишенными газообразного, несвязанного кислорода внутри определенных, довольно узких, границ давлений.

Примерно три четверти Земли покрыты водой. Мы не можем дышать под водой без искусственного оборудования, но использование такого оборудования является распространенным видом спорта среди людей. Оборудование, по сути, состоит из баллона со сжатым воздухом и системы клапанов, которые определенным образом вводят в нашу дыхательную систему воздух. Все просто и очевидно.

Шесть наших лет назад, когда Бенджу было одиннадцать лет, он изготовил подобное устройство, сконструировав его самостоятельно, хотя и под моим руководством. Он сделал баллон под давлением и регулятор, используя обычные инструменты, которые можно найти в большинстве домашних мастерских, точно так же, как он ранее изготавливал и более сложные вещи — такие, например, как компактные газовые турбины. С моей помощью он подверг все детали испытаниям — все они работали отлично. Он вычислил, сколько ему потребуется воздуха для определенного времени пребывания под водой. Я проконтролировал и это, используя коммерче-

ское вычислительное устройство, — сама собой разумеющаяся мера предосторожности.

Я уверен, вам известны принципы гидростатики и газодинамики; во всяком случае, Изи сообщила мне их эквиваленты на вашем языке. Вы можете понять, что на определенной глубине легкие, полностью наполненные воздухом, имеют половинный объем по сравнению с объемом на поверхности. Бендж и об этом знал, но решил, что все равно легкие будут полностью заполнены воздухом, поскольку речь идет о содержании кислорода, так что баллона с запасом на один час хватит на один час пребывания под водой, независимо от глубины, до тех пор, пока давление в баллоне с воздухом выше давления воды.

В общем, чтобы сделать эту длинную историю короткой, скажу, что все вышло не так. У него кончился воздух в три раза быстрее, чем он рассчитывал, — минут за двадцать, и мне срочно пришлось его спасать. Из-за быстрой смены давлений и некоторых других особенностей человеческого организма, которым вы, похоже, аналогов не имеете, он чуть было не погиб. Все дело оказалось в том, что дыхание у человека контролируется, но не содержанием кислорода в крови, а содержанием в ней дву-

окиси углерода — продукта отходов дыхания. И чтобы поддерживать нужное соотношение, мы должны прогонять нормальные объемы воздуха через наши легкие, независимо от концентрации кислорода или давления. Отсюда вытекает, что запаса, рассчитанного на час при нормальном давлении, хватает лишь на полчаса на глубине в тридцать три фута и на треть часа на глубине в шестьдесят шесть футов, и так далее.

Я не намерен оскорбить ничей ум вопросом, понял ли он то, что я хотел сказать, но был бы рад услышать комментарии от вас по поводу этой истории.

Ответы оказались весьма любопытными, как по своей природе, так и по времени поступления. Ответ Барленнана шел лишь чуть-чуть дольше, чем диктовала задержка на расстояние; ответ же Дондрагмера пришел гораздо, гораздо позже и не совпал с ответом его командира.

— Совершенно очевидно, что неполные знания могут привести к ошибкам, — сказал Барленнан, — истина, для нас давно уже не новая. Мы вполне осознаем, что наши знания не могут быть полными и что наша работа по этой причине опасна. Мы всегда понимали это — зачем же подчеркивать именно сейчас? Я бы с большим

удовольствием послушал доклад насчет того крейсера, что попал в аварийную ситуацию. Вы заставляете меня подозревать, что мягко подводите к информации о том, что я потерял еще один крейсер из-за того, что инженеры-конструкторы чего-то не предусмотрели. Не беспокойтесь, я не собираюсь обвинять вас в этом. Никто из нас не мог предвидеть всего.

Иб угрюмо улыбнулся при ярком проявлении еще одной чисто человеческой черты в месклините.

— Нет, вовсе не это было у меня на уме, командир, хотя в том, что вы только что сказали, есть свои весьма серьезные аспекты. Тем не менее, я хотел бы подождать ответа Дондрагмера, прежде чем ответить вам.

И прошла еще одна долгая минута, полная напряжения, пока не прозвучал голос капитана «Квембли»:

— Поведанная вами история достаточно ясна, и вы могли бы наложить ее еще короче, если бы не имели в виду нечто очень важное. Ключевым моментом, подозреваю, является не столько исключительная ситуация, в которую ваш сын попал из-за своего невежества, сколько то, что это произошло с ним даже при вашем, опытного

взрослого человека, руководстве. Я вполне готов усмотреть здесь намек на то, что, если уж и вы, чужаки, не признаете за собой ни всезнания, ни всемогущества, мы, на Дхрауне, и подавно постоянно находимся в определенной опасности, сколько бы вы не наблюдали за нами и не помогали нам. И мы непредсказуемо увеличиваем риск для самих себя, когда действуем по собственному наитию, подобно студенту-химику, экспериментирующему самостоятельно.

Дондрагмер провел гораздо больше времени в Колледже, чем его командир.

— Правильно. Именно это я и имел в виду, — сказал Иб. — Я не мог…

— Минуточку, — перебила его Изи. — Не лучше ли сначала передать слова Дона Барленнану?

— Правильно.

Ее муж коротко, одной фразой, пересказал речь капитана и продолжил:

— Я не могу навязывать вам какую-то политику, и не стал бы делать этого, если бы и мог. Я не жду, что вы расскажете обо всем, что произошло на Дхрауне с момента строительства Поселка. Мало того, я даже рекомендую воздержаться от этого шага: у меня и без того предостаточно хлопот с администрацией здесь, наверху, что-

бы еще усложнять существующее положение. Тем не менее, если Изи случайно вдруг удастся неофициально поговорить с ее старыми друзьями Дестигметом и Кабреммом, я имел бы лучшее представление о действительных событиях, и это помогло бы мне здесь, наверху, проследить, чтобы наши общие дела шли спокойно и гладко. Я не жду от вас мгновенного решения, не жду немедленной перемены в базовой политике, командир, но, пожалуйста, подумайте над этим.

Барленнан, прирожденный морской капитан, привык к необходимости быстрых решений. Более того, обстоятельства давно уже наталкивали его на подобные мысли, и неважно, что зарождались они в крошечной голове — границы тела для мыслей не имеют значения. Ведь в конце концов, думал Барленнан, его базовая политика преследует одну цель: выживание всей команды. И он не задержался с ответом Ибу:

— Изи сможет переговорить с Дестигметом, но не сейчас: «Эскет» весьма далеко отсюда. Я также подожду пока задавать вам кое-какие вопросы, на которые хотел бы получить ответы. Прежде всего прошу сообщить мне о новых неприятностях. Вы сказали, что еще один из моих крейсеров попал в аварийную ситуацию. Пожалуйста, рас-

скажите, что произошло, и мы подумаем, какая там требуется помощь, чтобы вам легче было ее организовать.

Иб и Изи Хоффманы с улыбкой переглянулись и вздохнули с облегчением.

Но именно Бенджу принадлежало ключевое замечание. Это случилось несколько позже, в аэрологической лаборатории, когда Иб и Изи пересказали ему и Макдевитту содержание неофициальных переговоров. Бендж поднял взгляд на карту, на огромную территорию Дхрауна, где затерялась крошечная площадка, светящаяся живыми огоньками, и сказал:

— Мне показалось, будто вы считаете, что они там, внизу, теперь в гораздо большей безопасности.

Эта мысль всех отрезвила.